

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИСТОРИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В СИБИРИ 90 ЛЕТ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ**

Издательство Томского университета
2008

УДК 94(57)
ББК 63.3
И89

Редакторы:
д-р ист. наук, профессор *В.П. Зиновьев*,
д-р ист. наук, профессор *С.Ф. Фоминых*

Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический
И89 факультет Томского государственного университета в вос-
поминаниях и документах / Сост. Д.В. Хаминов, С.А. Некрылов. –
Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 264 с.

ISBN 978-5-7511-1863-1

Сборник материалов посвящен 90-летию юбилею исторического факультета Томского государственного университета, начавшему первым в Азиатской России подготовку профессиональных историков с высшим образованием.

Для специалистов-историков, студентов и аспирантов исторических факультетов вузов и всех интересующихся историей высшего образования в России.

УДК 94(57)
ББК 63.3

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
выпускника исторического факультета Сергея Николаевича Быкова*

ISBN 978-5-7511-1863-1

© Авторы, 2008
© В.П. Зиновьев, С.Ф. Фоминых – редактирование, 2008
© Д.В. Хаминов, С.А. Некрылов – составление, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	6
<i>Зиновьев В.П., Фоминых С.Ф., Хаминов Д.В., Некрылов С.А.</i> Краткий очерк истории исторического факультета ТГУ.....	8
I. Открытие и первый период работы историко-филологического факультета в 1917–1922 гг.....	37
Высочайший Указ императора Александра II об открытии в Томске Сибирского университета от 16 мая 1878 г.....	37
Постановления Временного правительства об открытии в Томске Сибирского университета от 16 мая 1878 г.....	38
<i>Гессен С.И.</i> Профессура в Томске.....	41
<i>Петухова В.В.</i> Странички моей жизни.....	43
II. Второе открытие исторического (историко-филологического) факультета. Военный период его работы (1940–1945 гг.).....	45
Приказ Народного комиссара по просвещению РСФСР А.С. Бубнова «Об открытии исторических факультетов в университетах» от 3 апреля 1934 г. за № 260.....	45
Постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР».....	46
Из отчетного доклада «О работе партгруппы исторического факультета ТГУ за период с 17/IX-40 г. по 22/IV-41 г.»...	48
<i>Бельтюкова Е.П.</i> Великая Отечественная война глазами студентки.....	51

<i>Бояршинова З.Я.</i> Университет во время войны.....	57
<i>Гутнова Е.В.</i> Жизнь в Томске.....	70
<i>Евсеев М.П.</i> Вспоминая первые годы истфака.....	83
<i>Молчанова М.М.</i> Во время войны.....	90
<i>Соловьева В.А., Палагина В.В.</i> Из воспоминаний студентов историко-филологического факультета Томского университета военных лет.....	97
III. Послевоенный период работы историко-филологического (с 1974 г. исторического) факультета и современность.....	105
Письмо профессоров историко-филологического факультета об открытии Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИЛ ИАЭС) в ТГУ.....	105
Протокол заседания ученого совета историко-филологического факультета ТГУ им. В.В. Куйбышева от 28 марта 1974 г.....	106
Приказ ректора Томского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В.В. Куйбышева о разделении историко-филологического факультета на филологический и исторический за № 391 от 7 июня 1974 г.....	107
<i>Зольников Д.М.</i> Студент.....	109
<i>Селиванов Ф.А.</i> На берегу Томи в Лагерном саду.....	127
<i>Могильницкий Б.Г.</i> Вспоминая пережитое.....	135
<i>Куперт Ю.В.</i> Штрихи былого.....	161
<i>Канунова Ф.З.</i> Наш историко-филологический.....	173
<i>Жеравина А.Н.</i> Трудный путь в науку.....	180
<i>Чиндина Л.А.</i> Об университетских археологах.....	185
<i>Зиновьев В.П.</i> Студенчество и «научное детство».....	196
IV. Воспоминания о преподавателях историко-филологического факультета.....	207
<i>Голишева Л.А.</i> Слово об учителе: к 90-летию со дня рождения профессора З.Я. Бояршиновой.....	207
<i>Могильницкий Б.Г.</i> И.М. Разгон в моей памяти.....	212
<i>Сухотина Л.Г.</i> Слово о моих учителях.....	224
<i>Жигалов Б.С.</i> Иван Гаврилович Коломиец (страничка воспоминаний).....	229

<i>Вольфсон С.В.</i> Мой главный учитель.....	231
<i>Топчий А.Т.</i> Г.И. Пелих – первый этнограф Томского университета.....	235
<i>Чиндина Л.А.</i> Воспоминания.....	240
<i>Зиновьев В.П.</i> Профессор Н.В. Блинов.....	244
<i>Румянцев В.П.</i> О научной и педагогической деятельности профессора М.Я. Пелипаса.....	249
Приложение.....	255
Деканы и заместители деканов историко-филологического (с 1974 г. исторического) факультета (составитель С.А. Некрылов).....	255
Заведующие кафедрами историко-филологического (с 1974 г. исторического) факультета (составитель Д.В. Хаминов).....	257
Сведения об авторах.....	261

Уважаемый читатель!

Предлагаемая Вашему вниманию книга составлена из документов по истории исторического факультета, воспоминаний историков Томского университета и посвящена 90-летию исторического образования в Томске и в Сибири. Более чем 90 лет назад – 1 июля 1917 г. указом Временного правительства России в Томском университете были открыты историко-филологический и физико-математический факультеты.

Сам факт этот весьма поучителен. Казалось бы, стране было не до университетов, не до истории, словесности и точных наук, шла кровавая война и социальная революция. Однако в период невзгод и кипения сиюминутных страстей были люди, которые думали о будущем России, о том, что войны и революции заканчиваются, а жизнь страны должна продолжаться. Они понимали, что будущее России невозможно без науки и образованных людей.

Томское общество приветствовало учреждение историко-филологического факультета. Газета «Сибирская жизнь» 10 августа 1917 г. писала: «Мы не знаем родной истории и от этого мы плохие патриоты. Пожелаем, чтобы новый факультет взял на себя роль светильника на высоте. Будем надеяться, что вокруг него вырастут общества и кружки, и религиозно-философские, и психологические, и педагогические, исторические и «любители древностей российских и словесностей».

Все так и свершилось, хотя и не сразу. Власти закрыли факультет в 1922 г., чтобы вновь его открыть в 1940 г., так как осознали необходимость истории для просвещения и воспитания патриотизма. Факультет прошел вместе с университетом все испытания, выпавшие на долю страны, причастен ко всем ее достижениям и победам, выпустил около 10 тыс. специалистов по истории, международным отношениям, документоведению, разделился на исторический и филологический, стал базовым для открытия новых гуманитарных факультетов в ТГУ и в ряде других университетов Сибири, которым передал свои традиции и кадры.

Страна вновь на крутом вираже истории, как и 90 лет назад, а перед коллективом преподавателей и сотрудников исторического факультета стоят те же задачи – задачи просвещения и воспитания патриотизма.

Поздравляя коллег историков с 90-летием высшего исторического образования в Сибири, желая дальнейших успехов факультету, надеюсь, что настоящая книга будет способствовать развитию традиций Томского университета.

Г.В. Майер, ректор Томского университета

В.П. Зиновьев, С.Ф. Фоминых, Д.В. Хаминов, С.А. Некрылов

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТГУ

16 (28) мая 1878 г. император Александр II подписал указ об открытии в Томске Сибирского университета в составе четырех факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского¹.

Однако первый камень в фундамент будущего университета из-за Русско-турецкой войны был заложен лишь через два года, 26 августа (7 сентября) 1880 г. Свои же двери университет открыл только в 1888 г. для первых студентов одного медицинского факультета. Это объяснялось недостатком финансирования, нехваткой кадров профессорско-преподавательского состава и тех, кто мог бы учиться в университете, т.е. будущих студентов. В то время на всю Сибирь существовало всего 4 гимназии, поэтому в университет разрешили принимать и выпускников духовных семинарий. Кроме того, в правительстве посчитали, что медицинские кадры для Сибири в то время были более необходимы, чем какие-либо другие.

Еще до открытия Томского университета в фонды его будущей библиотеки и музеев в виде даров и пожертвований поступали целые коллекции, собрания и библиотеки от благотворителей и меценатов. Среди этих коллекций были и богатейшие археологические, этнографические и нумизматические собрания. Они составили основу

---

¹ Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913. С. 2.

для созданного 6 декабря 1882 г.² попечителем Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринским Музея археологии, истории, этнографии и нумизматики при Томском университете³.

Несмотря на отсутствие в составе университета историко-филологического факультета, еще задолго до его открытия в 1917 г. в пользу университета А.М. Сибиряковым, Л.П. Кузнецовым и Н.А. Белоголовым было пожертвовано три крупных капитала для выдачи премий за сочинения по истории, антропологии и социологии Сибири и за сочинения, о ее природе⁴.

Имея в своем составе только один факультет, Императорский Томский университет не мог считаться полноценным классическим российским высшим учебным заведением, который предполагал наличие всех четырех вышеозначенных факультетов, поэтому сразу же началась борьба местных властей, профессоров университета и сибирской общественности за открытие недостающих факультетов. На протяжении долгих лет Совет университета и общественность Сибири добивались от правительства и от Министерства народного просвещения открытия в Томском университете недостающих факультетов. Наконец, 22 октября 1898 г. был открыт второй по счету юридический факультет, и дело гуманитарной науки и образования в Сибири было сдвинуто с мертвой точки. Это событие явилось важным шагом на пути превращения университета в центр подготовки административных кадров и экономико-юридического изучения Сибири.

Несмотря на отсутствие в составе Томского университета историко-филологического факультета, его профессора и преподаватели вели исследования по наукам исторического цикла. Первыми в этом ряду исследователей стоят имена В.М. Флоринского, который был хранителем университетского Музея и исследователем археологии Томской губернии⁵; профессора-зоолога Н.Ф. Кащенко, ко-

---

² Эта дата была выбрана В.М. Флоринским не случайно, она была приурочена к 300-летней годовщине присоединения Сибири к России.

³ Подробнее о поступлениях коллекций в фонд университета и музея см.: Открытие Императорского Томского университета. Томск, 1888.

⁴ Журнал министерства народного просвещения. 1917. № 6. С. 78.

⁵ См.: *Флоринский В.М.* Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской областей // Известия ИТУ. Томск, 1890. Кн. 2. С. 16–46.; *Он же.* Первобытные славяне по памятникам их

торый вел раскопки верхнепалеолитической стоянки древнего человека у подножия горы в Лагерном саду; библиотекаря Томского университета С.К. Кузнецова, проводившего археологические раскопки в окрестностях Томска в 1889 г.⁶

Известным исследователем прошлого Томска, Сибири и истории православия на этой земле был профессор кафедры богословия Томского университета протоиерей Д.Н. Беликов. Профессора юридического факультета И.А. Малиновский, Н.Я. Новомбергский, М.Н. Соболев и П.И. Лященко занимались изучением некоторых вопросов по истории хозяйственного освоения Сибири, ее экономики и истории русского права⁷.

В Томском университете со времени его открытия действовало Общество естествоиспытателей и врачей. Это Общество ставило перед собой следующие цели: «1. Содействия успехам всех отраслей естествознания и научной медицины. 2. Изучение Сибири и прилегающих к ней стран в естественно-историческом и медицинском отношениях, имея в виду не только научные, но и практические цели изучения страны. 3. Изучение населяющих Сибирь племен, преимущественно инородцев, в антропологическом отношении, а также антропологическое изучение по археологическим памятникам живших здесь доисторических племен. 4. Распространение в публике естественно-исторических и медицинских сведений и привлечение наибольшего числа лиц к естественно-историческим исследованиям»⁸. На заседаниях этих обществ его членами делались доклады и сообщения по разным аспектам научного знания – по медицинским и естественным наукам, в том числе и по историческим.

Как мы можем видеть, в стенах Томского университета в конце XIX – начале XX в. широко велись исторические, археологические и этнографические исследования, сложилась основательная научная и материальная база – появились библиотека и Музей с его бо-

---

доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Ч. I–II; *Он же*. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. 275 с.

⁶ Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях г. Томска, произведенных летом 1889 г. // Известия ИТУ. 1890. Кн. 2. С. 123–200.

⁷ См.: Труды ученых в изданиях Томского университета за 70 лет (1889–1958). Томск, 1962.

⁸ Известия ИТУ. 1889. Кн. 1. С. 3.

гатыми коллекциями. В этой связи была необходимость в открытии историко-филологического факультета как центра по сибиреведению, который способствовал бы изучению истории, археологии и населения этого региона. Кроме того, новый факультет должен был способствовать подготовке кадров для средних учебных заведений Сибири (для гимназий, училищ и т.п.) по историческим и филологическим дисциплинам.

Поэтому на протяжении всего дореволюционного периода ни Совет Томского университета, ни его ректоры (И.А. Базанов и В.В. Сапожников) не оставляли попыток добиться от Министерства народного просвещения открытия недостающих факультетов, в том числе и историко-филологического. Вопрос этот неоднократно поднимался на заседаниях Государственной Думы III и IV созывов. При каждом удобном случае его постоянно ставили депутаты Сибирской областной фракции, которые ратовали за развитие науки в Сибири и, в частности, в Томске. Но «пожелания эти обычно придавались забвению со стороны Министерства народного просвещения»⁹. Самым активным защитником идеи открытия в Томском университете историко-филологического факультета был выпускник юридического факультета Томского университета и будущий премьер-министр в правительстве адмирала А.В. Колчака В.Н. Пепеляев (член комиссии Государственной Думы по народному образованию, член Сибирской фракции). В 1914 г. он выступал в Думе с речами по данному вопросу, и Министерство уже готово было дать согласие, но начавшаяся в августе того же года Первая мировая война помешала осуществлению уже, казалось бы, решенного вопроса об открытии нового факультета.

Спустя два года, в 1916 г., вопрос об открытии недостающих факультетов в Томском университете был положительно решен министром народного просвещения графом П.Н. Игнатьевым. Но его скорая отставка в конце того же года и последовавшая вскоре Февральская революция помешали осуществлению этих планов.

В конце концов, 1 июля 1917 г. Постановлением Временного Правительства в Томском университете были открыты два недостающих факультета – физико-математический и историко-фило-

---

⁹ См. подробнее: Стенографический отчет Государственной Думы. III созыв, I сессия, I–III части; II сессия, I–IV части; III сессия, I–IV части; IV сессия, I–III части.

гический¹⁰. Последний открывался в составе четырех отделений: классического, славяно-русского (словесного), исторического и романо-германского. Работу факультета обеспечивали шесть кафедр.

С целью снабдить факультет профессорско-преподавательскими кадрами Министерству народного просвещения пришлось рассмотреть многие кандидатуры из различных университетов России. В итоге Приказом министра народного просвещения было решено, что из Варшавского университета на работу в Томск будет направлен экстраординарный профессор, магистр русской словесности А.Д. Григорьев, который возглавит кафедру русского языка и литературы, а из Петроградского университета – некоторые приват-доценты, которые возглавят кафедры, с присвоением им профессорского звания: Э.В. Диль (кафедра классической филологии), П.Г. Любомиров (кафедра русской истории), А.А. Гвоздев (кафедра западноевропейской литературы) и первая женщина, удостоенная профессорского звания, – С.И. Протасова (кафедра всеобщей истории)¹¹. Выбор именно этих кандидатур был не случайным: они были молоды, энергичны, проявили себя в научной и образовательной деятельности в университетах Центральной России и были готовы ехать даже в далекую Сибирь.

Деканом факультета стал профессор А.Д. Григорьев, ученым секретарем – профессор А.А. Гвоздев.

Предполагалось в последующем добавить к шести существующим кафедрам еще четыре: сравнительного языковедения, теории и истории искусств, истории церкви, исторической географии и этнографии¹².

Осенью 1917 г. историко-филологический факультет начал свою деятельность. 6 (19) ноября 1917 г. вступительную лекцию «Идея науки» прочел профессор С.И. Гессен¹³.

Факультет начал свою работу в тяжелых условиях революционных событий и начавшейся вскоре Гражданской войны. Томск оказался на территории сначала Временного Сибирского правительства, а затем Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака.

---

¹⁰ ГАТО. Ф-102. Оп. 1. Д. 826. Л. 41–42.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 311. Л. 24.

¹² *Зайченко П.А.* Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева за 75 лет. Томск, 1960. С. 199–200.

¹³ Сибирская жизнь. 1919. 26 нояб.

В городе начались трудности экономического характера: была введена карточная система на продукты питания, прежде всего на хлеб. Это все усугублялось бытовой неустроенностью, разрухой, нехваткой жилья, а также свирепствовавшими в городе болезнями и эпидемиями (прежде всего – тиф).

Первый набор 1917/18 учебного года составил 264 человека, причем на историческое отделение было принято больше студентов, чем на другие. Поскольку университет в своей деятельности продолжал руководствоваться уставом 1884 г., по которому студентами в университетах могли быть только лица мужского пола, то из всего количества первых учащихся лишь 44 человека были полноправными студентами (все они были мужчинами). Слушательниц было 75, вольнослушателей – 29, а вольнослушательниц – 116¹⁴.

В стенах Томского университета преподаватели историко-филологического факультета, по примеру других факультетов, уже осенью 1917 г. организовали свое научное общество – Общество этнографии, истории и археологии. Председателем общества был избран профессор А.Д. Григорьев, а секретарем – профессор Э.В. Диль.

В годы Гражданской войны в Томск была эвакуирована часть преподавателей и студентов Казанского и Пермского университетов (в течение 1918–1919 гг.). В университет влилось большое количество профессоров и преподавателей этих учебных заведений. Приехавшие в Томск сотрудники университетов искали возможность работать в стенах Томского университета, поэтому деканы историко-филологических факультетов эвакуированных вузов ходатайствовали перед деканом историко-филологического факультета о возможности вести здесь курсы и практические занятия.

В Томском университете стали преподавать профессора Б.Л. Богаевский, Ю.Н. Верховский, С.П. Обнорский, А.И. Сырцов, Л.А. Булаховский, А.П. Дьяконов, Н.Н. Фиолетов, Б.П. Деннике, а вместе с ними и некоторые другие приват-доценты и преподаватели¹⁵.

Благодаря пермским и казанским профессорам, а также преподавателям из числа военнопленных, захваченных на фронтах Первой мировой войны, спектр исторических, филологических и фило-

---

¹⁴ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 810. Л. 61–68 об.

¹⁵ Там же. Ф. 815. Оп. 1. Д. 80. Л. 5.

софских дисциплин, преподаваемых на историко-филологическом факультете, значительно расширился. Стали изучать санскрит, историю искусства, историю церкви и т.п.

Вместе с профессорами и преподавателями эвакуированных в Томск Казанского и Пермского университетов сотрудники историко-филологического факультета приняли участие в организации и работе Института исследования Сибири, открывшегося в январе 1919 г. Его целью было изучение Сибири в разных аспектах – истории, хозяйства, культуры, населения и т.п. В Институте был организован отдел истории, археологии и этнографии¹⁶.

После окончания Гражданской войны и установления в стране советской власти все преподаватели были откомандированы обратно в свои университеты, лишь немногие из них остались в Томске. Среди них был профессор Н.Н. Фиолетов – декан факультета общественных наук¹⁷.

В 20-х числах декабря 1919 г. в Томск вошли части Красной Армии, и в городе была восстановлена советская власть. Томский университет из ведения Министерства народного просвещения Всероссийского правительства Колчака перешел в ведение Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпрос РСФСР).

Еще в 1919 г. в Советской России произошла реорганизация исторического образования. Определяя пути перевода гуманитарных наук на новые, революционные идеологические и организационные основы, Наркомпрос пошел по пути закрытия юридических и историко-филологических факультетов в университетах и создания вместо них факультетов общественных наук (ФОН). После разгрома правительства А.В. Колчака и установления советской власти в Сибири эта мера Наркомпроса распространилась и на Томский университет.

В мае 1920 г. был закрыт юридический факультет Томского университета¹⁸, а в середине 1921 г. – историко-филологический факультет, который вошел в состав ФОНа в качестве этнолого-

---

¹⁶ Труды съезда по организации института исследования Сибири. Томск, 1919. С. 82–108.

¹⁷ ГАТО. Ф. 815. Оп. 1. Д. 80. Л. 132.

¹⁸ Там же. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

лингвистического отделения¹⁹. Однако сам ФОН просуществовал недолго – всего год – до середины 1922 г.

После закрытия ФОНа студенты бывшего историко-филологического факультета (этнолого-лингвистического отделения ФОНа) были переданы Саратовскому, Петроградскому и Иркутскому университетам.

Следует отметить, что эта реорганизация высшего гуманитарного образования в Томском университете не достигла намеченных целей, произошла не оптимизация и приближение его к современным реалиям, а только лишь подмена истории обществоведением, которое «не основывалось на конкретно-историческом материале и не изучало его, не воспитывало патриотизм»²⁰.

А.В. Луначарский назвал решение заведующего Сибирским отделом народного образования (Сибон) о закрытии ФОНа в Томском университете «конфузом Чудинова», но приказа не отменил.

Таким образом, первая попытка организовать на историко-филологическом факультете, а затем и на ФОНе Томского университета подготовку квалифицированных кадров в области истории, филологии, философии и педагогики не увенчалась успехом. Дипломы об окончании университета были выданы лишь нескольким студентам, обучавшимся ранее в других университетах страны и сдававшим экзамены в государственной аттестационной комиссии, созданной в 1919 г. при историко-филологическом факультете. Однако среди тех, кто начинал учиться в то время на историко-филологическом факультете, был В.И. Шунков, ставший известным советским историком, библиографом, членом-корреспондентом АН СССР, председателем Археографической комиссии СССР.

Историческое образование с закрытием ФОНа было приостановлено в Томском университете до 1940 г. Но не прекращались в нем исследования по истории, археологии, этнографии и антропологии Сибири, которые проводились силами сотрудников Музея истории материальной культуры (так после Октябрьской революции стал называться Музей истории, археологии и нумизматики), а также студентов географического факультета ТГУ на протяжении всего межвоенного периода.

---

¹⁹ Там же. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 43. Л. 294; Д. 89. Л. 43.

²⁰ Карпов С.П. Исторический факультет МГУ: прошлое и настоящее // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 5.

В первой половине 1930-х гг. Советское правительство серьезно озаботилось проблемой возобновления исторического образования в высших учебных заведениях СССР для подготовки в них квалифицированных кадров преподавателей истории в средних школах. Обеспокоенность эта была вызвана необходимостью качественного преподавания истории для школьников, воспитания в них чувства патриотизма.

В приказе народного комиссара РСФСР по просвещению А.С. Бубнова указывалось на необходимость восстановления исторических факультетов в составе университетов «в целях подготовки высококвалифицированных специалистов для научно-исследовательской и педагогической работы по истории»²¹. С 1 сентября 1934 г. было решено организовать исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов, а в дальнейшем предполагалось «развернуть исторические факультеты в составе других университетов, в первую очередь в Томском, Казанском, Ростовском, Саратовском»²².

Известное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г.²³ положило начало восстановлению исторических факультетов в высших учебных заведениях страны. С 1 сентября 1934 г., как уже упоминалось, были открыты исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах. Но вопрос об открытии факультетов в других вузах пока не был решен.

Исторический факультет в составе Томского университета открылся в 1940 г. Учебные занятия начались с 1 сентября. Подготовку специалистов должны были обеспечить две кафедры – древней истории и истории народов СССР, а также общеуниверситетские кафедры марксизма-ленинизма, педагогики и иностранных языков.

Всесоюзный комитет по делам высшей школы (далее – ВКВШ) при СНК СССР первым деканом исторического факультета назначил старшего преподавателя Георгия Васильевича Васильева²⁴, заведующим кафедрой древней истории стал профессор К.Э. Грине-

---

²¹ Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. № 12. 1934. 12 апр.

²² Там же.

²³ Собрание законодательства. 1934. № 26. Ст. 206.

²⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 6. Л. 17.

вич, а кафедрой истории СССР – старший преподаватель З.Я. Боршинова. Техническим секретарем стала Е.Ф. Матасова, проработавшая на факультете более 40 лет²⁵.

На первый курс в 1940 г. было принято 60 студентов, разделенных на две группы. В их числе были молодые люди из разных областей и округов Сибири. Следует отметить, что на факультет тогда поступили не только выпускники средних школ. В числе первых студентов были даже два директора средних школ, а также молодые учителя, не имевшие высшего образования²⁶.

Людям, которые стояли у истоков рождения нового факультета, пришлось работать в очень сложных условиях. Недоставало новых учебников, наглядных пособий, инвентаря. В первый год работы не хватало квалифицированных преподавателей и штатных единиц для замещения вакантных должностей по кафедрам. Ощущался недостаток учебно-вспомогательного персонала.

Тем не менее на собрании партгруппы исторического факультета Томского университета в конце первого учебного года отмечалось, что значение открытия исторического факультета в этом вузе огромно, что «историк – одна из наиболее дефицитных специальностей в нашей стране»²⁷.

Особой вехой в истории факультета стал период Великой Отечественной войны. Накануне войны Томский университет в своем составе имел 7 факультетов – физико-математический, химический, биологический, геолого-почвенный, географический, исторический (с 1 сентября 1941 г. историко-филологический), и специальный факультет, а также заочное отделение. К этому надо добавить три научно-исследовательских института, ботанический сад, Научную библиотеку, биологическую станцию, гербарий и 5 музеев (в том числе и Музей материальной культуры). В университете тогда обучалось более 2000 студентов, 47 аспирантов. Преподавательской работой были заняты 206 профессоров, доцентов и преподавателей²⁸.

С началом войны жизнь в университете и на факультете коренным образом изменилась. В первые же дни войны на фронт ушли

---

²⁵ За советскую науку. 1959. 23 нояб.

²⁶ Красное знамя. 1940. 22 авг.

²⁷ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4298. Л. 19.

²⁸ Через века, через года, помните! Томск, 2000. С. 7.

декан Г.В. Васильев, передав свои обязанности З.Я. Бояршиновой, и многие студенты факультета. Всего во время войны на фронт ушло около 30 студентов, большая часть которых были девушки.

Все трудности и тяготы военного времени легли на плечи коллектива преподавателей и студентов. Томск, став городом тыла, принял на себя эвакуацию предприятий из европейской части СССР. Столичные заводы заняли учебные корпуса Томского университета, из-за чего историко-филологический факультет лишился своего аудиторного фонда и вынужден был несколько лет перемещаться из одного помещения в другое.

После эвакуации в Томск работников предприятий в городе обострилась и без того непростая ситуация с жильем, его стало катастрофически не хватать, особенно иногородним студентам и преподавателям. Возникла проблема с обеспечением жителей продуктами питания, была введена карточная система. Студенты и преподаватели были отнесены к категории служащих второй категории, вследствие чего их дневной паек составлял только 400 г хлеба и небольшое количество растительных жиров, рыбы и конфет.

Однако положение Томска как города тыла обернулось для исторического факультета неожиданными возможностями. Летом 1941 года в Томск был эвакуирован Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР. Вместе с ним прибыли квалифицированные ученые, их аспиранты и студенты: из Москвы, Ленинграда, Одессы, Киева, Харькова. Ученые-гуманитарии были прикомандированы к историко-филологическому факультету и влились в его состав.

С 1 сентября 1941 г. на факультете были открыты два новых отделения, и он был преобразован в историко-филологический с тремя отделениями: историческим, русского языка и литературы и классической филологии.

С приездом новых преподавателей появились еще четыре кафедры, а их общее количество достигло шести. Кафедру истории древнего мира по-прежнему возглавлял профессор К.Э. Гриневич. Кафедру истории средних веков – крупный ученый, известный специалист в области медиевистики, социологии марксистской теории и методологии, профессор МГУ, Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского, а также ряда других московских вузов, А.И. Неусыхин. Руководителем кафедры новой истории стала профессор Ф.А. Хейфец, которая до войны работала в Институте истории АН СССР и по совместительству заведовала кафедрой всеоб-

щей истории в Историко-архивном институте НКВД. Заведующим кафедрой истории народов СССР стал профессор академии им. И.В. Сталина и Московского педагогического института Э.Н. Ярошевский. Кафедру древних языков (классической филологии) возглавил профессор Московского педагогического института новых языков П.И. Каган. Во главе кафедры русского языка и литературы встал директор Института украинской литературы АН УССР, профессор Харьковского университета им. А.М. Горького, заслуженный деятель науки, член Украинской Академии наук А.И. Белецкий.

Помимо профессоров, которые стали заведовать кафедрами, на факультете появился ряд доцентов и преподаватели из эвакуированных вузов.

С 1 июля 1942 г. приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) от 4 апреля 1942 г. за № 20/Т Томскому университету было разрешено принимать к защите диссертации на соискание ученых степеней кандидатов филологических и исторических наук, поскольку в состав ученого совета университета были введены новые члены, имевшие докторские степени²⁹.

Война внесла свои коррективы и в учебный процесс. На основании указаний Наркомпроса РСФСР и ВКВШ от 25 июня 1941 г. «О перестройке учебной работы университетов и ускоренной подготовке специалистов в военное время», пятилетний срок обучения был сокращен до трех лет. В июле 1941 г. было получено распоряжение ВКВШ и НКП СССР о переходе на трехлетние учебные планы обучения в университете в целях форсированного выпуска нужных в период Великой Отечественной войны специалистов. Прием студентов на первый курс в 1941 г. проводился без вступительных экзаменов.

Пересматривались не только сроки обучения, но и содержание учебных программ, вводились новые дисциплины. В 1941/42 учебном году на историко-филологическом факультете были введены новые курсы, которые с учетом военного времени призваны были готовить не только военные резервы, но и трудовые кадры, которые должны будут обеспечивать фронт всем необходимым, а прежде всего – продовольствием и снарядами. Это были курсы тракторного и пожарного дела, организации сельского хозяйства, общее земледелие, а для девушек вводилась еще и военная подготовка по меди-

---

²⁹ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 2110. Л. 2.

цине. Теоретический курс по медицине сопровождался основательной и продолжительной практикой, которую студентки проходили в госпиталях, в том числе и в госпитале, располагавшемся в здании по адресу пр. Кирова, 16. Они дежурили возле тяжело больных, очищали раны пациентов, стирали бинты³⁰.

В учебные планы университета (на всех курсах и факультетах) вводилось обучение студентов сельскохозяйственным работам в объеме 122 часов. Одновременно с этим студентам всех факультетов давались основные сведения по агротехнике.

С 1942/43 учебного года на историко-филологическом факультете были введены также специальные курсы («Политработа в РККА: методика и организация политпросветработы в Красной Армии»; «История международных отношений и дипломатии»; «Методика использования художественной литературы в политпросветработе»).

Студентам и преподавателям в трудное военное время приходилось обеспечивать не только факультет, но и университет всем необходимым – топливом, продуктами питания и т.п. Они сами должны были заготавливать дрова, доставлять их зимой на санях, выращивать овощи и т.д.

В первые годы войны, пока еще не все юноши с факультета ушли на фронт, они трудились на предприятиях города на различных работах – грузчиками в речпорту, литейщиками в цехах ТЭМ-За, рабочими на томских и эвакуированных заводах и т.п.

Вместе с жителями города студенты историко-филологического факультета (вернее сказать, студентки, поскольку практически все юноши оказались на фронте) принимали участие в общегородских стройках на предприятиях города. Они строили южную железную дорогу в несколько километров, которая связала вокзал Томск I с пл. Батенькова. В 1944 г. несколько студентов факультета были командированы на одну из шахт Кузбасса для отгрузки университету 3000 тонн угля, с чем они успешно справились.

В 1942 г. вышла серия статей и брошюр профессоров и преподавателей факультета по истории героического противостояния

---

³⁰ Соловьева В.А., Палагина В.В. Из воспоминаний студентов историко-филологического факультета Томского университета военных лет // С верой в Победу!: Томский университет в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и воспоминаний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 160–164.

русских людей внешней интервенции в разные исторические эпохи. В них говорилось о патриотизме русского народа и о выдающихся полководцах. Названия говорят сами за себя: «Дмитрий Донской», «Александр Невский», «Куликовская битва», «Разгром немецких псов-рышарей на Чудском озере». Их автором был профессор Э.Н. Ярошевский. Профессор А.И. Неусыхин написал работу под названием «Исторический миф III империи» и др.

Кроме написания пропагандистских статей, профессора и преподаватели историко-филологического факультета занимались и общественной работой. Они читали лекции на исторические и политические темы на предприятиях, в госпиталях, учебных заведениях, встречались с рабочими и служащими города. В 1942 г. был открыт Воскресный университет, слушателям которого они тоже читали лекции. Одно время его руководителем была профессор Ф.А. Хейфец.

Не будет преувеличением сказать, что работа историков имела не меньшее значение в помощи фронту, а самое главное тылу, чем любая другая научная и прикладная деятельность ученых Томска. Они поддерживали патриотический дух людей.

Несмотря на все трудности военных лет – недофинансирование, необходимость трудиться на общественных работах, плохое снабжение продовольствием, товарный дефицит и т.п., – в 1944 г. факультет возобновил археологические исследования. Профессор К.Э. Гриневич вместе с профессором А.П. Дульзоном и другими преподавателями Томского университета и Томского пединститута начал вывозить студентов-историков этих вузов на полевые практики в окрестности Томска в летний сезон, начиная с 1944 г. – в район реки Басандайки. Там они производили раскопки древних поселений, курганов и могильников. Это была объединенная экспедиция преподавателей и студентов ТГУ и ТПИ³¹.

В 1945 г. на факультете состоялся первый полноценный выпуск специалистов, прошедших 5-летний срок обучения. Всего было 14 дипломников (все они были с исторического отделения, поскольку филологическое отделение открылось на год позже). Из

---

³¹ Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области / Ред. К.Э. Гриневич // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск, 1947. Т. 98.

них 4 человека специализировались по истории Нового времени, а 10 человек – по истории народов СССР.

Состав студентов начиная с 1943/44 учебного года и особенно со следующего 1944/45 учебного года начал изменяться. Число их увеличилось. Студенческий контингент стал меняться не только по количественному, но и половому составу – число юношей и девушек стало выравниваться. Так, если в 1940/41 учебном году на факультете обучалось 47 студентов, то в 1944/45 – уже 243 человека.

По воспоминаниям студентов послевоенных лет, на факультете сложилась уникальная ситуация. В число студентов историко-филологического факультета вливалось большое число фронтовиков. Они «задавали тон жизни» для всего факультета, были примером и образцом для всех остальных – в учебной, общественной и спортивной жизни³².

Начиная с 1943/44 учебного года, после отъезда из Томска большинства эвакуированных в 1941–1942 гг. профессоров и преподавателей из других вузов, на факультете наметился застой, начались проблемы с преподаванием, так как некоторые курсы некому было читать. Все это мешало нормальной работе факультета³³. В 1944/45 учебном году на факультете оставался только один профессор – К.Э. Гриневич. Уровень научной квалификации работников был низким, не хватало преподавателей с учеными степенями³⁴.

По этой причине, в конце войны у ученого совета Томского университета было изъято право принимать к защите кандидатские диссертации по историческим и филологическим наукам. Но вместе с тем в 1945 г. факультет получил право иметь аспирантуру при кафедрах истории СССР, русского языка и новой истории, где имелись нужные научные руководители. На каждую из этих кафедр приняли по одному аспиранту, положив, таким образом, начало подготовке квалифицированных кадров по истории и русской филологии.

---

³² *Бельтокова Е.П.* Великая Отечественная война глазами студентки // С верой в Победу!: Томский университет в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и воспоминаний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 98.

³³ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 969. Л. 35.

³⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 327. Л. 20.

Историко-филологический факультет по прежнему состоял из трех отделений – исторического, русского языка и литературы и классической филологии³⁵. В составе исторического отделения было три кафедры: древней истории – которой заведовал профессор К.Э. Гриневич вплоть до своего отъезда из Томска в 1948 г. Затем она была преобразована в кафедру древнего мира и средних веков. Заведовать кафедрой стал фронтовик, доцент А.И. Данилов. Кафедрой истории СССР возглавлял доцент В.Ю. Гессен, после его отъезда некоторое время ею руководил И.В. Кузнецов, а в 1949 г. из Москвы в Томск приехал профессор И.М. Разгон, ставший жертвой кампании по борьбе с космополитизмом. Кафедрой новой и новейшей истории до 1951 г. заведовал доцент Р.Е. Кугель. Однако в 1951 г. после его увольнения эта кафедра была объединена с кафедрой древней и средней истории и стала называться кафедрой всеобщей истории. Ею стал заведовать приехавший в Томск из Ужгорода участник Великой Отечественной войны доцент И.Г. Коломиец.

На историко-филологическом факультете в 1947 г. была образована новая кафедра – логики, которую возглавил доцент П.В. Копнин. В этой связи отделение классической филологии было преобразовано в отделение русского языка, психологии и логики. В 1950 г. речь даже шла о создании самостоятельного философского факультета, но идея эта так и осталась неосуществленной³⁶. В 1952 г. на историко-филологическом факультете состоялся первый выпуск специалистов по психологии. К 1955 г. было выпущено 72 психолога³⁷.

Вместе с тем на факультете сохранялась острая проблема нехватки квалифицированных кадров, оставались незамещенными штаты на ряде кафедр. В этой связи многие дисциплины либо совершенно не читались, либо преподавались в неполном объеме.

С 1947 г. приказом министра высшего образования СССР С.В. Кафтанова за № 74/В от 28 февраля 1947 г. «Об изменении в составе Совета Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева», Совету Томского университета, наряду с другими специальностями, было разрешено принимать к защите кандидатские диссертации и присуждать на основании защиты ученую

---

³⁵ За Советскую науку! 1947. 7 авг.

³⁶ ЦДНИ ТО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 280. Л. 15 об.

³⁷ Зайченко П.А. Указ. соч. С. 427.

степень кандидата наук по следующим специальностям: «История древнего мира», «История СССР», «История русской литературы», «Русский язык»³⁸.

В 1950 г. был открыт уже отдельный объединенный совет по защите кандидатских диссертаций по историческим, филологическим и философским наукам на самом историко-филологическом факультете. Это стало возможным с приездом в Томск на работу профессора И.М. Разгона, который стал председателем этого диссертационного совета.

Министерство высшего образования РСФСР к середине 1950-х гг. пришло к выводу, что нецелесообразно иметь в Томске два вуза (ТГУ и ТГПУ), которые готовили одних и тех же специалистов по истории, поскольку они дублировали друг друга и не было необходимости в таком количестве выпускников. Поэтому с 1 октября 1955 г. историческое отделение историко-филологического факультета Томского пединститута было закрыто, а преподаватели и студенты были переведены в ТГУ на историческое отделение историко-филологического факультета. В их числе были преподаватели С.С. Григорцевич, В.С. Флеров, Г.И. Пелих и др.

В рассматриваемый период произошли некоторые структурные изменения на факультете. В 1961 г. была разделена кафедра всеобщей истории (она образовалась после объединения в 1951 г. кафедры древней и средней истории с кафедрой новой истории). Она вновь была разделена на кафедру древнего мира и средних веков, которую возглавил А.И. Данилов (после назначения А.И. Данилова министром просвещения РСФСР в феврале 1967 г. его сменил Б.Г. Могильницкий) и кафедру новой и новейшей истории, которой до 1993 г. заведовал С.С. Григорцевич.

В 1962 г. на факультете была открыта кафедра археологии, этнографии и истории Сибири во главе с З.Я. Бояршиновой, но существовала она недолго и в 1965 г. была закрыта. В 1966 г. произошло разделение кафедры истории СССР на две самостоятельные кафедры. Кафедру истории СССР дооктябрьского возглавила З.Я. Бояршинова, защитившая в 1967 г. докторскую диссертацию в Институте истории ССР АН СССР, а кафедрой истории СССР советского периода стал заведовать профессор И.М. Разгон.

---

³⁸ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 2110. Л. 59–60 об.

По инициативе профессора А.И. Данилова и при его самом деятельном участии в начале 1960-х гг. на историко-филологическом факультете были созданы спецгруппы – учебные группы с усиленным изучением иностранных языков (английского и немецкого), готовившие учителей истории для средних школ и школ с преподаванием на иностранных языках. В числе первых выпускников таких специализированных групп были будущие профессора Томского университета – Н.В. Лукина и С.Ф. Фоминых, доценты Т.А. Бычкова и Э.Л. Львова, профессор Казанского университета И.И. Шарифжанов, профессор Московского педагогического университета Н.И. Смоленский и др.

В 60-х гг. открылась специализация студентов по истории КПСС. За первые 15 лет этой специализации было подготовлено около 100 человек. Многие из них после окончания университета стали работать на кафедрах общественных наук томских вузов³⁹.

Специалисты-историки, выпускавшиеся из Томского университета, распределялись для работы не только в средние и среднеспециальные учебные заведения, но и в различные вузы Сибири и других регионов СССР.

Качественно изменился и профессорско-преподавательский состав факультета в этот период. В 60-е гг. защитили свои докторские диссертации Б.Г. Могильницкий, З.Я. Бояршинова, С.С. Григорцевич, М.Е. Плотникова. Начал работать совет по присуждению докторских ученых степеней по историческим и филологическим наукам ТГУ.

На волне научного интереса к истории Сибирского региона на факультете возник замысел создания специализированного научно-исследовательского учреждения гуманитарного профиля. Тем более что на историко-филологическом факультете и на общеуниверситетских кафедрах ТГУ работали многие общепризнанные и только набиравшие рядом с ними силу исследователи-историки: И.М. Разгон, З.Я. Бояршинова, А.П. Бородавкин, В.С. Флеров, М.Е. Плотникова, Б.Г. Могильницкий, А.А. Говорков, Н.В. Блинов, Г.Х. Рабинович, Л.И. Боженко, Г.И. Пелих, В.И. Матющенко и др. Их трудами формировалась научная база будущего научного подразделения⁴⁰.

---

³⁹ Архив Музея истории ТГУ.

⁴⁰ См. подробнее: *Черняк Э.И.* Проблемная лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири как центр комплексных исследований

Поэтому весной 1968 г. по инициативе профессоров и преподавателей историко-филологического факультета (И.М. Разгона и А.П. Бородавкина) и кафедры истории КПСС (В.С. Флерова и А.А. Говоркова) на имя ректора Томского университета А.П. Бычкова было составлено письмо с предложением открытия при историко-филологическом факультете проблемной научно-исследовательской лаборатории по истории, археологии и этнографии Сибири (далее – ПНИЛ ИАЭС)⁴¹. Лаборатория была образована при Томском университете в соответствии с постановлением Совета министров РСФСР от 2 апреля 1968 г. за № 203.

1 ноября 1968 г. решением ученого совета историко-филологического факультета было принято положение о лаборатории и утверждены в качестве научных руководителей тем следующие научные работники факультета: И.М. Разгон, Н.В. Блинов, А.П. Бородавкин, М.Е. Плотникова, Л.И. Боженко, В.И. Матющенко⁴².

В положении о проблемной научно-исследовательской лаборатории говорилось, что она является научным учреждением в области истории, археологии и этнографии Сибири и по вопросам научного планирования организации и контроля научно-исследовательской работы находится в подчинении историко-филологического факультета. Основной задачей лаборатории было определено выявление и изучение источников по истории, археологии, этнографии Сибири, активное участие в решении научных проблем кафедр истории СССР (досоветского и советского периодов) и истории КПСС университета, подготовка высококвалифицированных исследователей в области истории, археологии и этнографии Сибири. Для этого предполагалось широкое привлечение научных работников кафедр историко-филологического факультета и других вузов города к участию в разработке тематики лаборатории.

Сибирского региона // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности: Научный ежегодник Томского МИОН. – 2003: Кол. монография / Отв. ред. М.А. Воскресенская. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. (Серия «Монографии»; вып. 8). С. 14–24.

⁴¹ ГАТО. Ф. Р-1949. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴² Там же. Л. 2.

Лаборатория дала целую плеяду ученых. Ее сотрудниками было написано и защищено несколько десятков кандидатских и около десяти докторских диссертаций.

В первой половине 70-х гг. произошло еще одно важное событие в жизни факультета. Приказом министра высшего и среднего специального образования РСФСР № 236 от 22.05.1974 г. «О структурных изменениях в высших учебных заведениях Главного управления университетов, экономических и юридических вузов» в целях улучшения управления учебным процессом в высших учебных заведениях историко-филологический факультет ТГУ был разделен на два самостоятельных факультета: филологический и исторический⁴³.

На историческом факультете остались все существовавшие на нем кафедры: истории СССР дооктябрьского периода, истории СССР советского периода, истории Древнего мира и Средних веков, новой и новейшей истории.

В 1977 г. на историческом факультете была открыта специализация по философии. В конце 1979 г. на ней специализировалось всего 13 студентов из трех наборов (в 1980-е гг. положение с количеством студентов не изменилось). На эту специализацию шли студенты с разных факультетов, были там даже математики и физики.

В 1960–1980-е гг. на историческом факультете сложились и продолжали успешно развиваться несколько научных школ. Выше уже говорилось о том, что исторический факультет Томского университета стоял у истоков систематического научного изучения истории Сибири. Профессор Б.Г. Могильницкий еще в 1980 г. писал, что «он (Томский университет. – Д. Х.) продолжает сохранять свое значение центра подготовки научно-педагогических кадров для вузов Западной Сибири, а также центра координации исторических исследований в этом быстро развивающемся регионе»⁴⁴.

Профессором И.М. Разгоном было положено начало изучению истории Октябрьской революции и Гражданской войны в ее конкретно историческом, источниковедческом и историографическом отношениях.

---

⁴³ Приказы ректора ТГУ // Архив ТГУ. 1974 г.

⁴⁴ Цит. по: Развитие общественных и гуманитарных наук в Томском университете (1880–1980). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 55.

Известность школы по изучению социально-экономической истории русской Сибири выходит за пределы не только Томска, но и всей Сибири. Объектами исследования в этом направлении были заселение, социальные отношения и освоение Сибирского региона. Ее основателем были профессора И.М. Разгон и З.Я. Бояршинова. Сферой научных интересов последней было изучение присоединения Сибири к русскому государству и ее истории в XVII в., а также история Томска в первое время его существования.

Исследования дореволюционной истории Сибири продолжили профессора Л.И. Боженко, А.П. Бородавкин, Г.Х. Рабинович, Н.В. Блинов, А.Н. Жеравина, Л.Г. Сухотина, А.Т. Топчий, В.П. Зиновьев и другие. Основное свое внимание они сосредоточили на изучении хозяйственного освоения Сибири, развитии ее производительных сил, промышленности, предпринимательства, деятельности политических партий на территории Сибири, а также крестьянства и рабочего класса региона.

Изучение истории Сибири традиционно являлось и по сей день является основной темой для исторического факультета и для ПНИЛ ИАЭС Томского университета. Эти научные исследования ведутся в рамках научных школ, созданных на историческом факультете еще в 1940–1950-е гг., речь о которых шла выше. Именно эти научные направления, которые выросли в целые школы, приняли деятельное участие в подготовке обобщающих трудов по истории Сибири в 1960-х – первой половине 1980-х гг., проведенных институтом истории СО АН СССР (пятитомное академическое издание «Истории Сибири», «История рабочего класса в Сибири», «История крестьянства в Сибири» и другие крупные работы).

Школа медиевистики, зарубежной историографии и методологии истории в Томском университете тесно связана с именем ее основоположника профессора А.И. Данилова. Его ученик Б.Г. Могильницкий продолжил традиции этой школы, обратившись к изучению истории исторической мысли в нашей стране и за рубежом. Томская историографическая школа имеет свой печатный орган – сборник «Методологические и историографические вопросы исторической науки», издающийся с 1963 г.

Археологическое изучение Сибири в Томском университете как научное направление было заложено еще в середине 1940-х гг. профессорами К.Э. Гриневичем и А.П. Дульзоном. После небольшого перерыва и некоторого застоя их начинания продолжил В.И. Матю-

щенко. Его ученики Л.А. Чиндина и Л.М. Плетнева продолжали заниматься изучением таежных регионов Западной Сибири.

Зарождение и развитие этнографического направления в Томском университете было связано с именем Г.И. Пелих, которая изучала местные народы Сибири, их этнокультурную составляющую. Основанное ею направление заложило основу для создания целой научной школы, которую развивают в настоящее время В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина и др.

Профессором С.С. Григорцевичем и его учениками были заложены основы систематического изучения в Томском университете международных отношений, внешней политики мировых держав в конце XIX–XX в. и политики иностранных государств на Дальнем Востоке (эти исследования продолжили С.В. Вольфсон, Н.С. Индукаева, Б.С. Жигалов). Его ученики обратились к изучению США, стран Западной Европы и их политики. Особое направление в изучении американистики в Томском университете связано с именем М.Я. Пелипаса, которое в настоящее время является признанным не только в России, но и за ее пределами.

В последние два десятилетия для историков Томского университета новым направлением стало изучение локальной истории (историческое краеведение, история отдельных населенных пунктов, организаций, предприятий Томска и области и т.д.). Основной причиной увеличения такого интереса стало то, что государство перестало финансировать разработку фундаментальных научных исследований. Поэтому ученые обратились к частной проблематике. К числу этих новых направлений можно отнести работу Научно-образовательного центра по изучению истории науки и высшего образования в Сибири под руководством профессора С.Ф. Фоминых и работу проблемной научно-исследовательской лаборатории и, в частности, профессора Н.М. Дмитриенко по изучению истории Томска и области.

Со второй половины 1980-х гг. в университете шла постепенная деидеологизация образовательного процесса. В конце 1980-х гг. курс «История КПСС» был заменен преподаванием «Социально-политической истории XX в.», а вместо диамата и истмата стал читаться курс русской и зарубежной философии⁴⁵ и т.п.

---

⁴⁵ Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск, 2004. Т. 4, ч. 1. С. 6.

Исторический факультет в конце 1980-х – 1990-е гг. стал основой для образования в ТГУ философского (в 1987 г. из состава исторического факультета на базе философской специализации, в качестве самостоятельного подразделения, выделился философский факультет), культурологического (ныне – Институт искусства и культуры) и психологического факультетов. Преподаватели и выпускники исторического факультета стали основой профессорско-преподавательского состава этих факультетов.

За время своего существования выпускники факультета стали основателями исторических факультетов и вузов Кемеровской области, Алтайского края, городов Омска, Кургана, Новосибирска, включая Институт истории СО АН, а также ряда других субъектов Федерации и городов.

Период конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. явился для Томского университета и для всей российской высшей школы временем тяжелых испытаний. Прежде всего, это было связано с материальными трудностями. В это время из-за капитального ремонта почти 8 лет были закрыты главный и третий учебные корпуса, из-за чего занятия на историческом факультете велись в различных малоприспособленных для этого университетских помещениях – в основном общежитиях ТГУ. Остро встала проблема материального положения коллектива факультета – недостаточное финансирование учебного процесса и прекращение финансирования фундаментальных исследований на факультете привели к оттоку из образовательной и научной сферы ряда специалистов. Наметился спад количества молодых людей, пожелавших заниматься наукой и остаться для работы в университете, и т.п. проблемы, характерные для всех вузов страны.

Для изыскания дополнительных средств в связи уменьшением государственного финансирования деятельности факультета он должен был включиться в новую систему рыночных отношений. Поэтому в первой половине 1990-х гг., наряду с бюджетным обучением студентов, на историческом факультете, равно как и во всем университете, была введена и платная форма обучения.

Для решения финансовых трудностей в конце 1993 г. решением ученого совета исторического факультета было создано учредительное собрание для организации благотворительного фонда содействия Томскому государственному университету в развитии научных исторических исследований и исторического образования. На этом собрании присутствовали члены ученого совета исторического фа-

культета ТГУ, представители томских коммерческих и некоммерческих организаций и выпускники исторического факультета ТГУ прошлых лет. Собрание приняло устав Фонда и утвердило направление его деятельности. Фонд этот успешно действует до сих пор.

В первой половине 1990-х гг. в системе исторического образования ТГУ произошли некоторые изменения. Прежде всего, они стали проявляться в изменении названий кафедр на историческом факультете. Наряду с этим происходили и серьезные структурные изменения.

В 1991 г. на факультете была образована кафедра археологии и исторического краеведения, большинство преподавателей которой составили сотрудники ПНИИЛ ИАЭС во главе с заведующим кафедрой А.Т. Топчием. Следует отметить, что большая часть сотрудников этой лаборатории в 1990-е гг., когда резко сократилось финансирование научных исследований, перешла на преподавательскую работу.

Еще в 1987 г. кафедра истории КПСС была разделена на две самостоятельные кафедры: истории КПСС естественных факультетов и истории КПСС гуманитарных факультетов. В 1991 г., после развала СССР, в названиях этих двух кафедр слова «истории КПСС» были заменены на словосочетание «политической истории». В 1993 г. обе кафедры вновь были объединены в одну под названием истории России, и кафедра эта была включена в состав исторического факультета (заведующим ее стал Ю.В. Куперт). В 1998 г. она была переименована в кафедру истории документоведения, и на факультете была открыта еще одна специальность – «документоведение».

Кафедра истории СССР досоветского периода в 1992 г. сменила свое название на кафедру отечественной истории дооктябрьского периода, кафедра истории СССР советского периода стала называться кафедрой современной отечественной истории. К названию кафедры новой и новейшей истории в 1993 г. добавились «международные отношения», с открытием еще и специальности международных отношений в 1992 г. А к названию кафедры истории древнего мира и средних веков в 1990-е гг. добавилась «методология истории».

В 1996 г. на историческом факультете появилась еще одна кафедра. Сначала она носила название кафедры теории и практики международных отношений, с 1999 г. была переименована в кафедру теории и практики международных отношений и организации внешнеполитической деятельности, а с 2003 г. и по сей день

носит название кафедры мировой политики (ее заведующим является доцент А.Г. Тимошенко, проректор по международным отношениям ТГУ). Основу коллектива этой кафедры составили выпускники кафедры новой и новейшей истории, прошедшие школу Центра международных исследований и новейшей истории ТГУ.

В 2006 г. на отделении международных отношений была открыта кафедра европейских языков. Со времени основания ее возглавляет к.ф.н., доцент А.А. Ильяшенко.

Изменилась система финансирования проведения научных исследований как на самом факультете, так и в его структурных подразделениях. Ввиду значительного уменьшения объемов финансирования проведения научных исследований сотрудники факультета и его подразделений стали принимать участие в конкурсах на соискание грантов российских и зарубежных фондов (РГНФ, РФФИ, Фонд Сороса, Фонд «Открытое общество» и т.п.), которые финансировали научные исследования ученых факультета.

Несмотря на все сложности и тяжелое положение на факультете в 1990-е гг., он все же смог сохранить высокий рейтинг в России среди исторических факультетов вузов страны. Этот факт подтверждается тем, что факультет неоднократно получал грант «Ведущие школы России». Кроме того, в экспертном заключении аттестационной комиссии Министерства РФ в 1997 г. было указано, что на факультете ведется «качественная подготовка специалистов», и это было подтверждено решением ученого совета ТГУ от 29 ноября 1997 г. и 25 ноября 1998 г.⁴⁶

В настоящее время на факультете ведется подготовка по четырем специальностям:

1. По специальности «история» – 02.07.00. (03.04.01.): «история России», «всеобщая история», «археология», «этнография».

2. По специальности «международные отношения» (с 1993 г.) – 35.02.00. (03.07.01.): «дипломатия», «мировая политика», «международная интеграция и международные отношения», «урегулирование конфликтов», «международная политика».

3. По специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» (с 1997 г.) – 35.08.00. (03.20.01.): «история и архивное дело», «делопроизводство и архивы», «делопроиз-

---

⁴⁶ Отчет декана исторического факультета ТГУ за 1993–1998 гг. // Архив Музея истории ТГУ.

водство в кадровой службе», «информационный менеджмент и информационные системы в ДОУ».

4. По специальности «регионоведение» 35.03.00. – Китай, Япония, Центральная Азия, Европейский Союз.

Кроме того, на факультете существуют прикладные дополнительные специализации, осуществляемые на договорной основе – «социальная антропология», «документационное обеспечение управления», «менеджмент туристско-экскурсионной деятельности»⁴⁷.

В 2006/07 учебном году набор на факультет составил 100 человек на бюджетную форму обучения, из них – 60 человек – история, 15 – документоведение, 20 – международные отношения, 5 – регионоведение. На заочное отделение было принято 75 человек: история – 60 и документоведение – 15. Всего на факультете обучается, включая филиалы, около 800 человек на очном отделении и около 700 человек – на заочном отделении⁴⁸.

Работу этих специальностей сейчас обеспечивают девять кафедр факультета: отечественной истории; современной отечественной истории; истории древнего мира, средних веков и методологии истории; новой, новейшей истории и международных отношений; истории и документоведения; археологии и исторического краеведения; мировой политики; и европейских языков.

К факультету структурно относятся Научно-образовательный центр истории высшего образования и науки в Сибири при кафедре современной отечественной истории (сюда входит Музей истории ТГУ и научно-учебная исследовательская лаборатория «Сибирь: традиции и современность»), студенческая научно-исследовательская лаборатория (СНИЛ) «Археолог», научно-учебная студенческая исследовательская лаборатория социальной антропологии, проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии, этнографии Сибири, Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского, Музей ТГУ, Центр востоковедения, Центр международных исследований и новейшей истории и Координационный совет по археологии и этнографии ТГУ и Учебно-методический кабинет. Кроме того, решением Совета ТГУ на базе

---

⁴⁷ Томский государственный университет: Ежегодник-2005 / Под ред. Г.В. Майера. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 115–116.

⁴⁸ Исторический факультет: Годовой отчет за 2006/07 учебный год // Архив деканата исторического факультета ТГУ.

Областного историко-архитектурного музея утвержден филиал кафедры археологии и исторического краеведения.

В январе 2005 г. приказом ректора в составе исторического факультета был восстановлен Кабинет антропологии, существовавший в ТГУ со 2 апреля 1958 г. по 1968 г. – до его включения в состав ПНИЛ ИАЭС. Кабинет антропологии является в настоящее время третьим по значению собранием антропологических коллекций в стране после Музея антропологии МГУ и Кунсткамеры РАН в Санкт-Петербурге. В нем выполняется экспертная работа для всех археологов Западной Сибири, а также учебные консультации⁴⁹.

По состоянию на 2006/07 учебный год на факультете было 72 штатных сотрудника и 34 совместителей. Доля штатных преподавателей с учеными степенями и званиями составляет 84 %. Штатных профессоров и докторов наук на факультете – 18, доцентов – 41, старших преподавателей и ассистентов без степени – 13, научных сотрудников со степенью – 5 человек⁵⁰.

Количество студентов с 2001–2006 гг. выросло с 970 до 1038 человек (всех форм обучения). Набор студентов на факультет, на бюджетную форму обучения, составляет 100 человек (60 – история, 15 – документоведение, 25 – международные отношения) и 75 человек – заочное отделение (история и документоведение).

В настоящее время ежегодный выпуск специалистов на факультете достигает 190 человек⁵¹.

Средний конкурс при поступлении на специальности факультета с каждым годом растет. Так, если в 2001 г. на историю поступало в среднем 2,1 человека на место, то в 2006 г. уже 3,5. Конкурс на документоведение и ДООУ за тот же период вырос с 1,2 до 3,5 человек на место, на международные отношения – с 4,5 до 6,9.

На факультете ведется послевузовская профессиональная подготовка (аспирантура) по 6 специальностям: 07.00.02. – отечественная история; 07.00.03. – всеобщая история; 07.00.06. – археология;

---

⁴⁹ Томский государственный университет: Ежегодник-2004 / Под ред. Г.В. Майера. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 138.

⁵⁰ Исторический факультет: Годовой отчет за 2006/07 учебный год // Архив деканата исторического факультета ТГУ.

⁵¹ Подробнее о количественном составе преподавателей и студентов, а также иные основные показатели см.: Отчет о самообследовании исторического факультета ТГУ. Томск, 2006 г. // Архив исторического факультета ТГУ.

07.00.07. – этнография, этнология и антропология; 07.00.09. – историография, источниковедение и методы исторического исследования; 07.00.10. – история науки и техники.

На факультете работают два докторских диссертационных совета. Первый (председатель – профессор Б.Г. Могильницкий) по специальностям «отечественная история», «всеобщая история», «историография», «источниковедение и методы исторического исследования», а второй (председатель – профессор М.С. Кузнецов) – специальности «этнография», «этнология», «антропология и история науки и техники».

Факультет имеет филиалы в Прокопьевске («документоведение»), Междуреченске («история») и представительства в Новосибирске («международные отношения»), Кемерове («документоведение») и Новокузнецке.

На факультете имеются два компьютерных класса на 24 места, обеспечивающие доступ в Интернет. В настоящее время создан сайт факультета и некоторых кафедр на сервере университета. Осуществляется работа по формированию банка данных исторического факультета, использованию прикладных программ, созданию автоматизированных рабочих мест.

Учебным планом подготовки специалистов предусмотрено прохождение студентами различных учебных и производственных практик: археологической (историками после 1-го курса), архивной (историками после третьего курса), по документоведению и архивоведению, по технологии документационного обеспечения управления (студентами специальности «документоведение» на разных курсах), на последнем курсе студенты исторического отделения проходят педагогическую практику в средних и высших учебных заведениях.

В настоящее время ведется подготовка к переходу на двухуровневое образование через бакалавриат и магистратуру.

В последние годы заметно изменилась и студенческая жизнь. С прекращением деятельности партийной и комсомольской организаций важную роль на факультете стали играть профсоюзные организации преподавателей и сотрудников, а также студентов.

Факультет живет насыщенной жизнью, сохраняя и укрепляя традиции, заложенные предшествующими поколениями преподавателей и студентов. Это посвящение в студенты, «медиана», «но-стальгия», «маевка» (она проводится с 1965 г. 9 мая в окрестностях

Томска – на Потаповых лужках), прощание с пятым курсом (в студенческом общежитии) и др.

И. ОТКРЫТИЕ И ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РАБОТЫ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В 1917–1922 гг.

Высочайший Указ императора Александра II об открытии в Томске Сибирского университета от 16 мая 1878 г.

1. ■ Разрешить учреждение Императорского Сибирского университета в городе Томске, с четырьмя факультетами: историко-филологическим, физико-математическим, юридическим и медицинским;

2. Предоставить Министру народного просвещения ныне же заняться предварительными распоряжениями по устройству Сибирского университета с тем, чтобы по составлении и утверждении в установленном порядке технических смет и чертежей на постройку университета и факультетских при оном клиник, он, министр:

1) немедленно приступил к выполнению строительных работ на счет, как имеющихся ныне в распоряжении МНП, так и могущих впредь поступить сумм частных пожертвований и

2) вошел в Государственный Совет с представлением о требующихся на сие дело расходов из казны, а затем в свое время внес прочие предложения с теми в них изменениями, необходимость коих в ту пору выяснится».

Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913. С. 2.

Постановление Временного правительства

Учредить с 1 июля 1917 г. в составе Саратовского Университета факультеты: физико-математический, историко-филологический и юридический и в составе Томского Университета: физико-математический и историко-фило-логического.

II. Распространить на означенные в отделе I факультеты, впредь до издания новых устава и штата российских университетов, действие общего устава и штата университета 23 августа 1894 г. (2404), с последовавшими к ним дополнениями и изменениями, а так же с соблюдением нижеследующих правил:

1. Положенные ныне для медицинского факультета Саратовского и Томского Университетов кафедры: 1) физики с физической географией и метеорологией, 2) химии органической и неорганической, 3) минералогии с геологией и палеонтологией, 4) ботаники и 5) зоологии с сравнительной анатомией – включаются в состав учрежденного физико-математического факультета. Профессорам, занимающим означенные кафедры, предоставляется избрать первого декана, а равно первоначальный состав профессоров по прочим положенным для физико-математического факультета кафедрам.

2. Первоначальный состав профессоров историко-филологических факультетов в Саратовском и Томском университетах и юридического факультета Саратовского университета, а равно первые деканы сих факультетов избираются министерством народного просвещения.

3. Временно, в течение пяти лет со дня введения в действие настоящего постановления, к исправлению должностей экстраор-

динарных профессоров в означенных в отделе I факультетах могут быть избираемы лица, выдержавшие испытание на степень магистра и преподававшие в звании приват-доцента одного из российских университета не менее трех лет, при чем сокращение этого срока допускается в порядке, указанном в ст. 499 уставов учебных учреждений и учебных заведений (св. зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 г.). В течение того же срока к исправлению должностей ординарного и экстраординарного профессоров могут быть избираемы русские ученые, имеющие степень доктора одного из иностранных университетов и известные своими учеными трудами, а так же преподавательскою деятельностью в сих университетах.

4. Производство на означенных в отд. I факультетах испытаний на ученые степени магистра или доктора и возведение в означенной степени предоставляется совету и названным факультетам лишь после полного сформирования их в составе всех курсов.

5. Министру Народного Просвещения, по ходатайствам факультетов, предоставляется, по согласованию с министром финансов и государственным контролером, испрашивать ежегодно кредиты на командировки с научной целью профессоров означенных в отд. I университетов, прослужившим в университете не менее двух лет, на срок от одного, до двух полугодий.

6. Получивший указанную в предыдущей (5) ст. командировку, сохраняя все причитающееся по занимаемой им должности содержания сверх того, получает одновременно не свыше полугодового оклада основного содержания, но зато не пользуется другими видами командировочного довольствия, установленными уставом о службе по определению от Правительства (св. зак. т. III).

III. Отпустить из средств государственного казначейства 1917 г. на первоначальное устройство и содержание означенных в отделе I факультетов университета сто шестьдесят три тысячи рублей, а начиная с 1918 г., размер кредитов на содержание названных факультетов, определять в сметном порядке, в мере действительной надобности и применительно к действующему штату университетов.

IV. Отпустить из средств государственного казначейства в 1918 г. на первоначальное научное оборудование кафедр означенных в отд. I факультетов сто тридцать шесть тысяч рублей (в том числе: физико-математического по 48.000 р., историко-филологического – по 15.000 р. и юридического – по 10.000 р., а начиная с 1919 г. определять размер необходимого на ту же надоб-

ность кредита в установленном порядке, в мере действительной надобности).

V. Предоставить Министру Народного Просвещения испрашивать, начиная с 1918 г., кредиты, потребные на окончание работ по сооружению и оборудованию зданий медицинского факультета, а равно на сооружение и оборудование зданий для прочих факультетов Саратовского и на сооружение и оборудование зданий новых факультетов Томского университета в сметном порядке, в мере действительной надобности.

VI. Ввести в действие настоящее постановление до обнародования его Правительствующим Сенатом.

Подписали:

Министр-председатель, князь

Г.Е. Львов

За министра народного просвещения

П. Преображенский

1 июля 1917 г.

Вестник Временного Правительства. Воскр. 23 июля 1917 г. № 112.

ГАТО. Ф-102. Оп. 1. Д. 826. Л. 41-42.

С.И. Гессен

ПРОФЕССУРА В ТОМСКЕ

В Томске я провел четыре года. Это были годы революции и гражданской войны, эпидемии сыпного тифа и больших материальных лишений; несмотря на это, я вспоминаю эти годы с удовольствием. Факультет, в котором я сначала замещал декана, напоминал <...>* семью, не знающую ни интриг, ни взаимных подсиживаний, что так часто характеризовало провинциальные университеты. Почти все члены факультета были молодыми доцентами Петербургского университета.

В 1919 г. состав факультета пополнился профессорами Казанского и Пермского университетов, так что немногочисленный сначала факультет сделался вскоре многолюдным.<...>

Кроме работы над созданием факультета, все время мое и силы поглощали лекции и семинарские занятия, к которым я готовился с педантической добросовестностью. В течение четырех лет я прочитал следующие курсы: логика, история греческой философии, этика и философия права, философия Канта, основы педагогики. Из семинарских занятий особенно врезался в памяти моей семинар по этике Канта. Лекции мои собирали большую аудиторию, слушали меня также юристы и даже медики, а также любители «из города» (в особенности учителя). Кроме университета, я каждое лето должен был еще читать лекции по педагогике на учительских курсах, а также в Педагогическом институте, основанном при университете для будущих преподавателей средних школ. Постепенно из меня

---

* Пропуск в тексте самого автора.

выработался хороший и опытный академический оратор, умеющий подать товар лицом. Так как я много работал над лекциями, вставал регулярно зимою в 6 часов утра, чтобы к 10-ти иметь свежеприготовленный, подробный конспект очередной лекции, чтение лекций не развратило, а побудило меня расширить и углубить свои знания. Я продолжал в Томске усердно учиться, но на окончание диссертации о Канте у меня уже не хватало ни времени, ни сил.

Обилие лекций, работа над созданием нового факультета, деканство, общественные обязанности, связанные с профессурой, совершенно поглотили меня. Томск, однако, оставил неизгладимый след на моем научном развитии. Здесь окончательно сложилась моя система педагогики. Мои «Основы педагогики» были только детальной разработкой постепенно расширявшегося конспекта моих лекций. Курс этики и философии права, конспект которого погиб во время Варшавского восстания, представляет собою первый пласт книги, над которой я сейчас работаю («Существо и призвание права. Введение в философию права») и содержание которой излагаю в своих лекциях по философии права на юридич[еском] факультете Лодзинского университета. Наконец, в Томске же я очень подвинул вперед свое изучение физики Аристотеля, Галилея и «специальной теории относительности» Эйнштейна. В обществе физиков при Томском университете я прочитал доклад на эту тему (эмбрион моей позднейшей работы о физике Галилея), и дискуссия по поводу этого доклада, а в особенности частые дружеские беседы на ту же тему с В.Д. Кузнецовым (ныне членом Всесоюзной академии) очень много дали мне для углубления моих мыслей в этой области.

*Гессен С.И. Мое жизнеописание // Основы педагогики.
Введение в прикладную философию /
Отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М.: Школа-пресс, 1995.*

В.В. Петухова

СТРАНИЧКИ МОЕЙ ЖИЗНИ*

В 1921 г. я поступила в Томский университет на историко-филологический факультет. В старинных университетских коридорах стояла ледяная стужа, у окон небурные пулеметы напоминали о недавних боях.

В университете было шумно, весело. В городе не хватало бумаги. Студенческие зачетные книжки были самодельными. В аудиториях стоял страшный холод, мы сидели в шапках, шубах. Дух на пальцы, записывали лекции. За посещением занятий никто не следил. Я добросовестно ходила на все лекции и однажды попала в такое положение. Прихожу в аудиторию – никого нет. Звонок прозвенел, а я все одна.

Что же это такое?! Входит преподаватель и... начинает читать лекцию. Я в ужасе, ведь в аудитории нахожусь я одна! А он прочитал всю лекцию от начала до конца и ушел. Мне потом объяснили, что ректорат обязал преподавателей проводить занятия даже если присутствует один студент.

До сих пор прекрасно помню своих преподавателей. Профессор Гессен читал нам логику и психологию. При первой встрече нас поразила его наружность. Это был маленький человечек, очень темпераментно и горячо проведенный с нами беседу, в которой предупреждал: «Дорогие мои! Помните, что университет – это еще не все. Можно окончить два факультета и не быть культурным человеком, а можно вообще ничего не кончать и быть им. Для этого

---

* В сокращении.

надо очень много и тщательно вглядываться в жизнь, изучать ее и много работать над собой».

Читал нам лекции и М.К. Азадовский, позже известный ученый. Юрек преподавал нам английский язык. Помню профессора Богаевского, читавшего лекции по истории искусств. Когда в 1960 г. я ездила в Западную Европу, бродила по Риму, многое мне было уже знакомо. Отличным педагогом была Наумова-Широких, преподававшая историю церкви. Но это не был закон божий, как в гимназии. С церковью тесно связано начало всех искусств. Я стала понимать, что такое Рублев, Леонардо да Винчи. Горячая увлеченность отличала моих педагогов.

А мы сами! Никого не приходилось упрашивать, все рвались что-то делать, горели. Мы, студенты, снабжали город дровами. А меня от этого освобождали, заставляли выступать с концертной бригадой (все знали, что я училась еще и в театральной студии). По просьбе моих товарищей я исполняла на концертах их стихи, но мне гораздо больше нравилось работать над стихами Верхарна, Блока, Маяковского, Демьяна Бедного.

<...>

*Художественная культура и интеллигенция Сибири (1917–1945 гг.).
Новосибирск: Наука, 1984. С. 162–163.*

II. ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО (ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО) ФАКУЛЬТЕТА. ВОЕННЫЙ ПЕРИОД ЕГО РАБОТЫ (1940–1945 гг.)

Приказ Народного комиссара по просвещению РСФСР А.С. Бубнова «Об открытии исторических факультетов в университетах» от 3 апреля 1934 г. за № 260

1 ■ В целях подготовки высококвалифицированных специалистов для научно-исследовательской и педагогической работы по истории восстановить исторические факультеты в составе университетов.

Срок обучения на исторических факультетах установить 5 лет.

2. С 1 сентября 1934 г. организовать исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов с контингентом осеннего приема на каждый из факультетов по 150 чел.

3. Управлению университетов (т. Габидуллину) к 28 апреля с.г. разработать учебные планы исторических факультетов, предусмотрев в них необходимость специализации (на базе общего исторического образования) на старших курсах, начиная с 4-го, и при выполнении дипломных работ по истории древнего мира, истории средних веков, новой истории, истории СССР и истории зависимых и колониальных народов.

4. Управлению университетов к 15 апреля подготовить практические предложения об обеспечении исторических факультетов необходимой материально-финансовой базой, учебными помещениями и общежитиями для представления в Совнарком СССР.

5. Управлению университетов в двухмесячный срок проработать вопрос о дальнейшем развертывании исторических факультетов в составе других университетов, в первую очередь, в Томском, Казанском, Ростовском, Саратовском, и представить мне предложения об очередности и сроках их открытия.

Нарком

А. Бубнов

**Постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б)
«О преподавании гражданской истории в школах СССР»
15 мая 1934 г.**

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) констатируют, что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлекающий, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме – с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей – учащимся преподают абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом, связанное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами.

Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность, и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории.

В соответствии с этим Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. Подготовить к июню 1935 года следующие новые учебники по истории:

- а) история древнего мира,
- б) история средних веков,

- в) новая история,
- г) история СССР,
- д) новая история зависимых и колониальных стран.

3. В целях подготовки квалифицированных специалистов по истории восстановить с 1 сентября 1934 г. исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов с контингентом осеннего приема на каждый из факультетов по 150 человек, установив срок обучения 5 лет.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. Молотов

Секретарь Центрального Комитета ВКП(б)

И. Сталин

Собрание законодательства. 1934. № 26. Ст. 206.

Из отчетного доклада
«О работе партгруппы исторического факультета ТГУ
за период с 17/IX-40 г. по 22/IV-41 г.»

Отчетный период в партийных организациях охватывает более года. Однако наша партийная группа была создана только в сентябре прошлого года, и мне приходится отчитываться за период нашей полугодовой работы.

Обстановка, во время которой создалась и начала свою работу партийная группа и в которой эта работа проходила, насыщена исключительно богатыми внутренними и внешними событиями.

Прошедший год для нашей родины ознаменовался крупнейшими событиями во внешней политике. В результате неуклонного проведения мудрой сталинской национальной политики в братскую семью народов Советского Союза вошли новые, молодые советские республики – Эстония, Латвия, Литва. Освобождены от капиталистического и национального гнета народы северной Буковины и Бессарабии.

Советский Союз уверенно проводит самостоятельную внешнюю политику. Об этом свидетельствует хотя бы заключенный недавно пакт о нейтралитете с Югославией, а также пакт о ненападении с Японией и декларация о сохранении границ Монгольской народной республики. Наступило время, когда ни один сколько-нибудь значительный вопрос мировой политики не может быть разрешен без учета международного значения Советского Союза.

Однако международная обстановка заставляет нас быть начеку. Вторая империалистическая война, в которую уже втянуто полтора миллиарда населения земного шара, ширится и охватывает новые территории, новые страны. Эта война разрушила насквозь про-

гнившее польское государство. Эта война принесла разгром Франции, Югославии, оккупацию Норвегии, Дании, Польши, Голландии, Албании и др. стран. Эта война сейчас охватывает и Азию, и Европу, и Африку, она ведется и на материках, и на морях, и на океанах.

В условиях второй империалистической войны империалистические государства путем всеобщей военизации хозяйства колоссально повысили производство всех видов вооружения. Это является свидетельством возросшей опасности для нашей страны, ибо усложнение международной обстановки чревато всякими неожиданностями. В этом отношении огромный смысл и глубину мысли приобретают слова нашего вождя и учителя т. Сталина: «Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох».

XVIII партийная конференция показала сколь велика работа, проделанная партией, советским народом, в усилении политической, хозяйственной и оборонной мощи страны, в подъеме ее социалистической культуры. В 1940 г. продукция промышленности увеличилась на 11 %, процент в переводе на денежное выражение составляет 1 миллиард 299 миллионов рублей. Народное хозяйство СССР развивается планомерно во всех его отраслях и в текущем году государственный план предусматривает закрепление самостоятельности и независимости народного хозяйства.

Прошедший период для высшей школы был ознаменован крупнейшим событием, а именно, опубликованием постановления СНК СССР об установлении платности обучения в старших классах средних школ и вузах и об изменении порядка назначения стипендий. Это постановление сыграло большую роль в повышении качества высшего образования.

При организации в университете исторического факультета партия и правительство ставили задачу подготовить новые кадры историков, дабы поднять на новую ступень дело исторического образования в средних и высших школах.

Наш факультет является самым молодым факультетом, он существует с 1.09.40 г. Значение подготовки кадров историков лучше всего определит следующее высказывание тов. Сталина на XVIII съезде ВКП (б):

«...Есть одна отрасль науки, значение которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, – это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма.

Исторический факультет обязан подготовить всесторонне развитые научные и преподавательские кадры историков, кадры, вооруженные знаниями конкретного исторического материала, владеющих марксистско-ленинским методом диалектики и способных с позиции научного марксизма-ленинизма рассматривать сложные события истории и современной общественной жизни».

ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 20. Л. 10.

Е.П. Бельтюкова

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТКИ

Навсегда врезались в памяти события 22 июня 1941 года, первого дня Великой Отечественной, разделившей жизнь моего поколения на две части: «до» и «после» войны.

Этот воскресный летний день начинался для томичей, как обычно. Многие горожане семьями либо компаниями, запасшись провизией, с утра на лодках или паромом переправлялись на левый берег Томи и, расположившись в густо росших тальниках, купались, загорали, жгли костры.

Для студентов, которых и тогда в Томске было немало, июнь был временем экзаменационной сессии. Именно 22 июня я и мои однокурсники, студенты самого молодого тогда исторического факультета ТГУ, должны были сдавать экзамен профессору К.Э. Гриневичу, читавшему нам курс по истории Древней Греции и Рима.

Влюбленный в свою науку, известный археолог, профессор стремился развить у студентов интерес к научному поиску. Под его руководством при археологическом музее университета из первокурсников-историков был организован кружок. Каждый его участник получал хранившуюся в его запасниках коллекцию предметов быта одного из народов Томского Севера (мне, например, достались остяки, или ханты) с задачей изучить соответствующую литературу, подготовить доклад на кружке по своей теме и оформить музейную экспозицию.

Полученные кружковцами навыки научного исследования, возможно, стали первым шагом в большую науку будущих профессо-

ров ТГУ М.П. Евсеева, Г.И. Пелих (Вылевко), В.С. Флерова и ряда других научных работников.

Экзамен подходил к концу, когда по университету разнесся тревожный слух: немецко-фашистские войска перешли государственную границу СССР и в 4 часа на площади Революции состоится митинг. И, действительно, к этому времени площадь до отказа была заполнена народом. На трибунах, стоявших тогда на площади, городские руководители. Радиоприемники транслируют речь Председателя Совета Народных Комиссаров В.М. Молотова. Люди возбуждены, в речах выступающих – готовность дать отпор агрессору, из рядов митингующих раздаются возгласы: «Даешь оружие!».

Митинг окончен, народ расходится, но, я думаю, мало кто тогда до конца понимал, что ждало нас в ближайшие месяцы и даже годы, и что со многими своими товарищами мы не увидимся очень долго, а с иными – никогда.

С началом войны Томск меняется буквально на глазах. Открываются призывные пункты, возле них толпы призывников и добровольцев, на улицах много мужчин в военной форме. Прохожие напряженно ловят из уличных репродукторов сводки с фронтов. Город готовится к приему эвакуируемых с запада заводов, учреждений, гражданского населения. Паники нет, нет громких слез, настроение такое, что все это ненадолго, что фашистская армия будет разбита в ближайшее время.

Осенью 1941 г. начались занятия во всех томских, а также эвакуированных в наш город вузах, правда, на месяц позже обычного, с 1 октября, после возвращения студентов с уборочных работ в колхозах, куда они были направлены во время летних каникул.

Поскольку учебные корпуса ТГУ занял Загорский оптико-механический завод, исторический факультет работал в войну в различных помещениях: в Доме партпроса по Кооперативному пер., 5, в так называемом Доме Карима (ул. Татарская, 46), в Доме ученых (ул. Советская, 45), в общежитии университета (ул. Никитина, 4) после вывода из него госпиталя.

Занятия велись по учебным планам военного времени. Обучение переводилось на 3-летний срок. За счет сокращения часов на общеобразовательные и специальные дисциплины преподавалось военное дело с практикой в госпиталях, тракторное дело, общее земледелие, методика и организация политико-воспитательной работы в Красной армии и история международных отношений.

Студентам-историкам военных лет посчастливилось учиться у замечательных столичных ученых, эвакуированных в Томск.

Прошло более 60 лет, но не изгладились впечатления от интереснейших экскурсов в отечественную и зарубежную литературу академика А.И. Белецкого и доцента Р.М. Самарина; от блестящего анализа цитируемых на русском и латинском языках документов Средневековья профессором А.И. Неусыхиним; от эмоциональных, артистичных лекций проф. Ф.А. Хейфец.

Студентам приходилось нелегко. Хлебный паек – 400 граммов в сутки, в аудиториях и общежитиях – холод. Не от хорошей жизни студенты прибегали к такому способу согреться: шли в кино на несколько сеансов подряд. Благо билет на дневной сеанс стоил всего 10 копеек. Жизнь шла под девизом «Все для фронта! Все для победы!». Поскольку преподаватели и студенты были причислены к служащим второй категории, то их скудный дневной паек состоял из 400 граммов хлеба, кильки, небольшого количества конфет или сахара и растительного масла. Со временем и эти нормы были уменьшены.

Студенты с готовностью откликались на все, что могло помочь стране выстоять и победить. На историческом (с 1941 г. – историко-филологическом) факультете действовала многочисленная и сильная комсомольская организация, выступавшая организатором, а порой и инициатором ряда патриотических дел и починов.

Весной 1942 г. в Томске проходило формирование Сталинской дивизии. Все коммунисты и комсомольцы факультета во главе с парторгом и деканом З.Я. Бояршиновой подали заявления с просьбой об отправке на фронт.

За годы Отечественной войны историко-филологический факультет ТГУ проводил на фронт декана факультета Г.В. Васильева, студентов Б. Бейлина (погиб под Ленинградом), З. Вымятнину, М. Евсеева, Л. Земцову, Л. Кызласова, О. Сакович, А. Танкель, К. Удалова (погиб в Латвии), В.С. Флерова. Погибли ушедшие на фронт в первые дни войны коммунисты Б. Аргудяев и В. Тютюков.

Военный Томск столкнулся с такими острейшими проблемами, как нехватка кадров на промышленных предприятиях, ограниченность энергетических, топливных, сырьевых ресурсов.

Многие студенты пошли работать на заводы. До ухода в армию работал на ТЭМЗе в бригаде литейщиков-кокельщиков М. Евсеев, будущий профессор ТГУ, на резиновом заводе – Е. Денисова, впо-

следствии всю жизнь преподававшая в Томском политехническом институте, на спичфабрике – Е. Штыкова (Севастьянова) и др.

Историки участвовали в прокладке железнодорожной ветки, связавшей заводы со станцией Томск-II, в строительстве ГРЭС-II, в возведении понтонного моста через Томь.

Не на чем было вывозить из Тимирязевского топлива: городской транспорт был мобилизован на военные нужды. По решению комсомольского собрания студенты ИФФ организуют субботники по вывозке дров. Впрягаясь по несколько человек в сани, нагруженные дровами, они доставляли топливо из-за реки в город. За счет этого отапливались учебные помещения. К празднику 23 февраля 1943 г. был сделан подарок семьям фронтовиков – по вязанке дров.

Истфаковцы, как и студенты других факультетов и вузов, активно участвовали в создании Фонда обороны, в подписке на государственные займы и денежно-вещевые лотереи, в сборе средств на строительство танков и самолетов, в отправке книг в подшефный Воронеж, освобожденный от оккупантов.

Год окончания ТГУ нашим – первым – набором историков стал и годом окончания войны. Девятое мая 1945 г. был таким же солнечным, ярким, как и 22 июня 1941 г., и так же томичи заполнили площадь Революции. Только лица у людей были совершенно иные: улыбки, объятия, песни, смех – ведь наступил такой долгожданный и так дорого доставшийся День Победы.

Всю ночь с 8-го на 9-е мая, как только дошло сообщение о капитуляции фашистской Германии, бурлило университетское общежитие. Говорят, что проходивший утром 9 мая мимо него военный был встречен объятиями выбежавших из общежития студенток. «Много я ездил, но нигде меня так не встречали», – сказал он удивленно. «Так ведь Победа!» – отвечали девчата. И тогда все стало понятно.

Получение дипломов об окончании университета наш выпуск отпраздновал в столовой общежития на ул. Никитина, 4. Из 60, поступивших на первый курс исторического факультета осенью 1940 г., закончили его 12 человек. Выпускницам, а их было 10, вручили талоны на отрезки на платья. Это было простое белое хлопчатобумажное полотно. Современным девушкам скорее всего не понять значения этого подарка. Как оценить и вторую составля-

ющую нашего праздничного туалета – брезентовые туфли, начищенные разведенным водой зубным порошком.

После окончания войны увеличился контингент студентов, вузы нуждались в квалифицированных преподавателях. При МГУ открываются 3-месячные курсы по подготовке преподавателей основ марксизма-ленинизма.

Четверо выпускниц ИФФ ТГУ, в том числе и я, поехали на них учиться.

Поезд шел от Томска до Москвы 5 суток. Вагоны были переполнены, шла реэвакуация людей на запад. Места в вагоне брали с боем, забирались через окна, ехали на крышах. Вчетвером нам удалось занять две багажные полки, так и ехали – по две на каждой.

По дороге в Москву узнали о вступлении СССР в войну с Японией. Не случайно всю дорогу навстречу нам, на восток, шли эшелоны с солдатами и вооружением, а мы на станциях бегали встречать их в надежде увидеть кого-либо из родных или знакомых. На красной площади Москвы, салютовавшей 3 сентября 1945 г. советским войскам, отпраздновали окончание Второй мировой войны.

Вернувшись в Томск, я получила назначение на кафедру основ марксизма-ленинизма Томского государственного университета. К этому времени ИФФ возвратился в третий корпус университета (БИН). На 1-м и 2-м этажах шли занятия, на 3-м размещалось общежитие. В числе студентов было много фронтовиков: А. Ачатова, В. Кукушкин, С. Лукичев, Г. Митрофанов, А. Суховицын, И. Шапоренко, М. Шейнфельд и др. Особо радовало возвращение тех, кто ушел из университета на фронт, а в ходе или после войны продолжил учебу: М. Евсеев, О. Сакович, В. Флеров. Почти все они еще были в гимнастерках и сапогах, на груди – ордена и медали. Фронтовики – это была совсем особая категория студентов. Таких, я полагаю, не было ни раньше, ни потом. Совсем молодые и в то же время зрелые люди, повидавшие жизнь и понявшие ее цену, они учились с таким упорством и целеустремленностью, с такой жадой знаний. Они не ждали, да и не хотели, никакого снисхождения к их ранам, болезням, длительному перерыву в учебе, никаких скидок за заслуги. И это их отношение к занятиям самым благотворным образом влияло на остальных студентов, побуждало быть серьезными, ответственными, дисциплинированными, способствовало укреплению факультета. Л. Алякринский, П. Коптелов, А. Сухотин, С. Лукичев и многие другие фронтовики оказались в числе

моих первых учеников, и я благодарна судьбе, что именно с этими близкими мне по взглядам, по духу, по настроению людьми началась моя преподавательская работа.

С верой в Победу!: Томский университет в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и воспоминаний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 95–98.

З.Я. Бояршинова

УНИВЕРСИТЕТ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

О начале войны я узнала в вагоне поезда около станции Барабинской при возвращении из Москвы в Томск. Обстановка в вагоне сразу изменилась, лица пассажиров посуровели. На каждой остановке в вагон садились военные – отпускники, спешившие в свои части.

Сразу бросились в глаза и перемены в облике Томска. На всю жизнь города наложили отпечаток военные заботы.

24 июня в университете состоялось общее партийное собрание. В докладе секретаря партбюро А.В. Светланова были сформулированы основные задачи коммунистов в новой обстановке. Высокая дисциплинированность, самоотверженная работа каждого на своем посту, подтянутость и четкость – на это обращал главное внимание докладчик. Он призывал работать, не жалея сил, не считаясь со временем, здоровьем, «чтобы не стыдно было за себя, за то, что ты мог сделать больше, но не сделал».

Собрание решило: каждое нарушение трудовой и государственной дисциплины рассматривать как предательство интересов народа; немедленно развернуть военную учебу коммунистов и комсомольцев, в течение двух дней провести запись и найти преподавателей на курсы медсестер и сандружинниц; организовать стрелковые и противохимические кружки, кружки морзистов и радиокоротковолновиков и начать занятия; на период летних каникул создать бригады студентов для работы на новостройках-заводах; отменить очередные отпуска преподавателей, рабочих и служащих университета, Старейший коммунист А.Е. Абрамович предложил

положить начало созданию Фонда обороны, внести в этот фонд имеющиеся у сотрудников облигации.

Для оповещения и быстрого сбора коммунистов создали «цепочки» (телефонов на квартирах тогда не было). В ректорате, партбюро, в комитете ВЛКСМ и местком профсоюза были установлены круглосуточные дежурства.

Провели общее собрание и комсомольцы университета.

В военкомат потоком пошли заявления с одной просьбой: отправить на фронт. Добровольцами ушли сражаться с врагом член партбюро, студент исторического факультета Б.А. Аргудяев; студент третьего курса, председатель профкома ТГУ А.Ф. Козлов; секретарь комсомольского бюро химфака М.Л. Алашкевич; член бюро ВЛКСМ химфака А.С. Самарин; член комсомольского бюро химфака К.Я. Бурыхин и многие другие. Профессор-коммунист В.Н. Кессених в своем заявлении писал: «Сейчас, в момент нападения на Советский Союз фашистов, я не вижу другой цели в жизни, кроме защиты нашей Родины».

С просьбой направить на фронт обратился и секретарь партийного бюро университета, заместитель директора СФТИ А.В. Светланов. Вот строки из его заявления: «Прошу направить меня добровольцем на фронт... За все, чем я обязан партии и моему народу, за будущее моего народа... обещаю самоотверженно биться, не жалея своих сил и жизни».

Даже сейчас, 40 с лишним лет спустя, с глубоким волнением читаешь эти дошедшие до наших дней документы – свидетельства небывалого по яркости массового патриотического подъема советских людей, вспоминаешь о том действительно всенародном порыве – желании спасти Родину от гитлеровской нечисти.

Из девяти членов партийного бюро Томского университета, избранных на отчетно-выборном собрании в мае 1941 г., к 25 августа осталось на учете в парторганизации только двое. Были призваны в армию И.А. Абраменко, И.И. Колюшев, А.В. Светланов, Н.Н. Иванов и другие. А.Ф. Мальцева отозвали – на работу в аппарат горкома.

Все, кто мог и умел держать оружие в руках, овладели воинской специальностью, стремились на фронт. За годы Великой Отечественной войны ушли на фронт добровольцами и по мобилизации 67 преподавателей и научных сотрудников, 15 аспирантов, 399 студентов, 105 рабочих и служащих университета.

В начале июля в армию был призван доцент Г.В. Васильев – декан нашего факультета. Приказом ректора мне была поручена должность декана. Работать пришлось в невероятно трудных условиях.

Университету было предписано сдать грузовые и легковые автомашины, мотоциклы, лошадей, повозки, сбрую, освободить студенческие общежития, подготовив их к приему раненых бойцов, оборудовать для госпиталя здание Биологического научно-исследовательского института, а главный корпус передать для размещения эвакуированного завода. В общей сложности университет передал заводу и госпиталям 30.000 м² учебной и жилой площади. Осталось в нашем распоряжении два небольших общежития (по проспекту Фрунзе, 24, и по улице Белинского, 11), где можно было разместить только 150 человек, а к сентябрю 1941 г. в университете было 735 студентов.

Взамен освобожденных учебных помещений университет получил восемь маленьких зданий общей площадью 2300 м², где было размещено учебное оборудование, проводились лекции, лабораторные и семинарские занятия. Кроме того, занятия в первом военном учебном году проходили в лабораториях и аудиториях Сибирского физико-технического института (СФТИ), в учебных помещениях индустриального (политехнического) института и в Доме партийного просвещения (переулок Кооперативный, 5).

Передача значительных учебных и жилых помещений усложнила учебно-воспитательную работу, привела к росту отсева, который за первый семестр 1941/42 учебного года достиг 25 процентов (не считая призванных в ряды РККА). На этот недостаток в работе вузов обратила внимание IV партийная конференция Кировского района Томска, проходившая в апреле 1942 г. В отчетном докладе райкома ВКП(б) отмечено: «В начале войны были неправильно поняты задачи вузов, недооценена их роль, вследствие этого переданы почти все учебные помещения без особой иногда необходимости другим организациям...».

Решение IV районной партконференции о более внимательном отношении к вузам позволили не только сохранить исторический факультет, но и создать в 1941/42 учебном году филологическое отделение, открытие которого планировалось еще до начала войны. Война, казалось, помешает его развертыванию, но Новосибирский

обком и Томский горком ВКП(б) поддержали предложение университета готовить филологов.

Известную роль сыграло и то, что в Томске оказались в эвакуации высококвалифицированные ученые, прибывшие из Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова: академик АН УССР А.И. Белецкий – специалист по истории русской литературы, профессор П.И. Каган – специалист в области греческого и латинского языков; профессор А.И. Неусыхин – известный медиевист; доцент Р.М. Самарин – знаток истории зарубежной литературы; доцент А.А. Белецкий – знаток санскрита и других древнейших языков.

В 1941/42 учебном году молодой историко-филологический факультет работал в составе трех отделений: исторического, классической филологии, русского языка и литературы.

Одновременно с переездом университета в новые помещения шло комплектование бригад для работы в колхозах на сенокосе и уборке урожая. С 1 июля по 15 октября 1941 г. в колхозах области трудились 400 студентов университета и 300 научных работников, рабочих и служащих. Большинство направленных ехали в деревни с большим желанием помочь Родине в спасении урожая.

Коллектив университета внес свой вклад и в подготовку к пуску эвакуированных заводов. На монтаже оборудования работала постоянная бригада – 25 студентов физического факультета. В течение первого военного года 180 студентов трудились постоянными рабочими на промышленных предприятиях города. Часто организовывались субботники по разгрузке вагонов с углем, оборудованием, другими грузами. Помогали строить узкоколейки, южную железнодорожную ветку, дорогу от Черемошников до станции Томск-II. На рытье котлованов под фундаменты производственных корпусов подшипникового завода университетский коллектив провел восемь субботников, а всего их в 1941 г. было 22, в каждом из которых участвовали от 200 до 400 человек.

Образцы примерной, хорошей работы проявляли на субботниках доцент Е.Н. Аравийская, начальник военно-физкультурной кафедры А.Г. Выдрин, доцент З.И. Клементьев, профессор В.М. Кудрявцева, профессор В.Д. Кузнецов, ассистент М.Д. Ходор, профессор Н.А. Прилежаева и многие, многие другие.

Война изменила весь режим учебной жизни университета. По указанию Наркомата просвещения РСФСР и Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР (ВКВШ) пятилетний срок

обучения был заменен трехлетним, прием студентов на первый курс в 1941 г. проводился без вступительных экзаменов. В июле – августе 1941 г. состоялся выпуск студентов, переведенных весной на пятый курс, в мае 1942 г. досрочно были выпущены студенты четвертого курса.

Кафедры университета пересмотрели учебные планы и программы в соответствии с требованиями военного времени. Были введены новые предметы (тракторное дело, общее земледелие, организация сельского хозяйства всеобуч), сокращены часы на изучение общих и специальных предметов. Учебная нагрузка студентов (лекции, лабораторные, семинарские занятия) составляла сорок восемь часов в неделю. Первый семестр 1941/42 учебного года был сокращен на первых трех курсах до 12 недель, на выпускном курсе – до 13 недель.

Каждый факультет заботился об отоплении занимаемых им зданий. Рано утром задолго до рассвета, небольшие бригады студентов с санками направлялись по очереди либо на Черемошники к дровяным складам, либо за Томь в лесосеку, где находились заготовленные, но не вывезенные университетом дрова. У помещения, где размещался факультет, дрова пилили, кололи и до начала учебных занятий растапливали печи.

Студентам, совмещавшим обучение с работой на оборонных предприятиях, было дано право свободного посещения лекций. Лабораторные работы, семинары, занятия по иностранным языкам преподаватели проводили с ними в вечерние часы, довольно часто при керосиновой лампе.

Напряженная работа профессорско-преподавательского коллектива университета в сложнейших условиях первого военного учебного года была положительно оценена Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР. В приказе ВКВШ от 30 января 1942 г. говорилось: «Несмотря на наличие неблагоприятных условий для работы в связи с изъятием из университета основных учебных помещений, учебный процесс проходит достаточно организованно. Большинство профессорско-преподавательского состава лекции читаются на высоком теоретическом уровне (акад. А.И. Белецкий, проф. П.И. Каган, проф. М.А. Большанина, проф. В.А. Хахлов, проф. Э.Н. Ярошевский, проф. Ф.А. Хейфец и др.).»

По распоряжению ректора учебные занятия во втором семестре 1941/42 учебного года были закончены 10–15 апреля. Во второй

половине апреля – начале мая проводилась весенняя экзаменационная сессия, после которой студенты и научные работники, не занятые научной тематикой, имеющей оборонное значение, должны были работать в колхозах и на созданном университетском пригородном подсобном хозяйстве.

Студенческие бригады были отправлены также на лесозаготовку и в шахты. Так университет заготавливал топливо для будущего учебного года. В колхозы области выезжала университетская агитбригада с лекциями, докладами, концертами.

В подшефном госпитале летом 1942 г. регулярно проводились занятия с инвалидами войны, желающими поступить в университет. Занимались 12 человек. Все они после госпиталя стали студентами и успешно закончили ТГУ.

Об инвалидах Отечественной войны партийная организация проявляла особую заботу, каждый из них был обеспечен бельем, ватной тужуркой, рубашками, брюками, варежками, некоторые получили валенки. В столовой университета для них выделили дополнительные первые и вторые блюда, установили трехразовое питание. Преподаватели математики, физики, иностранных языков вели с ними дополнительные занятия.

Второй военный учебный год начался 12 октября, на 12 дней позднее установленного ВКВШ срока. Основной причиной была задержка значительной части студентов и научных работников на сельскохозяйственных работах и на производственной практике, связанной с выполнением важных заданий оборонного характера (в геологических поисковых партиях, на сборе лекарственных растений, на рыбных промыслах). Да и транспорт был перегружен, сесть на поезд было нелегко.

Решением ВКВШ в университетах был восстановлен пятилетний срок обучения, вновь введены вступительные экзамены для поступающих. Деканаты факультетов перед началом учебного года срочно составляли переходные пятилетние учебные планы.

Вводились новые предметы: на историко-филологическом факультете – методика и организация политико-просветительной работы в Красной Армии и история международных отношений; на механико-математическом – баллистика, теория стрельбы, артиллерийские приборы и управление артиллерийским огнем; на географическом – военная география и аэрофотосъемка; на биологическом – промыс-

ловая ихтиология. На всех факультетах и курсах, кроме выпускного, была введена военная подготовка.

В апреле 1943 г. университету возвратили бывшее студенческое общежитие по улице Никитина, 4 (это было единственное в городе пятиэтажное здание) и часть здания по улице Никитина, 17, которые занимал госпиталь. Это позволило перевести в пятиэтажку ректорат и управленческие службы, столовую, общеуниверситетские кафедры, историко-филологический и географический факультеты. В доме по улице Никитина, 17 разместился ряд кафедр и лабораторий биологического и химического факультетов, музей почвоведения.

На начало 1942/43 учебного года в университете числилось 812 студентов, из них более 200 не явились к началу занятий. В чем же крылась причина столь массового отсева? Студентов, особенно новичков, пугало отсутствие жилья. В общежитии размещалось не более 150 человек. Еще 170 университет устраивал «угловиками» в домах и квартирах горожан. Остальным приходилось самостоятельно подыскивать жилье в перенаселенном городе. Добавим к этому материальную необеспеченность студентов, плохое питание в университетской столовой. Директор столовой Голикова на партийном собрании 12 января 1943 г. говорила: «В основном кормили студентов мороженой капустой. В централизованном порядке получили только девятьсот килограммов соленой рыбы».

Партийная организация университета старалась решить труднейшие задачи сохранения студенческого контингента. Было расширено подсобное хозяйство университета. 22 гектара вспаханной земли за городом было выделено под индивидуальные огороды. Рекомендовалось и студентам иметь коллективные огороды.

С начала весны и до уборки урожая в подсобном хозяйстве университета работали постоянные группы научных работников и студентов. Для университетской столовой были выращены картофель, капуста, морковь, свекла, зерновые культуры для круп и муки.

Ректорат и партийное бюро университета при поддержке горкома и обкома ВКП(б) настойчиво ставили перед правительством вопрос о возвращении университету главного корпуса и здания биологического научно-исследовательского института, что позволило бы высвободить другие помещения под студенческие общежития.

К осени 1943 г. завод освободил главный корпус ТГУ, но сдал его в крайне неудовлетворительном состоянии: паровое отопление

не действовало, полы и потолки в ряде комнат пробиты, внутренняя электропроводка испорчена, разрушено спецоборудование лабораторий и т.д. Зданию нужен был капитальный ремонт.

Партийное собрание, обсудившее 15 сентября доклад ректора Я.Д. Горлачева об освоении главного корпуса, приняло мудрое решение: начать переезд немедленно и собственными силами приводить здание в порядок. Это позволило использовать пятиэтажку и часть здания по улице Никитина, 17 под общежития студентов.

У университета почти не было своего транспорта. Студенты и преподаватели на руках переносили в главный корпус книги, шкафы, учебное оборудование.

Поскольку центральное паровое отопление в корпусе не действовало, в аудиториях и кабинетах сложили 70 печей. Истопников-уборщиц не хватало, топили печи в зимние месяцы лаборанты и сотрудники кафедр. Срочно делалась электропроводка. Неиспользуемые помещения были заколочены до начала капитального ремонта.

Как и полагалось, 1 октября 1943 г. в университете начались учебные занятия.

Несмотря на тяжелые условия работы в не отремонтированном корпусе, на холод в аудиториях, частые болезни преподавателей, отвлечение студентов на различные работы, учебный план был выполнен в среднем на 94 процента. По итогам зимней экзаменационной сессии было 135 отличников учебы.

Лекции читали на высоком теоретическом уровне. В университете тогда было 28 профессоров, из них 22 имели ученую степень доктора наук и 35 доцентов-кандидатов наук.

Отсев за 1943/44 учебный год был меньше, чем в предыдущие годы, студенческий коллектив начал постепенно стабилизироваться. Выбывали из университета главным образом по одной причине: перевод в другие вузы. Это были члены семей эвакуированных или прибывшие в эвакуацию студенты старших курсов.

В 1944 г. правительство ассигновало на ремонт университета более миллиона рублей. В Томске в то время не было подрядных строительных организаций. Работы пришлось проводить хозяйственным способом. Кроме наемных рабочих, привлекали студентов, преподавателей, служащих. Однако завершить ремонт к началу нового учебного года не удалось; не хватало строительных материалов, рабочих. 13 июля 1945 г. комиссия партийного бюро, прове-

рившая ход капитального ремонта, докладывала, что только в первом послевоенном 1945/46 учебном году будут сданы в эксплуатацию подвальные помещения, первый и второй этажи.

Каждый коммунист университетской партийной организации считал себя мобилизованным до конца войны. Пересмотрены были планы научно-исследовательской работы, все силы ученых направлены на помощь фронту, промышленности, транспорту, сельскому хозяйству.

На городском собрании научных работников г. Томска 3 июля 1941 г. директор СФТИ профессор В.Д. Кузнецов с большим подъемом говорил: «Мы, томские ученые, должны немедленно организовать единый коллектив, объединенный страстной мыслью разгромить и уничтожить врага... должны все то, что есть лучшее у нас, отдать нашей Родине».

Характеризуя работу Комитета ученых в первый месяц войны, Б.П. Токин отмечал: «Среди ученых мы наблюдаем исключительный подъем и энтузиазм, характеризующий пламенные патриотические чувства и искренние стремления работать в дни великих испытаний наиболее интенсивно, наиболее плодотворно».

О научном вкладе ученых университета в победу написано много. Укажу только, что уже в 1941 г. профессора М.А. Большанина, и А.П. Бунтин создали антиобледенитель для тросов, скоростной метод ремонта противогАЗа и велокамер предложила профессор В.М. Кудрявцева, доцент А.Б. Сапожников, ассистент Б.П. Кашкин и лаборант П.П. Одинцов сконструировали прибор для обнаружения металлических включений в теле раненого. Был предложен также метод использования в госпиталях фотобумаги вместо дефицитной рентгеновской пленки, разработана заменяющая вату всасывающая повязка для ран из мхов и специальной бумаги, сделанной из отходов томской фабрики карандашной дощечки. Наряду с этим проводились исследования сибирских лекарственных растений, дикорастущих лекарственных трав.

Ученые университета вели и фундаментальные исследования по специальным заданиям оборонной промышленности. Монография В.Д. Кузнецова и М.А. Большаниной «Физика твердого тела» в 1942 г. получила Государственную премию. Б.П. Токин в годы войны открыл мощные бактерициды растительного происхождения.

Оказывалась научно-техническая помощь хозяйственным организациям (внедрение дефектоскопа на железнодорожном транспор-

те, конструирование аппаратуры, разработка технологических процессов) и госпиталям (монтаж, ремонт и изготовление электролечебной аппаратуры). В университете готовили кадры крайне необходимых профессий: рентгенотехников, физико-техников, путевых дефектоскопистов.

Научные работники историко-филологического факультета писали популярные брошюры и статьи, которые широко использовались в лекционной пропаганде. Так, профессор А.И. Неусыхин, крупный специалист в области западноевропейской средневековой истории, написал в Томске две брошюры: «Исторический миф Третьей империи», «Кто такие древние германцы и существует ли «северная раса»?». Э.Н. Ярошевский подготовил и опубликовал серию брошюр под общим названием «Великие полководцы земли русской» («Александр Невский», «Дмитрий Донской», «А.В. Суворов», «М.И. Кутузов»). Академик А.И. Белецкий разработал текст лекции, использовавшейся в агитационно-пропагандистской работе: «Наша культурная старина и фашистское варварство».

Профессора и доценты университета (А.И. Неусыхин, Э.Н. Ярошевский, В.М. Кудрявцева, П.И. Скороспелова, Р.М. Самарин, В.Ю. Гессен и другие) часто выступали с лекциями на научно-популярные темы в госпиталях, на площадках в городском саду, в кинотеатрах перед началом сеансов и в других аудиториях.

Для населения города в 1942/43 учебном году открылся Воскресный университет. Здесь только в течение одного года было прочитано свыше 50 лекций на политические, исторические и военно-оборонные темы. Ректором университета был профессор Г.Г. Григор.

Мне довелось в течение всей войны заниматься организационно-партийной работой в университете. С мая 1941 г. по январь 1943 г. я была партгоргом историко-филологического факультета (с начала июля 1941 г. сочетая эту работу с обязанностями декана), а с января 1943 г. и до окончания войны – членом партбюро университета.

В 1942 г. в составе первичной организации было немногим больше 50 членов и кандидатов в члены ВКП(б), в июле 1943 г. – 64, в июне 1944 г. – 75 и в феврале 1945 г. – 90.

Это был дисциплинированный, принципиальный, боевой коллектив, направляющий работу профессорско-преподавательского

состава и студентов на решение главных задач, которые ставила обстановка военного времени.

На партийных собраниях, заседаниях партбюро, на частых митингах университетского и факультетских коллективов подчеркивалась мысль, что фронт и тыл едины. Это подкреплялось коллективными проводами работников университета в действующую армию, систематической перепиской партийного бюро и его секретаря А.Е. Абрамовича с бойцами и командирами, сражавшимися на фронте.

Письма фронтовиков, адресованные университету, хранились в Научной библиотеке в специальной витрине, ими пользовались в беседах агитаторы и закрепленные за студенческими группами преподаватели. Иногда письма зачитывали на собраниях и митингах. Так, письмо бойцов, командиров и политработников 284-й стрелковой дивизии, в котором рассказывалось о мужестве и героизме сибиряков в боях под Сталинградом, читалось буквально во всех университетских подразделениях. Обращаясь к томичам, бойцы писали: «Работайте, товарищи, не покладая рук. Помните, что и вы своим трудом куете победу на фронте!»

Приезжавшие на побывку домой отличившиеся участники боев, как правило, приходили в университет, подолгу рассказывали о фронтовой жизни. Трудно переоценить воспитательное воздействие таких встреч.

Мне до сих пор помнится, как взволнованно проходило партийное собрание 22 декабря 1942 г., на котором председательствовал наш доброволец-коммунист Владимир Николаевич Кессених. Здесь было единодушно решено начать сбор средств на постройку эскадрильи «Советский вузовец», коммунистам внести в качестве первого взноса причитающуюся компенсацию за неиспользованный отпуск и призвать к этому всех научных работников, рабочих и служащих университета.

2 марта 1943 г. присутствовавшие на общем открытом партийном собрании, затаив дыхание, слушали сообщение приехавшего на побывку с фронта орденоносца Бориса Яковлевича Зубкова, участника Сталинградской битвы.

С глубокой скорбью мы узнавали о гибели на фронтах наших университетских товарищей: доцента В.П. Поддубного, заведующего кафедрой физической химии С.М. Петрова, ассистента

А.Е. Алексеенко, аспирантов М.С. Вдовкина, Ф.М. Жданова, Е. Дурандина и других.

Члены партбюро считали своим долгом помочь всем, чем было можно, семьям фронтовиков. При местном профсоюзе действовала постоянная комиссия. Она взяла на учет все семьи фронтовиков, проводила обследование жилья, добивалась ремонта квартир, снабжения топливом, оказания помощи в посадке картофеля и овощей на индивидуальных огородах (вспашка земли, снабжение семенами, вывозка урожая). Особой заботой были окружены дети фронтовиков. Старались помочь им, в первую очередь направляли в пионерские лагеря... Всего у нас было 250 семей фронтовиков.

Как и все томичи, университетский коллектив участвовал в сборе и шитье теплых вещей для фронтовиков. Была создана комиссия в составе секретаря партбюро А.Е. Абрамовича, члена партбюро Т.Г. Доценко, Ф.А. Ткаченко. Теплые вещи (ватные брюки и телогрейки) шили из материалов, купленных на собранные в коллективе деньги. Организацию всего этого дела взяла на себя энергичная коммунистка, доцент химфака Л.Г. Майдановская. Из собранной и закупленной шерсти (3400 кг) женщины и девушки в свободное от работы время (чаще ночью) вязали носки и варежки. На фронт отправляли коллективные и индивидуальные посылки с подарками.

Активно участвовали сотрудники университета в пополнении Фонда обороны. Подписка на первую и вторую денежные лотереи составила более 62000 рублей. В 1942 г. ежемесячно все научные работники, рабочие и служащие отчисляли в Фонд обороны однодневный заработок. 21 января 1943 г. на эскадрилью «За Родину» в Государственный банк было перечислено 129000 рублей. В феврале 1943 г. коллектив университета собрал более 200000 рублей (в том числе около 50000 внесли студенты) на постройку боевых самолетов «Томский университет», о чем послали рапорт И.В. Сталину и получили его благодарность. Кроме того, все работники университета перечислили на эти же цели компенсации за неиспользованный летний отпуск – 57000 рублей.

Вся жизнь, вся деятельность университетского коллектива, его учебная, научная, политико-воспитательная работа в годы Великой Отечественной войны были подчинены коренным нуждам страны, интересам сражавшейся на фронтах Красной Армии, потребностям оборонной промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Каждый советский патриот считал своей непреложной обязанно-

стью, своим священным долгом отдать всю энергию и силы, а если потребуется и жизнь для победы над врагом.

Люди моего поколения, кто пережил тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны, были суровыми и в то же время очень добрыми, чуткими к чужому горю. Чувство взаимопомощи, взаимовыручки, чувство «локтя», особенно ценное в беде, в те годы проявилось наиболее ярко. В нашем небольшом университетском коллективе мы стали ближе друг к другу, отзывчивее, гуманнее, человечнее.

С верой в Победу!/: Томский университет в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и воспоминаний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 101–108.

Е.В. Гутнова

ЖИЗНЬ В ТОМСКЕ*

Чerez две недели после отъезда Эльбруса, 5 декабря 1941 года, утром, в девять часов, я шла в школу на второй урок. Выйдя на площадь перед театром, я заметила, что там царит какое-то необычное, безмолвное оживление. У репродукторов, развешанных по углам площади, собирались люди, как всегда в те дни одетые в темное, с усталыми лицами. Сердце у меня екнуло. Привычка ежедневно слышать горькие слова о вновь оставленных городах и селениях подсказывала очередное сообщение в этом духе, а в этот раз оставить можно было только Москву.

Я застыла у репродуктора. Был пасмурный морозный день, падал сухой, мелкий снег... И вдруг из шипящего репродуктора раздался зычный голос Левитана и шумно разнесся над притихшей площадью. Он звучал необычно торжественно и радостно, ибо впервые за прошедшие полгода перечислял города, которые мы не оставили, а взяли обратно. Знакомые до боли подмосковные городки и поселки! Левитан называл цифры захваченных пленных, военных трофеев, сообщал число километров, на которое немцев отогнали от Москвы. Я слушала и не верила своим ушам. Счастье, невыразимая радость заливали меня, слезы, впервые за эти месяцы, не сдавленные, а свободные, слезы радости текли из глаз. И люди, стоявшие рядом со мною, переживали то же самое. Это было видно по их глазам, жестам, скупым улыбкам. И снова, как в Богданови-

---

* В сокращении.

чах или в темном классе многоэтажки, я ощутила счастье причастности к какому-то большому, единому целому, скрепленному одной судьбой и живущему одним дыханием.

Счастье было не просто в успехах нашей армии, а главным образом в том, что она, несмотря ни на что, выжила, не истощилась в страшной многомесячной битве с врагом, нашла силы при тридцатиградусном морозе в открытых полях под Москвой разгромить непобедимого до того момента врага. В этом была первая близкая, робкая надежда на возможность победы, на спасение от страшной черной чумы, бесконечная гордость за наших солдат, молодых офицеров и генералов, в боях проходивших школу той небывалой войны. В этот момент счастья странным образом сразу забылись страшные поражения первых месяцев, бездарность подготовки к отпору агрессии и даже истребление в 1938 году всего цвета нашего генералитета. Радость заслонила все!

Я выслушала заявление ТАСС до последнего слова, впитывая каждое, как жаждущий в пустыне – каждую каплю воды. Когда голос Левитана замолк, я посмотрела на часы и, поняв, что у меня есть еще полчаса времени до школы, бросилась обратно домой, чтобы рассказать маме и Изе о том, что узнала.

В этот день счастье не покидало меня и никакие неприятности не могли его поколебать. А примерно через три недели я переживала все сначала, сидя в кино и смотря кинохронику «Битва под Москвой», видя в лицо ее безымянных и названных героев, узнавая будущих полководцев, о которых впервые услышала в эти дни: Жуков, Рокоссовский, Конев, Доватор, Чуйков и многие другие – все они в бешеном темпе пронеслись перед нами на экране. Волна благодарности, отчетливо ощущаемая, неслась к ним из зала. Так целый месяц мы жили в атмосфере великого праздника. Потом снова наступили будни нашей нелегкой, трудовой жизни.

Томск того времени представлял собой приятный, небольшой, уютный городок с богатыми культурными традициями. Он сразу понравился мне, и жить в нем при всех трудностях было приятнее, чем в Омске: две-три настоящих асфальтированных улицы с большими каменными домами, торговыми помещениями и амбарами; красиво застроенный в полуампирном стиле университетский уголок с большим зданием университета, расположенным в обширном парке и дополняемым прекрасным зданием университетской библиотеки.

Большинство улиц было с деревянными тротуарами и одно-двухэтажными домами, но часто очень красивыми, украшенными причудливой деревянной резьбой. Обилие зелени, скверов, парков, лужаек, придомовых садиков, (весной город утопал в сирени и черемухе) делало прогулки по его улицам очень приятными, в отличие от пыльного и грязного Омска. Да и жители были много приятнее, мягче, приветливее. Сказывалось длительное существование Томска как культурного центра, наличие профессуры и студенчества, давние революционные традиции. В Томске тоже оказалось много эвакуированных, но все же меньше, чем в Омске, и они не так наводняли город. Правда, там обосновались три или четыре военных завода, и один из них разместили в здании университета, так что занятия шли в разных местах. Помещение пединститута, бывшей семинарии, занял военный госпиталь. Городского транспорта было мало – только два-три автобусных маршрута. Так что в основном приходилось ходить пешком. С кем только ни сталкивалась я в эти годы на улицах и в учреждениях Томска. Из писем Евгения Алексеевича я узнала, что здесь живет профессор А.И. Неусыхин, о котором я уже писала и к тому времени много слышала, но не была знакома. Он преподавал в университете. Евгений Алексеевич написал ему письмо обо мне, и мы с ним познакомились. Это было для меня большой радостью и поддержкой. Вскоре обнаружилось, что в Томске в университете работают эвакуированные из Киева старые Женечкины знакомые: академик Александр Иванович Белецкий с женой Марией Ростиславовной и двумя сыновьями – Андреем, хотя и молодым, но известным филологом-классиком, и младшим, начинающим художником Платоном. Жила с ними и жена Андрея – Нина, красивая брюнетка. Находилась там же и семья Самариных: Юлия Ивановна, давнишняя возлюбленная Александра Ивановича; ее сын, как и Андрей, друг юности Жени – блестящий, остроумный, равнодушный к дамам Роман Михайлович Самарин; его жена – обожающая его и очень некрасивая Галя. Со всеми этими людьми я быстро познакомилась. Общение с ними, хотя и нечастое, скрашивало нашу жизнь в Томске, а потом и помогло мне, когда я стала работать в университете. Были люди из Комитета по делам искусств, с которыми я, однако, встречалась мало, учителя в школе. Дома мы общались с нашей соседкой Марией Абрамовной Кабановой, довольно неприятной, какой-то уж очень меркантильной (и не только) женщиной. Муж ее находился

на фронте, а она не прочь была поразвлечься и у нее часто бывали разные молодые люди.

Уезжая в Москву, Эльбрус оставил нам в наследство двух знакомых: своего старого приятеля, музыканта, Эмануила Гольдштейна, довольно беспутного, но доброго, заботливого человека, помогавшего строить нашу печку и растапливать ее, что, впрочем, для нас было довольно мучительно. Недели три он жил в нашей комнате за занавеской, потом неожиданно исчез, очень удивив тем, что даже не попрощался. Потом уже Эльбрус узнал, что он, оказывается, скрывался от призыва, что его в конце концов забрали в армию и в наказание за дезертирство потом посадили на несколько лет. Второй был некий Иосиф Исаакович Дислер, человек уже немолодой, лет под шестьдесят, до войны комиссионер по продаже картин при какой-то художественной организации, а до того – нэпман. Выходец из буржуазной среды, он не сетовал на советскую власть. Будучи не слишком образован, Иосиф Исаакович страстно любил музыку, был очень предан своей бедной калеке-жене, устроенной им в Новосибирске. Веселый, остроумный, неунывающий человек, любитель женщин и вообще всяких удовольствий, он вздыхал по нашей Женечке, но уютно пристроился при Марии Абрамовне, а вечера часто проводил у нас. Этот маг и волшебник по части доставания дефицитных товаров поразил меня, когда однажды преподнес мне детские чулки для Лешы, достать которые в городе не представлялось возможным. Дислер постоянно разъезжал, якобы продавая картины советских художников, хотя не знаю, кто у него их покупал – тогда было не до картин; время от времени он появлялся у нас, всегда с какими-нибудь подношениями. Вообще, Иосиф Исаакович был человеком из какого-то старого мира. После войны он вернулся в Москву, жена его умерла, он женился на другой, позднее часто встречался с Лешенькой в Доме архитекторов, где обычно обедал, относился к нему по-отечески и умер сравнительно недавно в возрасте около девяноста лет. Иногда он бывал у Жени с Изой. Как ни странно, он тоже скрашивал наше житье-бытье.

А было оно очень тяжелое. Если бы не обеды из Комитета, хотя и отвратительные, мы бы совсем оголодали. А ведь у меня рос мальчик – тоненький, худенький, как тростиночка, с большими от худобы, блестящими карими глазами, и все время хотел и просил есть. Мы с Женой зачастили на барахолку, продавая свои вещи и

затем покупая на рынке невероятно дорогие и все дорожавшие продукты. Картошка стоила триста рублей ведро, полкило масла – двести пятьдесят рублей, литр молока – пять рублей. А мясо – уж не помню сколько, только не по нашему карману. К концу пребывания в Томске я распродала все наши вещи: осталось одно платье и одни туфли (ну, конечно, и теплые вещи). Туго было и с керосином. Его выдавали по талонам, но выдаваемого не хватало: все освещение и приготовление еды требовали керосина. Мы вынуждены были прикупать талоны или даже выменивать их на вещи. Помню, как я сменяла мамину белую шелковую шаль, ее единственную дорогую вещь, на большую канистру керосина. В длинные зимние вечера, когда топилась печь, мы все сидели вокруг нее и не зажигали лампы из экономии. А если надо было заниматься мне или Жене либо почитать перед сном, то жгли коптилки. Как выдерживали это мои глаза – не знаю. С дровами тоже было туго. В Комитете на год давали обычно два-три кубометра паршивых осиновых дров. Этого не хватало, ведь морозы в Томске бывали лютые. Женечка ездила на лесозаготовки и за это тоже получала один-два кубометра, что не решало проблему. Конечно, это ей давалось великим трудом. Мне сказали, что где-то на далекой пристани, где связывают плоты на Томи, можно за водку достать дрова. Водка приравнивалась к валюте, а я получала ее каждый месяц в пайке от Комитета по делам искусств. Стоила тогда одна бутылка пятьсот рублей, столько же, сколько кубометр дров. И как-то в конце лета, взяв две бутылки водки, я отправилась на эту пристань, до которой идти надо было километров пять или больше. Не могу теперь понять, как я отважилась на встречу с пьяными мужиками где-то за городом. Но без дров жить нельзя, и я, преодолев страх, пошла и... ничего со мною не случилось: я сторговалась со сплавщиками, отдала им два пол-литра, а они, хоть и могли их отнять у меня и ничего не дать взамен, привезли нам два кубометра отменных березовых дров. Отшагав рядом с подводами неблизкий обратный путь, я была очень горда этим.

Подспорьем для отопления служил шлак, выбрасываемый с электростанции в запруду, ее окружавшую. Электростанция находилась рядом с нами, и жители нашей Татарской улицы по колено в воде собирали в ведра этот шлак. Постепенно и мы с Женей стали так делать: шлак шел на растопку.

Трудно было и с водой. Водопровод у нас в доме отсутствовал, а колонка находилась примерно в полукилометре от нас. Носить ведра коромыслом мы не умели, таскать их в руках, особенно зимой в мороз и скользкоту было очень тяжело. Но мы с Женей приносили по четыре ведра.

Пилить и колоть дрова приходилось самим. Нанять кого-нибудь для этого было очень сложно и дорого. Глядя на распиленные и расколотые жердины, а иногда и большие бревна, добытые с таким трудом, не верилось, что это дело наших с Женей рук. Сначала пилю то и дело заклинивало, она переставала ходить, топор застревал в чурбаке, но постепенно я научилась делать и то и другое и даже испытывала некоторое удовольствие, когда под ударом топора весело разлетались поленья.

В общем, весь день занимала работа. Мы с Женей уходили рано утром, в восемь часов. Я возвращалась часа в три, а она – часов в пять. Потом надо было принести воду, разжечь печку, иногда постирать. Вечером нас ждал скудный ужин, после чего я укладывала Лешеньку спать, а потом сидела над книгами с коптилкой, готовилась к занятиям. Радостей в той жизни бывало мало, и то по большей части это были совсем мелкие радости: вдруг в Комитете выдали что-то сверх обычной еды, или в школе, в буфете, можно было взять домой мисочку винегрета либо овощного рагу, или Лешеньку на месяц прикрепили к детской диетической столовой, где кормили поприличнее.

А больших радостей: писем дорогих людей, побед на фронте зимой и летом 1942 года – набиралось и того меньше. Шли тяжелые бои под Ржевом, немцы все еще держали фронт вблизи Москвы, Ленинград умирал с голоду, а весной началось победоносное немецкое наступление на Северный Кавказ, на Дон и на Волгу. Что в сравнении с этим представляли собой наши повседневные житейские заботы и трудности! Они меркли перед тем, что можно было понять по сухим и не очень информативным сводкам Совинформбюро. Преследовало ежеминутное чувство, что вот сейчас там, в страшных сражениях, в огне и в дыму умирают люди, защищая нас, укрывшихся далеко в Сибири. Чувство страха за них и благодарности им заполняло сердце, душило слезами. Темные тучи снова сгушались вокруг нас, грозили новыми бедами. Летом 1942 года, когда начались страшные бои за Сталинград и когда казалось, что вот-вот он падет, вернулось чувство безнадежности и отчаяния

1941 года. Глухая, молчаливая тоска угнездилась в душе. Не знаю, все ли чувствовали так, но я ощущала это бесперывно.

И все же даже в эти тяжелые, пропахшие пылью Сталинградских степей дни было легче, чем в 1937 и 1938 годах. Казалось, что перед этим горем все равны (теперь мы знаем из литературы, что дело обстояло не совсем так: оставались подозрения, спецотделы, доносы, заградотряды, плохое снабжение армии). И такая общность снимала деление на «чистых» и «нечистых», на «врагов народа» и обычных людей. Это скреплялось тем, что многие крупные военачальники вышли из репрессированных в 1937–1939 годах. Хотелось верить, что с этим покончено, что война и героическая оборона списали все, что было в прошлом.

И странно сегодня думать, что мы не задавали себе вопросов, как это получилось, что немцы вновь оказались в глубине России, теперь уже около Волги и в предгорьях Кавказа. Кто в этом виноват? Ведь всех «врагов народа» задолго до начала войны выловили и обезвредили!

Лето 1942 года снова было мучительно тяжелым. Жар Сталинградской битвы, казалось, доносился в наш северный Томск. Газетные сводки, при всей их скудости, дышали тревогой. Тревожными были и письма Эльбруса из Москвы и Евгения Алексеевича из Ташкента. Чтобы уйти от тоски этих дней, я старалась занять их до отказа. Евгений Алексеевич советовал мне заканчивать диссертацию, сделать ее из большого доклада, написанного мною накануне войны в семинаре по историографии, который он вел тогда на истфаке. Доклад был большой, интересный, о знаменитом английском историке, публицисте и мыслителе Томасе Карлейле, авторе сложном и противоречивом. Материалы и текст доклада, остававшиеся дома, Эльбрус прислал мне еще ранней весной со своим начальником Беспаловым. И я стала вечерами заниматься: ходила в университетскую библиотеку, светлую, уютную, тихую, сохранившую атмосферу мирных дней. Там, было, о чудо, достаточно тепло даже в холодные зимние вечера. Придя из школы и сделав все домашние дела, я часов в шесть отправлялась в этот тихий рай и сидела там до закрытия, часов до одиннадцати. В этой богатой дореволюционной литературой библиотеке нашлись все произведения Карлейля на английском языке и в переводах, нужная литература о нем. Дело пошло быстро. Я дополняла и перерабатывала первоначальный текст, и эти часы были для меня моментами счастья, ухода от тягот

повседневной жизни и ужаса гремевшей на Волге войны. Когда, возвращаясь домой поздно вечером, я по высокой лестнице спускалась с главной улицы – проспекта Ленина – на нашу неосвещенную Татарскую улицу, в низких домишках которой были уже закрыты ставни, душа моя трепетала от страха. Иногда на всем пути не встречалось ни единого человека, только снег на морозе скрипел под моими валенками, и мне казалось, что кто-то идет за мной по пятам. Путь был не близок, около получаса, и когда я заходила во двор нашего дома и стучала в освещенное коптилкой окно, каждый раз я испытывала радость благополучного возвращения. Правда, надо было миновать еще темные сени, куда выходила наша дверь. Чудилось, будто кто-то затаился там во тьме и поджидает меня, но изнутри открывалась дверь, и я при свете коптилки входила в наши «чертоги».

Страхи мои, однако, оказались напрасны. В Томске в эти лихие годы было тихо, мы не слышали о грабежах и насилиях. То ли строги были законы военного времени, то ли все молодые и здоровые мужики воевали на фронте, то ли все жили общей бедой, но мои ежевечерние походы сходили благополучно. К весне я набрала весь нужный мне материал. К тому же мне, как учителю, дали «лимит» на электричество и включили свет, так что стало возможным работать и дома. Часто засиживалась допоздна, так как весной и летом приходилось заниматься еще и огородом: в Комитете по делам искусств выделили сотку земли для посадки картофеля и я сама вскопала ее и посадила мелкий семенной картофель, чтобы иметь какое-то подспорье на зиму. На огород надо было ходить каждую неделю: то копать, то сажать, то окучивать, то полоть, и по субботам с тямкой и лопатой на плече мы с Лешенькой, шагавшим со мною рядом, отправлялись за город. Путь туда пролегал через весь Томск, но как хорошо в дни поздней осени и лета было в поле вдаль от городской суеты. Чистый воздух, напоенный ароматами трав, закатное небо, освещавшее землю косыми розовыми лучами... Поработав, я садилась на траву и мы с Лешенькой ели возле своей сотки взятый с собой хлеб, вареную картошку, иногда яичко. Когда мы шли домой, солнце обычно уже садилось, на бледном северном небе серпом или полная всходила луна и мы тихо возвращались по пыльным улицам, усталые, но освеженные чистым воздухом полей.

А Сталинградская битва все грохотала. Я часто выходила к реке, сидела на ее низком зеленом берегу, а мысли мои уносились дале-

ко, к берегам Волги, в голове складывались неумелые, но искренние стихи.

По воскресеньям совершались походы на барахолку. Обычно туда отправлялись мы с Женей. Помню, раз Эльбрус прислал мне где-то раздобытую для продажи бурку. Выйдя на толкучку, я для рекламы накинула ее на плечи, держа в руках другие свои товары. Мой вид вызывал всеобщее веселье и шутки, и в конце концов я продала свою «шкуру» за хорошие деньги.

При всех трудностях жить все же было интересно, и облегчало тяготы то, что, в общем, и в школе, и в библиотеке, и дома, и во дворе все относились к нам хорошо, по-человечески, потому, может быть, что видели: нам живется так же трудно, как и им.

В нашем большом двухэтажном доме жил старик благообразного, интеллигентного вида, в пенсне, очень бедно, но всегда аккуратно одетый. Его звали Александр Александрович, как он представился нам вскоре после нашего приезда. Он неизменно раскланивался со всеми нами при встрече, а потом иногда даже заходил потолковать о газетных новостях. Лишь спустя некоторое время мы узнали, что до революции это был крупный чиновник, чуть ли не томский губернатор, что дом, в котором мы живем, когда-то принадлежал ему, а теперь они со старухой женой перебиваются на его мизерную пенсию советского служащего.

Как он уцелел среди событий революции и гражданской войны – не знаю, кажется, отсидел какой-то срок, а потом за старостью был забыт. Во всем его поведении ощущались терзавшие его противоречивые чувства. С одной стороны, он ненавидел советскую власть, говорил обо всем порожденном ею с сарказмом и раздражением, но с другой – его безмерно волновали события в Сталинграде, он жаждал победы наших войск, переходя от уверенности в ней к глухому отчаянию, как и все. Потребность выговориться и толкала его к нам, так как он видел, что с нами не опасно говорить откровенно.

В начале лета Женечка уехала на месяц в Алма-Ату, где Николай, служивший в саперных войсках, проходил переподготовку. Я же, пользуясь школьными каникулами, завершала свою будущую диссертацию. Работа облегчала жизнь, хоть на время заставляла отступать мрачные мысли. К осени она была в основном готова, и я отнесла ее А.И. Неусыхину, как своему будущему оппоненту. Он

жил в большой комнате с женой Маргаритой Николаевной и дочкой Леной. Жила с ним и мать, которая тяжело болела в это время и вскоре умерла. Приходя к нему на консультации, я слышала доносившиеся из-за занавески ее тяжелые стоны. Она, видимо, была уже не в полном сознании, и все время звала его: «Шура! Шура!». Александр Иосифович очень страдал. Несколько раз я видела на его глазах слезы. Он любил мать. Вскоре после ее смерти переехал в Свердловск, где в это время, к счастью, оказался, вернее собрался, весь университет, часть которого ранее оставалась в Ашхабаде. К счастью потому, что иначе во время страшного ашхабадского землетрясения 1943 года там помимо всякой войны могла погибнуть вся наша профессура. Собираясь уезжать из Томска, Неусыхин предложил мою кандидатуру взамен себя для преподавания в университете. И с сентября 1942 года я получила полставки на историко-филологическом факультете, сначала совмещая эти занятия со школьными, но потом оставив школу, так как приходилось очень много готовиться к семинарам.

В университете я сразу обрела новых знакомых, более близких мне по интересам. Деканом факультета была Зоя Яковлевна Бояршинова, тогда еще молодая женщина, впоследствии один из ведущих историков Томского университета, специалист по истории России. Она отнеслась ко мне сначала не с очень большим доверием, по молодости моих лет и отсутствию у меня степени. Но затем мои семинары, а потом и лекции успокоили ее. И она, в общем, стала относиться ко мне вполне прилично. Мне же очень понравилось мое новое амплуа, занимаясь со студентами, я отдавала им много сил и внимания, хотя в аудиториях стоял холод (в отличие от школ, там не топили) и с учебными пособиями было трудно. Но молодость, вера в свои силы, увлечение делом заражали моих слушателей, которые тоже занимались с удовольствием. Работая в университете, я познакомилась с профессором Гриневичем, местным крупным специалистом по истории античности, очень образованным человеком старого профессорского закала, довольно ехидным и скептически настроенным.

Ближе познакомилась я также с Самариним и Белецким, видясь с ними и в университете. Там же я встретила эвакуированную ленинградку Дору Рабинович (по мужу Казачкову), которая преподавала историю СССР. Это была молодая, моего возраста женщина,

веселая, не то чтобы очень красивая, но весьма привлекательная, умелая и, в отличие от меня, практичная, наставлявшая меня в житейских делах. У нас нашлись общие интересы и некоторые знакомые. Весной и летом мы часто гуляли с ней по городу, беседовали на разные темы, и, таким образом, у меня появилась новая приятельница.

Работая в университете, я решила там защищать свою диссертацию о Карлейле. А.И. Неусыхин в целом оценил ее неплохо. Уезжая, он оставил письменный отзыв на нее (тогда позволяли защищаться с одним письменным отзывом). Вторым оппонентом назначили Фаину Ароновну Хейфец, преподававшую одно время в МГУ, тоже эвакуированную в Томск и работавшую там в университете преподавателем новой истории. Она была очень знающим историком и милым человеком. Диссертация ей также понравилась.

Защита моя 2 ноября 1942 года прошла благополучно, если учесть, что состоялась она на общем совете не историко-филологического факультета, а всего университета, где в то время тон задавали ученые-естественники, весьма скептически относившиеся к истории. Особенно враждебен ей был известный в Томске (и не только там) профессор Кузнецов, крупный химик, глава целой школы, пользовавшийся в университете непререкаемым авторитетом. К тому же я была не из Томска, эвакуированная, что тоже могло дать мне несколько голосов против. Однако, к чести Томского университетского Совета, все эти побочные соображения не сыграли в его решении особой роли. Я получила несколько голосов против, но в целом прошла успешно. И даже старый Кузнецов проголосовал «за». Большое значение тут имели и удачные выступления оппонентов (А.И. Неусыхина – заочно), и мой удачный ответ и, может быть, само имя Карлейля, которое в этом старом, культурном городе знали многие. Меня все поздравляли, я стояла смущенная и счастливая, гордая этим первым самостоятельным успехом. После окончания защиты я поспешила домой, где уже готовился «праздничный вечер» за нашим длинным столом. Я привела с собой моих сострадателей во время этой процедуры: проф. Гриневича, Ф.А. Хейфец, А.И. Белецкого, его сына Андрея, Р.М. Самарина, Дору. Дома к ним присоединились мама с Лешенькой, Изочка и Женя. Праздник предполагался скромный: бу-

тылка водки на всех, вареная картошка с маслом и селедкой, дрожжевой паштет, который умела делать Иза, и даже пирожки с капустой, испеченные в нашей печке. По тем временам, однако, это выглядело неплохо – свет горел, в комнате было тепло. Все веселились, поздравляли меня, вспоминали подробности моего диспута и, конечно, пили за благополучный исход Сталинградской битвы, которая все длилась и длилась. Но хорошо уже было то, что Сталинград еще сопротивлялся; это вселяло какие-то смутные надежды на поворот в войне.

Когда гости разошлись и мы убрали со стола, я написала письмо Евгению Алексеевичу о своем успехе и подготовила телеграмму Эльбрусу. Так в памятном 1942 году я стала кандидатом исторических наук и чувствовала удовлетворение, что сумела подготовить работу в таких трудных, мучительных условиях. Это казалось мне гарантией моих будущих научных успехов и позднее дало некоторые преимущества в дальнейшем устройстве своей судьбы, но тогда в Томске принесло только ежемесячный паек, что, впрочем, в тех условиях было все же неплохо, особенно потому, что в нем давали масло, сахар, муку, столь необходимые Лешеньке и маме. Оба они все время были голодны, очень исхудали. Мама молчала, а Леша просил есть и говорил: «Мама, намажь мне хлебца гладенько-гладенько». Это значило, как следует намазать масло. Теперь я могла хоть в небольшой степени удовлетворить мольбы моего малыша. Зарплата моя, составлявшая половину ассистентской ставки, была 400 руб. Эльбрус присылал половину своей зарплаты, а иногда и больше, но это все утекало на невероятно дорогой рынок. Тем временем еще до защиты, после отъезда Неусыхина, остался без преподавателя и Томский пединститут. И мне предложили пойти туда на полную ставку. Я согласилась. Нагрузка получилась большая. Приходилось читать много лекций – для очников и заочников, вести практикумы. Для меня, начинающего преподавателя, которому приходилось много готовиться к каждому занятию, это было трудно. Но хуже всего оказалось то, что занятия велись в небольшом двухэтажном бревенчатом доме, совсем не отапливаемом, где стояла минусовая, до десяти-пятнадцати градусов, температура и где профессоры и студенты сидели в пальто, шапках, перчатках, а изо рта говоривших шел пар. И все-таки мы занимались наперекор

всему. Не могу без улыбки вспоминать, как еженедельно в этом оледенелом помещении, на узкой лестнице, я, закутанная в платок поверх шубы и шапки, встречала Романа Михайловича Самарина, одетого примерно в том же роде. Однако он неизменно останавливался со мной на лестнице, чтобы поздороваться, при этом отгибая правый край моей варежки и целовал руку. Этот ритуал из далекого мирного прошлого очень меня смешил и трогал по-своему, как напоминание о чем-то давно и, как мне казалось, невовратно минувшем.

<...>

*Пережитое. М.: Российская политическая энциклопедия
(РОССПЭН), 2001. С. 213–228.*

М.П. Евсеев

ВСПОМИНАЯ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИСТФАКА

Моя учеба на истфаке ТГУ началась в 1940 г. Как закончивший среднюю школу с аттестатом отличника (г. Алдан ЯАССР), я был зачислен на первый курс без вступительных экзаменов и, таким образом, оказался в первом наборе нового факультета (закончил же университет во втором выпуске историков – по причине участия в войне). Нашим деканом сначала был Георгий Васильевич Васильев, а когда его призвали в Армию, его на этом посту сменила Зоя Яковлевна Бояршинова. Сейчас ее уже нет с нами, но факультет хорошо помнит ее, отмечая ее юбилейные даты, чтит ее как талантливого организатора, ученого и педагога, доктора исторических наук, профессора. О личной жизни, быте и других подробностях судьбы З.Я., видимо, лучше всего могут поведать родственники ее – семья Чалдашевых.

Как мы учились на первом курсе, какой была общая атмосфера жизни факультета – об этом в моей памяти сохранились весьма скудные сведения (дневников я не вел). Пожалуй, самое яркое впечатление – это участие в студенческом научном кружке археологии и этнографии, которым руководил обаятельный профессор К.Э. Гриневич.

Вот передо мной фотоснимок зимы 1940–1941 г. На нем запечатлены члены этого кружка. Смотрю и восхищаюсь: сфотографировались почти все, и – «как молоды мы были, как верили в себя»! В центре группы – наш руководитель, известный советский археолог, лично участвовавший в раскопках Херсонеса Таврического,

профессор К.Э. Гриневич – пользовался любовью и уважением своих питомцев. Он свободно и красочно читал лекции, иллюстрируя их на экране увеличенными репродукциями памятников искусства и архитектуры. На его лекциях нередко присутствовали студенты других курсов и факультетов. Археологическим кружком профессор руководил довольно демократично: не возражал, если кто-то из кружковцев просил сменить тему доклада, охотно встречался с нами так сказать «в рабочем порядке», – до общего заседания интересовался ходом работы, советовал как лучше ее организовать, преодолеть трудности и т.п.

Наш кружок базировался в музее материальной культуры ТГУ. На ярусах и стеллажах высокого помещения размещались – чаще всего без должного порядка и какой-либо системы – материалы археологических раскопок, документы и записи этнографических наблюдений, дневники экспедиций и т.п. Сейчас я уже не помню, какие темы разрабатывали отдельные кружковцы (возможно, такие данные сохранились в архиве). Мы с приятелем – Леной Науменко – разбирали сваленные в ящиках, а потом изучали археологические материалы по Урянхайскому краю (Южная Сибирь), а также дневниковые записи участников экспедиций, в частности А.В. Адрианова. Доклада по этой теме нам завершить не удалось – отчасти из-за напряженных учебных занятий, отчасти по причине начала войны.

В археологическом кружке на первом курсе числилось около 30 человек. Смотрю на фотоснимок и даже не могу вспомнить имена некоторых товарищей. Тем более, мало что знаю о дальнейшей судьбе их. Во втором ряду стоят слева направо: Бессонов А.Д., Баталин А.И. (потом погиб на войне), Герасимов М., Бехтерев М., Чуркина М.И. (живет в г. Пушкине Ленинградской области), Наумова Г.П., Флеров В.С. (впоследствии доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Истории КПСС ТГУ, скончался в Ярославле), Алексеенкова А.И. (в замужестве Попова, умерла в Томске), Наволенак И.И., Веселовский Г.А. В первом ряду: Науменко А.П. (впоследствии работал зам. директора ЦГИАЛ, умер в г. Пушкине), Евсеев М.П., Бояринцева А.А., Гриневич К.Э., Вылевко Г.И. (доктор исторических наук, профессор Пелих Г.И. – ТГУ), Бельтюкова Е.П. (доцент ТПИ, сейчас на пенсии), Денисова Е. (на пенсии), Тютюков В.Н. К этому же набору относится ныне здравствующая Г.П. Осокина (в девичестве Борисанова, ее нет на

фото). Она много и успешно трудилась на посту проректора ТГУ по заочному обучению. Сейчас находится на заслуженном отдыхе.

22 июня 1941 г. в корне изменило атмосферу и строй жизни в университете и на факультете. Наступил период исключительных трудностей. Началась мобилизация сил и средств под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». Всерьез обсуждался вопрос о закрытии Томского университета – этого удалось избежать. Но учебные занятия удалось вывести из университетских корпусов. В главном корпусе разместился эвакуированный завод оптических приборов. А в БИНе (3-й учебный корпус) и Пятихатке (общежитие на Никитина, 4) – военные эвакуогоспитали. Учебные занятия проводились во многих разбросанных по городу, малоприспособленных помещениях. Функции основного корпуса принял на себя корпус СФТИ – в его первой аудитории читались поточные лекции, и не только по физике, но и по общественным наукам, проводились общественные мероприятия (заседания, сборы и т.д.). Студенты, жившие по общежитиям, были расселены по частным квартирам местных жителей. Работа по освобождению зданий университета шла аварийно – днем и ночью перевозилось оборудование лабораторий, музеев, экспонатов гербария. Удалось сохранить статус и помещение Научной библиотеки ТГУ.

Истфак в этих условиях частично занимался сначала – в Доме ученых, а потом – в городском доме Политпросвещения (Кооперативная, 5). Из-за нехватки тепла и освещения в помещениях зимой было неуютно. Некоторые занятия срывались – по уважительным причинам. Ряды студентов заметно поредели: часть юношей ушла в Армию, кое-кто из девушек уехал поближе к родне. Однако, несмотря на все тяготы, учебный процесс продолжался, студенты сдавали положенные экзамены и зачеты, хотя и без гарантии получить высшие оценки. Значительными стали отвлечения студентов на хозработы. «Наряду с учебой, – говорится в книге «100 лет экономическому образованию и науке Сибири» (Томск, 1998, с. 67), – студенты выполняли целый ряд довольно трудных работ». На их плечах лежало обеспечение учебных помещений, общежитий, столовой топливом. Обязательным было участие в сельхозработах как в колхозах области, так и в подсобном хозяйстве университета (в деревнях Бобровка, Кониново. – *М. Е.*). Часто проводились субботники и воскресники, организуемые городскими властями для ускоренного строительства корпусов эвакуированных фабрик и заводов,

железнодорожных и трамвайных подъездных путей и т.д. Да, были отдельные случаи, когда студенты пытались избежать этих работ, «сачковали», прикрываясь медсправками. Но в массе своей студенчество выполняло свой долг, понимало насущность и экстренность хозяйственных дел, отвлечений, и своим патриотическим участием в них вписало яркую страницу в историю Томска по подготовке Победы.

Мне вместе с группой ребят от разных факультетов довелось состоять в бригаде литейщиков, которая работала на ТЭМЗе. Приняв у вагранки ковш с расплавленным металлом, мы разливали его в цехах для производства заготовок для мин. В летние месяцы формировались бригады грузчиков для разгрузки паузков с мукой. Эта работа оплачивалась натурой, и мы, грузчики, получали весомый добавок к студенческому рациону, оказывали помощь своим товарищам, не попавшим на «хлебный» заработок.

После сказанного, казалось бы, у студентов в военные годы не оставалось ни сил, ни времени для увлечений (хобби, как говорят теперь). На самом деле, и для этого находили место. В выходные и праздничные дни в общежитии устраивались вечеринки с танцами, а когда отключали свет, студенты собирались в какой-либо комнате, побольше, и в темноте, не стесняясь, распевали всевозможные песни – и новые фронтовые, и современные и старинные. Это сближало юношей и девушек разных курсов и факультетов (в результате возникали иногда и студенческие семьи). Кроме вечеров отдыха, практиковались спортивные игры и соревнования, и, конечно же, игра в карты (преферанс, кинг и т.д.). На истфилфаке любили шахматы, шашки, не меньше – домино. На уровне университета формировались сборные команды – по легкой атлетике, волейболу, зимой – по лыжам. До призыва в Армию, мне довелось состоять в лыжной команде, участвовать в лыжных гонках разного масштаба. Питание в то время резко ухудшилось, и нас перед соревнованиями откармливали обычно перловой кашей. Не помню, какие призы тогда завоевывали лыжники, но они были и не раз. Об этом подробнее может рассказать профессор ФТФ ТГУ Татьяна Миновна Платова. Она участвовала в женской лыжной команде, хранит фотографии тех лет.

Затяжная разрушительная война, принесяшая нашему народу неисчислимые бедствия и потери, в том числе и жителей глубокого тыла, в одном отношении обернулась благом для студенчества

Томска. Дело в том, что из западных районов были эвакуированы на Восток страны не только специалисты фабрик и заводов, но и видные ученые – представители академий и вузов. И здесь, у нас, они стали работать преподавателями, так что мы, студенты далекой периферии, получили счастливую возможность учиться у них – слушать блестящие лекции, участвовать в творческих семинарах, выполнять под их руководством оригинальные курсовые и дипломные работы. Среди прибывших в Томск и преподававших на ИФФ, мне с особой теплотой и благодарностью хочется вспомнить академика Укр. АН Белецкого А.И., вдохновенно читавшего нам курс русской литературы, москвичей – профессора, медиевиста Неусыхина А.И., филолога Самарина А.М., русиста, ленинградца Сорокина Ю.С., профессора новой истории Хейфец Ф.А. и др. Фаина Ароновна читала великолепные курсы по истории Французской революции, Ю.С. Сорокин курировал факультетскую стенгазету и я, как член ее редколлегии, многое почерпнул у него в плане редактирования заметок, умения добиваться краткости, емкости, преодоления пустословия и т.д.

Очень важную роль в моем формировании как будущего вузовского преподавателя и исследователя, несомненно, сыграл тогда А.И. Неусыхин (в свое время являвшийся учителем А.И. Данилова – ректора ТГУ и министра РСФСР). Под его научным руководством я выполнил курсовую работу и научный доклад по Салической правде (*Lex Salica*), оцененной им «отлично». Профессор постоянно предостерегал меня от ершистости, категоричности в научной полемике (называя такую манеру «фельетонным стилем»), требовал, чтобы каждое выдвинутое положение было веско аргументировано, – и логически и фактически, – чтобы к оппонентам относиться уважительно, избегая унижительных ярлыков, крепких слов. Эти и другие замечания мне очень пригодились в дальнейшем, я их помню всю жизнь.

Воспоминания мои об истфаке периода лихолетья не являются ни полными, ни отчетливыми. Причина в том, что после призыва в Армию весной 1943 г. и до 1 сентября 1944 г. меня в Томске не было. За указанные примерно 1,5 года я успел поучиться в Белоцерковском в/п училище (Юрга). Участвовал в боях ВОВ (под Полтавой), был тяжело ранен и отлежался в госпиталях. Вернувшись в университет инвалидом и испытывая ограничения в передвижении

и общении, я неизбежно что-то упускал из виду в жизни города, вуза, факультета.

Последние два года моего обучения на ИФФ пришлось как раз на конец войны и переход к мирной жизни (сент. 1944 – май 1946 г.). Материальные лишения оставались крайне серьезными: скудные продукты по карточкам, основное питание – картошка и селедка, одежда – обноски (в том числе американская помощь в виде second-hand). Меня отчасти выручала сталинская стипендия, назначенная за отличную учебу и общественную активность. Учебные помещения университета еще несли на себе следы не благоустроенности после освобождения их от расквартированных завода и госпиталя. Но жизнь шла своим чередом. Коллектив ИФФ обжился на прежнем месте (в БИНе), студенты вернулись в Пятихатку. Формировалась учебная библиотека факультета. В учебных планах и графиках происходили изменения, вызванные малообоснованным переходом с 5-летнего на 4-летний срок обучения. Эвакуированные преподаватели возвращались в родные вузы. Налаживалась работа общественных организаций. Новое время – новые песни. Что-то в этой работе менялось, но опыт, например, накопленный факультетской комсомольской организацией и комсоргом Катей Бельтюковой, в чем-то оставался полезным.

На последних курсах окончательно определилась моя учебная и научная специализация – экономическая история и история экономической мысли России. В рамках ее, в известной мере, я писал дипломную работу – о книге Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов», ставшую потом разделом кандидатской диссертации. Избранная специализация, по-видимому, сыграла основную роль в том, что зав. кафедры политэкономии П.И. Скороспелова сначала привлекла меня, пятикурсника, к преподаванию политической экономии в Томской областной партийной школе (в 1946 г.), а потом, при распределении выпускников – предложила мне должность ассистента на своей кафедре. Так получилось, что я с первого июля 1946 г. по сие время состою в штате этой кафедры, пройдя здесь обычные ступени научно-педагогического роста кандидата и доктора экономических наук, старшего преподавателя, доцента и профессора, заслуженного экономиста РСФСР.

В предлагаемых заметках, как видно, не содержится сведений о духовной жизни истфака, нет оценки тогдашних учебных планов и пособий, идейно-политического содержания учебных курсов, как

нет и характеристики той общественно-политической атмосферы, которая была присуща периоду сталинизма и которая «водила пером» и преследовала и исследователя истории. Но это – особая, огромная тема, она не терпит легковесного, кавалерийского наскока. Вопрос в том, что из старых оценок сохраняет значение, а что – устарело и должно быть пересмотрено и отброшено, – обнаруживается едва ли не в любой теме исторического и экономического курса. Да, историки – не только летописцы, они вынуждены нередко быть и летописцами. Такова наша участь. Но об этом должен состояться отдельный, обстоятельный разговор.

01.IX.99.

Архив Музея истории ТГУ. Подлинник. Рукопись.

М.М. Молчанова

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Когда началась война, мне было 14 лет. Я окончила 8-й класс средней школы № 6 г. Томска. О начале войны узнала от учащегося 9-й школы Бориса Бейлина, который пришел к нам во второй половине дня 22 июня 1941 г. (в 1942 г. он поступил на литературное отделение, во французскую группу, историко-филологического факультета ТГУ, но вскоре ушел на фронт и погиб).

Он рассказал нам о том, что слушал выступление В.М. Молотова по радио о вероломном нападении гитлеровской Германии в 4 часа утра на Советский Союз и что на площади Революции был многолюдный митинг.

Борис был на митинге. Возмущению народа не было предела. Было очень много тех, кто выступил. Все выражали уверенность в том, что война будет кратковременной. Многие здесь же записывались добровольцами на фронт. Из известных нам лиц на митинге выступали профессор В.Н. Кессенних, Г.А. Ельцов (будущий директор телевидения).

Каждый день по радио объявляли, какой год рождения и когда призывается. Обстановка в городе была тревожной. Вскоре не стало освещения, начались перебои с продуктами. Хлеб отпускали сначала по спискам, потом ввели карточки: рабочие получали 800 г, иждивенцы – 400, а служащие – 500. Столовые в городе работали, но очереди в них были огромные. Очень сильно выросли цены на рынке.

У нас дома на стене висела карта СССР, каждый день я и мой отец, Михаил Игнатьевич Молчанов, отмечали на ней продвижение наших и немецких войск. Сведения мы брали из сообщений по радио или из сводок, вывешивавшихся у типографии (ул. Советская), которые печатались на тонкой коричневой бумаге. Там всегда толпились люди, получая оперативные сведения с фронта.

Месяцы шли, война затягивалась. Несколько девушек из нашей школы ушли связистками на фронт. Среди них помню Нину Окуневу и Зою Мошкарину. Они прошли всю войну и вернулись в родной город.

Изменилась и жизнь детей. Уже летом 1941 г. часть школьников была отправлена на сельскохозяйственные работы в колхоз. А осенью почти все школьники убирали картошку «Томторга» за рекой.

С конца июля 1941 г. в город стали прибывать эвакуированные из западных областей. В Томске разместились госпитали, промышленные предприятия, организации и учреждения культуры, перебазированные в Сибирь из европейской части. Мы ежедневно видели, как то или иное помещение занимали эвакуированные. Так, госпитали для раненых разместили в помещениях медицинского института, в общежитиях университета, БИНе, ТЭМИИТе, на Клиническом переулке, в старом корпусе политехнического института.

В университете и общежитии ТЭМИИТа был размещен Загорский оптико-механический завод, на ул. Учебной – завод «Фрезер» из Москвы, на Томском электромеханическом заводе (ТЭМЗ) – завод «Пневматик» из Ленинграда. В Томск были также эвакуированы заводы шарикоподшипниковый, резиновой обуви из Москвы, фабрика письменных принадлежностей «Спартак», которая разместилась на Томской карандашной фабрике.

Из научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений в Томск были эвакуированы Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), электротехническая академия связи из Ленинграда (ВЭТА), театральный институт. Комитет по делам высшей школы (ВКВШ), прибывший из Москвы, разместили в Доме ученых. Московский транспортный институт (МЭИИТ) расположился в деревянном здании на пр. Фрунзе, Комитет искусств помещался в нижнем гастрономе.

Из военных училищ в Томск были эвакуированы Тульское оружейно-техническое, Ленинградское зенитное (помещалось в глав-

ном корпусе политехнического института), Белоцерковское и Днепрпетровское.

С началом войны некоторые школьники прекратили учиться и начали работать. Осенью я пошла в девятый класс, но занятия вскоре прекратились. Школа по неизвестным причинам была закрыта на десять дней. Школу вскоре открыли, но некоторые ученики на занятия так больше и не вернулись. Это было, кажется, в период наступления наших войск под Москвой.

Мне тоже пришлось уйти из школы и поступить в учебный комбинат, в котором можно было получить аттестат зрелости. Одновременно я устроилась работать на ТЭМЗ. К тому времени мой отец был мобилизован и нам с братом Геннадием, студентом транспортного института, жить стало нечем. На заводе я была табельщиком литейного цеха (ежедневно открывала и закрывала табельную доску, вела табель). Кроме этого, помогала бухгалтеру литейного цеха, подсчитывала наряды рабочих на выполненную работу. Когда я работала на ТЭМЗе, в наш город прибыли ленинградцы вместе с заводом «Пневматик». Многие были сильно истощены, для них организовали усиленное питание.

Случалось, что когда на завод поступал срочный заказ, то рабочих для его выполнения оставляли работать не одну смену. Немного вздремнув, многие продолжали работать и не выходили с завода несколько дней подряд.

На заводе работали главным образом женщины (шишельницами, формовщицами). Из мужчин работали в основном те, кто не подлежал по разным причинам призыву в армию: пожилые, больные, имеющие бронь. Помню литейщика Сваровского и формовщика Сурина. В цех часто приходил инженер из политехнического института Шкroeв. Начальником цеха был В.Н. Николаев, который позднее работал главным инженером ТЭМЗа.

В нашем литейном цехе работала группа студентов из университета и политехнического института литейщиками-кокельщиками (мелкое цветное литье). Из студентов университета мне запомнились студенты-историки: М. Евсеев, Зайцевский. Позднее они были призваны в армию. Зайцевский погиб. М.П. Евсеев после ранения вернулся на факультет. По окончании учебы его оставили на преподавательской работе в университете. Было в нашем литейном цехе и несколько ремесленников 11–12 лет. За хорошую работу в

качестве премии выдавали талоны, по которым можно было получить тарелку галушек.

К осени 1942 г. я получила аттестат зрелости и поступила на литературное отделение историко-филологического факультета. На факультете было три курса. Организованный в 1940 г., факультет работал третий год. В его составе было два отделения: историческое и литературное. Историческое отделение к тому времени работало третий год, литературное – второй. На четвертом курсе было только 2 студентки: Валя Минаева и Тамара Фомина, эвакуированные из западных районов страны. Валя Минаева была с классического отделения Ленинградского университета, а Тамара Фомина из Рижского университета. Валя Минаева после окончания университета поступила в аспирантуру по древней истории и вышла замуж за профессора-археолога К.Э. Гриневича. После войны они уехали в Харьков.

В 1942 г. на историческом факультете было открыто отделение классической филологии. На первом курсе среди студентов было много из эвакуированных. С освобождением занятых немцами территорий они уезжали, многие бросали учиться, так как испытывали материальные трудности. Некоторые студенты перешли на другие специальности, так как им казалось, что классическая филология не очень нужная специальность.

В годы войны на факультете работало много эвакуированных специалистов: академик А.И. Белецкий, профессора П.И. Каган и Ф.А. Хейфец, доценты А.А. Белецкий, В.Ю. Гессен и др. Многие курсы читались одновременно историкам и литераторам. Только историкам поменьше читали литературы, а литераторам – истории. Народное творчество читала Вера Николаевна Наумова-Широких (директор библиотеки в 1922–1929, 1932–1937, 1942–1955 гг.).

Она знакомила нас с Научной библиотекой, водила на экскурсию в отдел редких книг, показывала читальные залы, рассказывала историю формирования книжных фондов. Первая встреча с библиотекой осталась незабываемой. Поразили порядок и чистота в помещениях. Несмотря на холод и тесноту (оборудование и экспонаты многих музеев и кабинетов университета разместились на время войны в библиотеке), красивая мебель, люстры, украшения залов и, конечно же, книги в красивых кожаных переплетах с золотыми обрезками, большие картины – копии фресок одного из домов

города Геркуланума, о которых увлекательно рассказывала Вера Николаевна.

А.Л. Пинчук вел античную литературу, латинский и белорусский языки. Доцент Л.А. Чуич преподавала методику русского языка и вела сербский язык.

Перед окончанием университета слушала я лекции доцента П.В. Копнина, который читал историю философии, доцентов Н.Ф. Бабушкина и Н.А. Гуляева. Перед государственными экзаменами все писали диктант, если плохо напишешь, то к экзаменам не допускали. Кроме специальных курсов, мы изучали военное дело и медицину. Так как учебные корпуса университета были заняты заводами и военными госпиталями, то занятия со студентами проходили в различных помещениях города. Так, на первом курсе мы занимались в Доме партийного просвещения на пер. Кооперативном и в Доме ученых. Во втором семестре, когда Киевский военный госпиталь, директором которого была жена героя Гражданской войны Г. Котовского, уехал, мы занимались в общежитии на ул. Никитина, 4.

Во время учебы многократно участвовали в сельхозработах, в строительстве ГРЭС-II, промышленных предприятий, возили дрова из-за реки для отопления помещений университета. Сдавали кровь на станции переливания. Для этого очередь занимали с вечера. На первом курсе я, если не работала, сдавала кровь, пока врач не обратила внимания на мой возраст и сказала, чтобы я больше не приходила. Еще я работала контролером ОТК в сборочном цехе № 2 на ТЭМЗе. Было трудно. Каждую деталь приходилось просматривать и определять качество изготовления.

Днем – на занятиях, а вечером и в каникулы – на работе. Но успевали делать все. Учились многие только на «хорошо» и «отлично», несмотря на холод в аудиториях и бесконечное недоедание. На занятиях часто сидели в пальто, чернила замерзали в чернильницах, освещения не было.

Когда нас перевели на Никитина, 4, то там было тепло после госпиталя, нужно было снимать пальто, а это не всегда можно было сделать из-за отсутствия приличного платья. Чтобы пройти в Научную библиотеку, нужно было при входе снимать боты. Это тоже не всегда можно было сделать, так как вместо туфель в ботах находились одни каблуки. На Никитина, 4, в годы войны не только чита-

лись лекции, там размещались деканат и ректорат университета, было общежитие.

В городе очень трудно были с освещением. Во многих домах его просто не было. На Никитина, 4, освещение было, но так как студенты нелегально пользовались плитками и так называемыми жучками, то оказывалось, что к Новому году лимит электричества был израсходован, поэтому свет отключали. Приходилось пользоваться всякими фитильками.

В городе во время войны было холодно. В квартирах нечем было топить. Все деревянные заборы и тротуары были разобраны и сожжены. Люди подбирали кусочки угля, упавшие с железнодорожных платформ, на которых подвозили уголь на ТЭЦ-I по железной дороге, проложенной через город со станции Томск-II. Собирали шлак на отвалах ТЭЦ-I, на берегу Томи. Некоторые стирали белье в теплой воде, которая текла с электростанции.

Чтобы выжить, многие жители города высаживали картошку на свободных от застройки местах. Картофель выращивали, например, в Университетской роще, возле первой поликлиники, на пригорке напротив Главпочтамта и везде, где только можно.

Трудностей хватало разных, но мы, молодые, находили время даже ходить в театр. В город был эвакуирован Белорусский государственный академический театр им. Янки Купалы из Минска. С ним приехало много известных артистов: Рахленко, Платонов, Глебов, Жданович. На гастроли в Томск приезжали П. Кадочников, Н. Симонов (исполнитель роли Петра Первого в кино), И. Юрьева. В Томске гастролитовал и Новосибирский оперный театр. По субботам на Никитина, 4 устраивали танцы.

В 1941–1942 г. из-за большой скученности народа в городе возникла эпидемия сыпного тифа. Всех предупреждали, что нужно себя осматривать после посещения общественных мест. При выезде из города нужно было проходить санобработку. Билет на транспорт без наличия справки не продавали. Бани работали с 6 часов утра до 12 часов ночи. Билет в общую баню стоил 15 копеек. С мылом было очень плохо. Чтобы помыться, его можно было купить в бане за один рубль. Многие для мытья готовили щелок. Золу из печи заливали горячей водой и давали ей настояться. Затем щелок разводили водой и мылись или стирали в нем.

С середины апреля 1945 г. все жили ожиданием конца войны. Радостные вести о продвижении наших войск на Запад мы получа-

ли ежедневно. Многие эвакуированные предприятия и организации давно покинули Томск. И вот этот день настал! Ликованию не было предела. В городе был организован митинг, гремел салют, много народу на улицах, играла гармонь, пели песни и плакали. Это были слезы радости и горя, горя, которое забыть нельзя.

В 1948 г. я окончила университет, а с 1949 г. начала работать в учебной библиотеке историко-филологического факультета. С тех пор работа с книгой стала смыслом моей жизни. В 1967 г. заочно окончила библиотечный факультет Ленинградского института культуры. После объединения всех факультетских библиотек работаю в Научной библиотеке, вначале в гуманитарной библиотеке, что располагалась в главном корпусе, и одно время заведовала ею. С 1974 г. работаю в отделе научной обработки, с 1978 г. – главным библиотекарем, с 1980 г. – заведующей сектором, с 1992 г. – ведущим библиотекарем. Долгие годы возглавляла детскую комиссию профбюро библиотеки.

Являюсь заслуженным ветераном ТГУ. Награждена медалью «За заслуги перед Томским государственным университетом» (1998) и юбилейной медалью в честь 400-летия г. Томска «За заслуги перед городом» (2004). Имею также государственные награды: медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1992), «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (2005) и «Ветеран труда» (1980).

С верой в Победу!: Томский университет в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и воспоминаний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 127–130.

В.А. Соловьева, В.В. Палагина

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТУДЕНТОВ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВОЕННЫХ ЛЕТ**

К началу Великой Отечественной войны исторический факультет Томского университета, в 1940 г. вторично открытый, просуществовал почти год. Шла летняя экзаменационная сессия. Во время сдачи экзамена по истории Греции и Рима на факультете узнали о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз, экзамен был тут же прерван, все поспешили на площадь Революции на митинг.

Описать тот митинг трудно. Площадь и все подступы к ней были заполнены возбужденным народом. Гнев и возмущение слышались со всех сторон. Молодые парни кричали: «Даешь оружие!», «Где записаться на фронт?». Здесь же на митинге истфаковцы попрощались со своими студентами Вячеславом Тютюковым, председателем профбюро факультета, и Борисом Аргудяевым, членом партбюро университета. Записавшись добровольцами и не успев даже зайти на факультет, они отбыли на фронт и оба погибли.

В первые дни и месяцы добровольно или по призыву с факультета ушли на фронт почти все мужчины. Ушла добровольцем и Ольга Сакович – комсорг группы. Всего за три года войны с факультета ушли на фронт 31 студент. В начале июня был призван в армию декан исторического факультета, доцент Георгий Васильевич Васильев, приказом ректора должность декана была поручена Зое Яковлевне Бояршиновой. Секретарем деканата была Е.Ф. Матасова, впоследствии проработавшая на факультете на этой должности бессменно более 40 лет. Зоя Яковлевна трудилась на факуль-

тете почти полвека. Уже будучи доктором исторических наук, оглядываясь на пройденный трудовой путь, на протяжении которого она трижды избиралась деканом родного факультета, Зоя Яковлевна самым трудным и сложным называла первое деканство, которое пришлось на военные годы.

После окончания (уже в условиях войны) экзаменационной сессии и отправки студентов (теперь уже второго курса) в колхоз был объявлен и проведен набор 1941 г. Проходил он без вступительных экзаменов, причем уже на три отделения факультета – историческое, классической филологии, русского языка и литературы. С 1 сентября 1941 г. факультет официально был преобразован в историко-филологический (ИФФ).

Для вновь принятых студентов сентябрь 1941 г. начался с поездки в колхоз. Историки и филологи работали вместе со студентами спецфака и физмата в одном из колхозов Туганского района. Убирали и обмолачивали хлеб, теребили лен, которым были засеяны тогда огромные площади. Помнится, при молотье при подаче снопов неизменно стоял красивый парень высокого роста – спецфаковец Сергей Пелих. Из колхоза вернулись в то время, когда началось переселение университета из главного корпуса, переданного под военный завод, и из отданных под госпитали других зданий.

Под руководством профессора К.Э. Гриневича члены действовавшего до войны археологического кружка и только что зачисленные студенты-историки на руках, организованно и бережно перенесли все экспонаты музея материальной культуры из главного корпуса на хоры и в подсобные комнаты актового зала Научной библиотеки. А Зоя Яковлевна возглавляла группки студентов, переносивших через весь город факультетскую учебную библиотеку и другой инвентарь на Кооперативный, 5, в здание бывшего дома партпроса, где и проходили занятия факультета весь 1941/42 учебный год.

В конце октября – начале ноября 1941 г. в свободное от занятий время, а часто и совсем освобожденные от занятий, мы участвовали в строительстве южной железной дороги, от станции Томск-I, необходимой для перевозки станков эвакуированных в Томск заводов. Закрепленный за нами участок шел по улице Советской, Было дождливо и холодно, иногда уже летели снежинки. Обувь у иногородних студентов – в основном брезентовые туфли. Но работа не

прекращалась в любую погоду. Вместе со студентами всегда был декан. Были уже введены карточки на хлеб, сахар и другие продукты. Правда, действовали городская столовая и закусовые по проспекту Ленина, но очереди студентов томских и эвакуированных (Московский транспортный, театральный) вузов были огромными. А на стройке железнодорожной ветки выдавали бесплатно по бато-ну ситного хлеба.

Однако, несмотря на трудности военного времени, не исчезал интерес студентов к учебе, к изучению истории, гуманитарных наук, чему способствовал высокий теоретический уровень читаемых курсов, а у многих студентов и их жизненный опыт. Вот как вспоминает первый курс Г.П. Осокина: «Большая часть поступивших на факультет в 1940 г. были уже взрослые, поработавшие в школе, на партийной работе товарищи. Для нас, пришедших со школьной скамьи, первые месяцы учебы были и очень трудными, и ошеломляюще интересными. Особенно впечатляли лекции профессора К.Э. Гриневича по истории Греции и Рима, лекции доцента А.Е. Абрамовича». А.Е. Абрамович – политэмигрант, революционер, приехавший с В.И. Лениным в Россию, активный участник революционных событий 1917 г., позже представитель Коминтерна во Франции, Италии, Австрии, Чехословакии, на Балканах, в Китае, крупный партийный работник – свой теоретический курс «Основы марксизма-ленинизма», как правило, сопровождал интереснейшими личными воспоминаниями.

С началом войны в организации изучения и преподавания истории и филологических наук на ИФФ большую роль сыграла эвакуированная сюда группа высококвалифицированных ученых из Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова. Блестяще читал лекции академик АН УССР, специалист по истории русской литературы А.И. Белецкий, с 1941 по 1944 г. заведующий кафедрой русского языка и литературы профессор П.И. Каган, доценты А.А. Белецкий и А.Л. Пинчук вели дисциплины классической филологии, Ю.С. Сорокин работал в области исследования русского языка. Восторженно воспринимались студентами лекции Р.М. Самарина – знатока истории зарубежной литературы. Его популярность в Сибири была так широка, что он одновременно читал лекции в Томском университете и в эвакуированном в Новосибирск искусствоведческом институте, находясь по две недели сначала в одном городе, потом в другом – и так в течение всего учебного года. Курс

по истории средних веков вел профессор, известный медиевист А.И. Неусыхин. На его семинарах прослеживалось стремление развить у студентов вкус к исследовательской работе. Запомнились лекции профессора Ф.А. Хейфец, автора учебника по новой истории. Они отличались яркостью, очень образными характеристиками исторических деятелей, лиц и событий. Не раз специалистами разных уровней и студентами отмечался глубоко научный характер лекций профессора Э.Н. Ярошевского, а также доцента В.Ю. Гессена по истории СССР. Под руководством В.Ю. Гессена готовились курсовые и дипломные работы по отдельным проблемам истории Томска и Сибири.

И исторические, и филологические курсы этих крупных ученых слушались в те годы в почти одинаковом объеме как студентами-историками, так и студентами-филологами, только число часов на изучение общих и специальных предметов в годы войны было сокращено в связи с пересмотром учебного плана на период военного времени.

Большим событием в учебной и научной жизни студентов ИФФ военных лет явилось участие в 1944 г. значительной группы историков в археологических раскопках Басандайского комплекса памятников. Талантливым учеником К.Э. Гриневича тогда проявил себя много обещавший, но, к сожалению, очень рано погибший Евгений Пеняев.

Многие студенты за годы войны из-за трудных условий оставили учебу. Некоторые перевелись на заочное обучение. Заочники-историки жили и работали в Сталинске (Новокузнецк), Анжеро-Судженске, Новосибирске и в других местах.

Экзаменационные сессии на заочном отделении проходили регулярно, без срывов. В межсессионный период студенты-заочники, в частности проживавшие в подшефном Кузбассе, получали консультации преподавателей университета, часто приезжавших туда с лекциями для населения. Так, в Анжеро-Судженск неоднократно приезжала преподаватель политэкономии П.И. Скороспелова.

С пересмотром в университете учебных планов и программ в 1941 г. на ИФФ были введены новые курсы: тракторное дело, пожарное дело, организация сельского хозяйства, для девушек – военная медицина. С 1942/43 учебный год был введен курс «Политработа в РККА», читал его кадровый офицер. Теоретический курс по медицине сопровождался основательной и довольно длительной

практикой. Проходили ее в госпитале, размещавшемся в здании по проспекту Кирова, 16. Нам разрешалось дежурить у тяжелораненых больных, наблюдать за больным во время переливания крови, очищать раны на нижних и верхних конечностях (раны были глубокие и гнойные), делать перевязки. Не хватало перевязочного материала, и студенток-практиканток привлекали к стирке бинтов.

Большинство студентов ИФФ в военные годы работали, как правило, в ночные и вечерние смены. Михаил Евсеев до ухода в армию работал на ТЭМЗе в бригаде литейщиков-кокельщиков, после возвращения с фронта по ранению стал, еще будучи студентом, преподавать политэкономия. Все годы учебы трудились: воспитательницей в детском саду – Галя Борисанова, на спичфабрике – Женя Штыкова (Е. Севастьянова), на заводе резиновой обуви – Е.А. Денисова, лаборантом университета – Галина Вагина (Г.П. Ковалевская), на комсомольской работе в Кировском райкоме ВЛКСМ – Таня Царицынская (Т.Н. Петрова). Да всех и не перечислишь. А подлечившие свои раны фронтовики часто ходили в речпорт разгружать баржи. Подрабатывали почти все. И хотя многие имели право на свободное посещение занятий, посещаемость была хорошей, а успеваемость в годы войны высокой. Студенты ИФФ были постоянными посетителями читального зала Научной библиотеки. В те годы там работал всего один зал (ныне профессорский), где занимались и преподаватели, и студенты. Из-за холода сидели в пальто. Было очень тесно, между стационарно установленными большими столами и венскими креслами стояли еще ряды маленьких столов с простыми стульями. Но теплело на душе от близкого общения с преподавателями, с друзьями-студентами других факультетов.

Численный состав студентов факультета за годы войны постоянно менялся. Большой отсев студентов был уже после первого года войны. Но набор 1942 г. состоялся. В числе поступивших были фронтовики, иногда поступавшие прямо из госпиталя. В сентябре 1942 г. историческое отделение пополнили бывшие фронтовики Александр Суховицин, Василий Кукушкин, Иван Шапоренко. Еще раньше по ранению вернулся на факультет Василий Флеров. В 1943 г. после тяжелых ранений пришел на факультет Шейнфельд. Позже начался процесс отсева за счет возвращения из эвакуации. Все годы войны уходили студенты и на фронт.

Хорошо помнится партийно-комсомольско-профсоюзное собрание на ИФФ, состоявшееся весной 1942 г. в связи с тяжелой обстановкой на фронтах войны. Было это в зале на втором этаже здания по пер. Кооперативному, 5. Все коммунисты и комсомольцы во главе с деканом, а Зоя Яковлевна была еще и парторгом, подали заявления с просьбой отправить их на фронт. В июне 1942 г. факультет проводил на фронт студенток первого курса исторического отделения Зину Вылгжанину, Лиду Земцову и Аню Танкель. В январе 1941 г. был призван в армию студент 128-й группы филологов Борис Бейлин. Воевал он под Ленинградом и вскоре погиб. В мае 1943 г. ушел с факультета в Днепропетровское училище шестнадцатилетний студент-комсомолец Коммир Удалов. Очень хотел отомстить за смерть отца. В январе 1945 г. Коммир погиб в Латвии. Ушел на фронт Ляня Кызласов. Потеряв в боях руку, он не изменил мечте стать археологом и стал им. Были потери и на трудовом фронте. В ноябре 1942 г. по партийно-комсомольской мобилизации был отправлен на шахты треста «Прокопьевскуголь» студент второго курса Михаил Зайцевский, где и погиб.

Несмотря на отсев и утраты, на трудности военного времени, ИФФ жил, развивался и вносил посильный вклад в дело победы. В 1945–1946 гг. состоялось три выпуска студентов ИФФ, учившихся в годы войны. И хотя они были очень немногочисленными, всего по 8–12 человек в группах, факультет выпустил хороших специалистов. После окончания университета студенты ИФФ военных лет трудились на ниве народного образования в школах, преподавателями в вузах Томска, области, Сибири. Есть среди них заслуженные учителя России, ученые, профессора.

ИФФ в годы войны был почти поголовно комсомольским, работа его студентов была заметна в университетской комсомольской организации. Секретарем комитета комсомола университета в первые годы войны был Георгий Смагин, талантливый организатор молодежи (умер в 1943 г. от туберкулеза). На смену ему пришла Нина Волкова.

Секретарем комсомольского бюро на ИФФ с октября 1941 до 1944 г. была студентка исторического отделения Екатерина Бельтюкова. Комсомолом проводилась большая работа. Начиная с весны 1942 г. студенты факультета, как и других вузов города, учащиеся техникумов и школ постоянно собирали металлолом. Проводился сбор средств на строительство эскадрильи самолетов, на тан-

ковые колонны, на строительство самолетов «Томский университет», подписка на государственные займы. В январе 1943 г. газета «Красное знамя» в заметке о сборе средств на государственный военный заем сообщала, что коллектив университета подписался в размере 114% к месячному фонду зарплаты. Студенты собрали 45 тыс. рублей, а первое место занял историко-филологический факультет. Участник войны студент-историк Иван Шапоренко внес 200 рублей, филолог Василий Полянский – 25 рублей. Собирали теплые вещи для фронта, художественную и учебную литературу для освобожденных от врага районов. В поле зрения комсомольского и профсоюзного бюро были и учеба, и, по возможности, быт и отдых находившегося в Томске в эвакуации Белорусского государственного академического театра им. Янки Купалы.

Все годы войны в аудиториях, зданиях, где проходили занятия, и общежитиях царил холод, отсутствовало, как и во всем городе, электроосвещение. Занятия старались проводить при дневном свете. Вечером жгли керосиновые коптилки, а чаще – мазут или лучины. Факультет сменил за годы войны три места своего нахождения. Зимой 1942/43 г. занятия проходили в Доме ученых. Как и другие факультеты, ИФФ теперь должен был заботиться сам об отоплении занимаемого им здания.

Чтобы как-то отопить помещение, приходилось на себе возить дрова из-за реки. Запрягались в огромные сани несколько девочек, ехали на ту сторону реки и из Тимирязева, где нам была выделена делянка, везли дрова. Коренником в упряжке со студентами шла декан З.Я. Бояршинова.

Теперь, оглядываясь назад, невольно задумываешься, как Зои Яковлевны на все хватало? Полная учебная нагрузка, деканство и партийная работа на факультете, член и заместитель секретаря партбюро университета. А ведь у нее было двое детей, воспитывался племянник, сын приехавшей в эвакуацию больной сестры. В пожилом уже возрасте была и Анна Алексеевна – мама Зои Яковлевны, добрейшей души человек. Муж Зои Яковлевны А.Н. Чалдышев был на фронте. Трудно было везти дрова... Но знали, что завтра на занятиях будет тепло. Часть привозимых дров на саночках развозили девочки вдовам погибших воинов и семьям фронтовиков.

С возвращением университету в апреле 1943 г. общежития по ул. Никитина, 4 (пятиэтажка) туда вместе с ректором и рядом университетских подразделений переместился историко-филологи-

ческий факультет с деканатом. Из-за холода в общежитских комнатах, аудиториях занятия часто проходили на квартирах преподавателей. Так, латинским языком занимались дома у Э.Ф. Молиной, где одна комната отапливалась.

Май-июнь 1943 г. запомнились участием в народной стройке ГРЭС-III. Конечно, студенты ИФФ ничего не монтировали. Мы рыли котлован для этой электростанции, а дальше в ее строительстве уже не участвовали. Работы были трудоемкими, совсем не женскими. Было страшно много земли, ее надо было лопатами, вручную нам, девчонкам, выкопать, положить на носилки и вдвоем отнести куда-то. Задания никакого не было, все работали, сколько могли, потому что активистом строительства был наш Вася Полянский. Трудились этим летом как всегда в подсобном хозяйстве университета, на сенокосе и хлебоуборке в колхозах области.

Но особенно памятными остались летние работы 1944 г. на шахтах Кузбасса по заготовке угля для отопления зданий университета, в том числе и освобожденного осенью 1943 г. главного корпуса. Было это на станции Проектная, около Прокопьевска. Выехали туда студентки 2-го и 3-го курсов тремя бригадами – Лены Броневской, Нади Гандариной и Тани Михеевой. Работа была очень тяжелая. Кормили сытно – вдоволь давали. После этого, как и каждый год, – подсобное хозяйство университета, уборка овощей для студенческой столовой. Потом наступало 15 октября, и начинались снова, хотя и с отрывом на хозработы, учебные занятия.

В те тяжелые годы все люди думали об одном – о разгроме врага и окончании войны. И поэтому для нас, студентов периода Великой Отечественной войны, самым большим и одновременно горьким праздником на всю жизнь остается День Победы.

С верой в Победу!: Томский университет в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и воспоминаний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 160–164.

**III. ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД РАБОТЫ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
(С 1974 г. ИСТОРИЧЕСКОГО) ФАКУЛЬТЕТА
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Письмо профессоров
историко-филологического факультета об открытии
Проблемной научно-исследовательской лаборатории
истории, археологии и этнографии Сибири
(ПНИЛ ИАЭС) в ТГУ**

Александр Петрович!

Мы (Флеров, Бородавкин, Говорков, Разгон) после длительного обсуждения пришли к заключению, что целесообразно при историко-филологическом факультете создать проблемную лабораторию по истории, археологии и этнографии Сибири. В качестве материальной базы этой лаборатории использовать Музей материальной культуры, научную библиотеку университета и музей Куйбышева университета, а также центральные архивы и архивы Томска и других городов Сибири.

Для такой лаборатории нужно минимум 15 штатных единиц научных работников и 2 ставки ст. лаборантов...

Временно лабораторию можно расположить в Музее материальной культуры, для чего необходимо немедленно произвести там ремонт. В дальнейшем необходимо будет выделить для научных работников лаборатории одну – две комнаты рядом с музеем для работы научных сотрудников. Для публикации работ лаборатории можно будет использовать ежегодник кафедр истории СССР досоветского и советского периодов «Вопросы истории Сибири», увеличив издание его до 2-х выпусков в год.

20.1.68.

И. Разгон

**Протокол заседания ученого совета
историко-филологического факультета ТГУ
им. В.В. Куйбышева от 28 марта 1974 г.**

Ученый совет факультета утвердил следующую структуру лаборатории:

1. Сектор дореволюционной истории Сибири (зав. доц. Н.В. Блинов, зам. к.и.н. В.А. Скубневский).
2. Сектор истории Великой Октябрьской социалистической революции в Сибири (зав. проф. И.М. Разгон, зам. мл. н. с. Э.И. Черняк).
3. Сектор социалистического и коммунистического строительства в Сибири (зав. проф. Л.И. Боженко, зам. к.и.н. В.И. Дудукалов).
4. Сектор археологии и этнографии Сибири (зав. доц. В.И. Матющенко, зам. к.и.н. Н.В. Лукина).
5. Сектор истории молодежного движения в развитых капиталистических странах (зав. доц. С.В. Вольфсон, зам. доц. Н.С. Черкасов).

ГАТО. Ф. Р-1949. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

**Приказ ректора
Томского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета им. В.В. Куйбышева
о разделении историко-филологического факультета
на филологический и исторический
за № 391 от 7 июня 1974 г.**

I

Объявляется приказ Министерства высшего и ССО РСФСР № 236 от 22.05.74 г.

О структурных изменениях в высших учебных заведениях Главного управления университетов, экономических и юридических вузов

В целях улучшения управления учебным процессом в высших учебных заведениях Главного управления университетов, экономических и юридических вузов

ПРИКАЗЫВАЮ:

2. Разделить следующие факультеты:

2.4. В Томском университете историко-филологический факультет на:

– филологический факультет со специальностью 2001 – Русский язык и литература

– исторический факультет со специальностью 2008 – История.

3. Организовать следующие кафедры:

3.18. В Томском университете:

– кафедру охраны природы

– кафедру электродинамики и квантовой теории поля

– кафедру истории экономических учений

– кафедру методологии управления социальными процессами

– кафедру общего языковедения

7. Ректорам перечисленных высших учебных заведений установить штаты факультетов и кафедр в соответствии с объемом работы, в пределах утвержденных штатов и фонда заработной платы.

8. Внести соответствующие изменения в уставы указанных высших учебных заведений.

Министр

И.Ф.Образцов

И.о. ректора университета
доцент

Э. Воробейчиков

Приказы ректора ТГУ за 1974 г. // Архив ТГУ.

Д.М. Зольников*

СТУДЕНТ*

<...> **П**оследний военный и первый послевоенный годы для вузов страны оказались наиболее «урожайными» на студентов из демобилизованных. Погонны-то они сняли, но печать армейской жизни, особенно фронтовой, осталась почти на каждом. Внешне ее олицетворяла армейская одежда. Я все пять лет учебы ходил в той одежде. Не случайно моя шинель, перешитая еще в 1944 г. в г. Житомире из английской солдатской в советскую офицерскую, а в марте 1946 г. в г. Городке еще и перелицованная, на пятом курсе обучения просвечивала в полах на свет.

Не одного меня выручала армейская одежда. Однокурсник Жора Лигаев тоже все пять лет проходил в офицерской шинели. Верно, она была сшита из шикарного генеральского сукна. Где-то достал, «проявил инициативу»... Но другой однокурсник, Ваня Казанцев, хотя и был на фронте офицером разведки, пять лет носил солдатскую шинель. Со второго курса он четыре года подряд избирался председателем студенческого профкома. И в той поношенной, коротковатой и тесной для него шинелишке как официальное лицо вышагивал на демонстрациях во главе колонны ТГУ рядом с ректором и секретарем парткома. Между прочим, Ивану Казанцеву, несмотря на ту шинель, было что демонстрировать: был он стройным, высоким, белокурым, косая сажень в плечах. Верно, голос его

---

* В сокращении.

не соответствовал фигуре, писклявил. Но на демонстрациях это не отражалось – там он не командовал. А профкомом он и с тонким голосом руководил успешно.

К армейской одежде студентов в 1945–1947 гг. присоединилась и офицерская одежда большой группы преподавателей, демобилизованных из армии. Я помню одетых в шерстяные гимнастерки и кители доцентов биолога И.П. Лаптева, литераторов Н.Ф. Бабушкина и Н.А. Гуляева, историков А.И. Данилова и С.А. Сидоренко, многих других... Всех не перечтешь. Верно, преподаватели по понятным причинам быстрее студентов сменили одежду на гражданскую.

Но печать армейская, тем более фронтовая – это не столько одежда, сколько другое, более значимое. Оно начиналось с приемных экзаменов. Приемные комиссии к демобилизованным относились не очень строго, учитывали, что пробелы в знаниях, образовавшиеся за перерыв в учебе до 7 лет, быстро восполнить невозможно. Более того, когда в аттестате значились «отлично» по физике и математике, а по гуманитарным предметам только «хорошо», абитуриента на физико-математический факультет принимали без экзаменов. То же и на историко-филологический, если по гуманитарным предметам было «отлично». Так в пользу бывших фронтовиков выполнялось правительственное распоряжение принимать их в вузы без вступительных экзаменов при наличии у них аттестата отличника за среднюю школу.

Как правило, приемные комиссии не ошибались. Принятые с такой поблажкой студенты много трудились с первых же дней обучения. Например, мы всей комнатой все свободное от аудиторных занятий время, прихватывая еще и ночи, сидели за учебниками, в том числе и за 9–10 классы средней школы. Сидели так, что спины порой деревенели. Тогда студентки со старших курсов по понятным причинам роились вокруг нас, кто посмелее, пытались выманить в кино или на танцы. А когда не удавалось, ехидничали: «Ну, и корпите, сидельцы несчастные». Конечно, такие упреки не все выдерживали. А иногда мы и сами, говоря армейским языком, «проявляли инициативу». Однако, проявив, снова возвращались к «великому сидению». Самодисциплина, самоорганизованность, твердое чувство цели обучения, ответственность в профессиональных и инициатива в общественных делах отличала большинство

студентов и преподавателей из бывших армейцев, особенно фронтовиков. Почему так происходило? Попробуем выяснить.

Во-первых, действовал самый поверхностный и непосредственный фактор: угроза для студентов этой категории вылететь из вуза после первой экзаменационной сессии или немного позже.

Во-вторых, обязательная армейская дисциплина помогла выработать самодисциплину, особенно в условиях войны. На фронте разболтанность ходила рядом с кровью и смертью, которые не были оправданы обстоятельствами, а дисциплина и выдержка являлись условиями успеха в бою.

В-третьих, обладание обостренным и твердым чувством цели. Война жестоко показала, чем оборачивались неумение, непрофессионализм не только в больших операциях, но и деталях боев. Став на войне воинами-профессионалами, многие фронтовики на собственном кровавом опыте узнали цену профессионализма. И возможность получить высшее образование по избранной профессии бывшие фронтовики ценили очень дорого.

В-четвертых – партийность. Не все, но значительная часть студентов и преподавателей из бывших фронтовиков вступили в партию на фронте. И не для «лучшего куска». Преимуществом коммуниста на фронте было первым идти в бою, добровольно брать на свои плечи дополнительную тяжесть войны, конкретного боя. А если попасть в плен, то подвергнуться немедленному расстрелу.

В-пятых, чувство гордости победителей. Его ощущали все, но особенно – бывшие фронтовики. На них, награжденных боевыми орденами и медалями, студенты и преподаватели, не побывавшие в боях, смотрели по-особенному. Ну, как в такой атмосфере учиться и работать кое-как, в полсилы? И, наконец, чувство патриотизма не на словах, а на опыте, деле.

Конечно, жизнь сложнее всяких рассуждений о ней: все могло происходить и проще, и сложнее, чем я описал. Но «фронтовое» сказывалось на поведении долго, у многих – всю оставшуюся жизнь. Замечу: не каждый бывший военный служащий, даже фронтовик, приобретал и проявлял в жизни указанные и другие положительные качества. Встречались люди, которых и война ничему не научила, вечные разгильдяи и неумехи. Такие, покрасовавшись положением участников войны, быстро теряли уважение окружающих и исчезали по тем или иным причинам из вузов. Разумеется, приобретенные на фронте и в армии вообще положительные каче-

ства студенты могли проявить позже, если те качества сочетались хотя бы со средними, еще лучше с достаточно высокими способностями, данными природой. Но последнее относилось уже ко всем студентам.

Положительное, сказанное о бывших фронтовиках, необходимо подтвердить фактами. Из шести факультетов ТГУ я больше знал студентов и преподавателей физико-математического и историко-филологического. Из двух десятков студентов – бывших фронтовиков 1944–1945 гг., на первом факультете в свое время защитили кандидатские диссертации 10 человек, из них, спустя не очень длительное время, 5 защитили докторские диссертации. На втором факультете также из двух десятков студентов той же категории примерно в то же время защитили кандидатские 11 человек, из них позже докторские шесть: М. Евсеев, В. Флеров, А. Сухотин, Д. Зольников, М. Шейнфельд, А. Говорков.

А вот цифры, дающие более широкий охват. К столетию основания ТГУ в 1980 г. была издана книга по его истории. Там опубликованы портреты почти всех профессоров за 100 лет деятельности университета. Среди 70 профессоров, трудившихся в ТГУ после Отечественной войны до 1980 г., насчитывается 25 бывших фронтовиков.

Итог? Половина студентов из демобилизованных в разное время получила потом звание доцента, четверть – профессор. И за 35 лет после войны бывшие фронтовики составили более трети профессоров старейшего вуза Сибири. Факты говорят сами за себя, а они – «упрямая вещь». Уместен вопрос: схожи ли данные по ТГУ с показателями по высшей школе страны в целом? Ответ может дать только специальное исследование.

Прочитал еще раз написанное выше о студентах из фронтовиков и задумался. Вроде бы некоторыми указанными положительными качествами, обучаясь на ФМФ, обладал и я, прослуживший 7 лет в армии, из них – более трех лет на фронтах. И, кажется, обязан был, да и собирался «все преодолеть». А не преодолел. Была еще одна грозная сила, которая погубила во время войны миллионы людей. После войны она действовала как зависимость здоровья от последствий ранений и всех тягот фронтовой и тыловой жизни. Она часто и круто меняла жизнь не только студентов, но и других людей, переживших войну. С этой силой я вскоре и столкнулся.

Месячное «великое сидение» начинало давать первые результаты. Две первые контрольные по матанализу и аналитической геометрии, я выполнил на «хорошо». Неплохо для студента 1946 г., окончившего сельскую среднюю школу в 1938 г. Еще несколько месяцев такого «сидения» – и я вошел бы в нормальное русло обучения. Но вместе с первыми успехами появилось и другое: начал быстро уставать, потеть по ночам, надсадно кашлять. Обратился к врачам. Те послушали грудь, поглядели в рот и успокоили. Посоветовали бросить курить, чтобы не кашлять. Позже выяснилось: врачи просмотрели симптомы страшной для того времени болезни – туберкулеза легких.

Самочувствие мое не соответствовало заключению врачей. Вместе с упадком сил начал пропадать интерес к математике. Я не только понял, а физически почувствовал: еще месяц «великого сидения» и мне не выдержать. А не сидеть, будут не только тройки, но и двойки. Возможно, вообще ничего не будет, что же делать? Попробовать учиться на другом факультете, где не потребуется «великого сидения», реализовать там свое со школьной скамьи, да и позже, увлечение литературой? Тяжело было расставаться с факультетом, да пришлось. В деканате ФМФ уговаривали остаться, убеждали, что скоро главные трудности будут позади, что на ИФФ и учиться-то бесперспективно, а у нас – посмотрите только. Правы были в уговорах, да только не знали они, как плохо у меня со здоровьем, о нем я в деканате промолчал. Отпустили, и я перевелся.

Обычное напряжение студенческой жизни я еще мог какое-то время выдерживать, даже сумел вскоре нагнать товарищей по учебе на ИФФ, сдать первую сессию, а за ней и вторую на «отлично». Попутно я «расписался», сочинив рассказ из послевоенной жизни села, который на обсуждении одобрил видный советский писатель Г. Марков и который попал на страницы альманаха «Томск». Казалось, дела мои учебные и творческие складываются благополучно.

Но с февраля 1948 г. я попал под гнет той силы, о которой писал раньше. После двух тяжелых операций на фронтальной полости черепа в течение полугода, в 1947–1948 гг. меня зацепил на много лет туберкулез легких сразу в открытой форме. Видимо, скрытно болезнь тлела и до операций. Они, как и «великое сидение», только ускорили вспышку туберкулезного пожара. Чем была эта болезнь для населения страны в первые послевоенные годы? Сверхчеловеческое напряжение на фронтах и в тылу не могло пройти бесслед-

но. Но пока нервное напряжение существовало, болезни у многих как бы отскакивали от брони этого напряжения. После войны оно ослабло. Тут-то и подстерегли ослабленных людей разные болезни, в том числе туберкулез.

<...>

Я не только выжил, но и, будучи больным, продолжал учиться. Как это удавалось? Прикопив сил в очередном санатории, я несколько месяцев посещал аудиторные занятия, изживал отставание в учебе, если оно возникало. А в двухмесячные санаторные поездки я набирал учебную литературу, конспекты лекции старших по курсу студентов. И учился. Одновременно с лечением готовил минимум два экзамена. Врачи удивлялись, почему я все время что-то читаю и пишу? Когда узнавали, не запрещали, а некоторые видели в этом стимул к выздоровлению. Возможно, они были правы. Больше того, стал замечать: мое самообучение дает заметный эффект, я узнаю даже больше, чем мои сокурсники при постоянном аудиторном обучении. Так, летом 1948 г. во время двухмесячного лечения я проштудировал двухтомник сочинений Белинского, однотомник большого формата Добролюбова. Летом 1949 г. настала очередь Герцена и Чернышевского. Конспекты и выписки из работ этих четырех авторов очень помогли мне готовиться к семинарам по Пушкину и Лермонтову, а позже и по истории философии.

Коротко об историко-филологическом факультете ТГУ. Открылся он в 1940 г. Главный организатор его – Зоя Яковлевна Бояршинова, она же – первый декан с 1940 г. по 1947 г. На этом факультете она прошла путь от рядового, но очень сильного преподавателя, кандидата наук и доцента до доктора наук и профессора истории. В 1946 г. факультет числился среди всех шести самым молодым и слабым. Не случайно в отчете университета за 1945/46 учебный год отмечалось: «Особо остро нуждается в профессорско-преподавательских кадрах ИФФ» («Томский университет...», с. 241).

Когда я начал учиться на филологическом отделении, работали там всего два доцента, на историческом – тоже два доцента да еще профессор древней истории. Не густо... У филологов лекционные курсы истории СССР, фольклора, древнерусской литературы и даже теории литературы читали слабо подготовленные преподаватели. Попадались и авантюристы. Преподаватель фольклора до того обнаглел, что сам сочинил «Плач о краснодонцах», опубликовал

его в областной газете. Но был кем-то из москвичей разоблачен и исчез из университета. Нет худа без добра. Слабое лекционное преподавание толкало нас на изучение предмета не только по учебникам, но и сверх того – по исследованиям ученых.

Начиная с 1947 г., за несколько лет преподавательский коллектив ИФФ значительно усилился. Приехали преподаватели русской литературы доценты Н.Ф. Бабушкин и Ф.З. Канунова, зарубежной литературы – доцент Н.А. Гуляев, историки – средних веков доцент А.И. Данилов, новой и новейшей истории – С.С. Григорцевич, истории СССР – А.П. Бородавкин и профессор И.М. Разгон, доцент философии П.В. Копнин и профессор философии К.П. Ярошевский. Все они – одни по приезду, другие позже, возглавили соответствующие кафедры, позже, если не сделали этого раньше, защитили докторские диссертации, получили звания профессоров.

Среди них прослеживается та же закономерность, о которой говорилось выше. Из 8 прибывших в ТГУ преподавателей 5 оказались бывшими фронтовиками. В книге по истории университета на с. 254 справедливо отмечено: указанная группа из 8 человек «внесла в жизнь коллектива, в том числе в его научную деятельность, особую атмосферу творческих исканий». Теперь и ИФФ, по меньшей мере, выглядел среди других факультетов вполне равноправным, а учиться на нем стало не менее перспективно.

Позволю себе сделать несколько замечаний о преподавателях. Зав. кафедрой литературы Николай Федорович Бабушкин сразу же очаровал студентов свободным блестящим стилем речи, эрудицией, широтой интересов, патриотическим коммунистическим настроем. На его лекциях по теории литературы и спецкурсе по творчеству М.Ю. Лермонтова было что послушать. Он же дал сильный толчок едва дышавшему до него литературному кружку. Часто выступал Николай Федорович с лекциями в городе и области, неустанно популяризировал творчество русских XIX века и советских писателей. И внешний вид его был весьма привлекательным. Он не был чужд вину и знакомствам с прекрасным полом, чем доставлял немало забот своей жене – преподавателю философии Марии Алексеевне.

Однако иногда Н.Ф. усердствовал излишне, отрывался от подлинников в толковании литературных сюжетов и образов. Он «обвинил» Максима Максимыча из «Героя нашего времени» Лермонтова в том, что тот якобы способен был стрелять в декабристов на

Сенатской площади. А в рецензии на постановку Томским театром пьесы А.П. Чехова «Три сестры» посоветовал актеру разоблачать Вершинина как враждебного гуманизму человека. За последнее Н.Ф. попало в одной из столичных газет. Но в целом положительные качества Н.Ф. многократно перекрывали его все же не столь частые срывы и заскоки.

Николай Александрович Гуляев преподавал историю зарубежной литературы. До него этим занимался некто Борисов. Многие художественные произведения, не говоря уже о научных исследованиях творчества зарубежных писателей, он, образно говоря, и в глаза не видел. Чтобы быстро «обогатить» свою память такими знаниями, заставлял студентов на экзаменах рассказывать содержание произведений. Находчивая студентка Тамара Братина шибко его подвела. Вместо содержания указанного в экзаменационном билете произведения Метерлинка она сочинила и рассказала по-пури из нескольких произведений Метерлинка и Александра Дюма, одобрила все это собственной безудержной фантазией. И получила «отлично». Все студенты факультета не один день хохотали. А секретарь кафедры выложил на стол Н.Ф. Бабушкину (тогда кафедра литературы была общей) список «борисизмов» – неграмотных и смешных выдумок человека, взявшегося за дело, которого он не знал. Борисова уволили.

К нам пришел Н.А. Гуляев. Некрасивый, в армейской мятой одежде не первой свежести, с медными широкими кольцами на пальцах рук, медленной речью, он нам показался не лучше Борисова. «Хрен редьки не слаще» – заговорили студенты о новом преподавателе. Но, прослушав пару его лекций, поняли, что Н.А. – не «хрен» и не «редька», а умный, эрудированный и ироничный ученый. И потому прониклись к нему доверием и уважением.

Почти так же получилось и с доцентом Фаиной Зиновьевной Кануновой. Не очень красивая, с голосом тоньше среднего женского и так же, как и Н.А., с излишне замедленной речью, она наперекор всему этому, с глубоким знанием предмета, умением рассказать сложное доступно, порой остроумно до колкости, сумела быстро обратить нас в своих почитателей. В итоге получилось по «концепции» из деревенской частушки. «Но не все красивых любят, а кто кому понравится».

Необходимый для филологов курс отечественной истории (тогда истории СССР) преподавала нам первый семестр 1946/47 учеб-

ного года молодая женщина, прошлогодняя выпускница ИФФ ТГУ. Видимо, рано ей поручили лекционный курс. Она тонула в подробностях, записать которые за ней было невозможно, часто теряла главную нить изложения, не отрывалась от конспекта и, кажется, не понимала, что такое связь лектора с аудиторией. Во втором семестре ее сменил Александр Павлович Бородавкин. С первой же лекции мы проводили его аплодисментами. Знали, что нельзя этого делать, но не удержались. Слишком велик был контраст с предыдущим. А.П. сильно смутился, хотя позже выяснилось, что смутить его было не просто. Взаимные симпатии лектора и студентов нашего курса сохранились не только до его последней лекции, но и все остальные четыре года обучения. А у выпускников, соприкасавшихся с А.П. и позже, в том числе и у меня – навсегда.

А что для нас значили «старые» доценты А.Л. Пинчук и А.А. Скворцова? Первый, будучи зам. декана, отчаянно боролся, вплоть до снятия со стипендии, со студентами, отлынивавшими от аудиторных занятий. Став грозой для таких студентов, А.Л. строго держал порядок на факультете. Уроки латыни он вел твердо, знал ее превосходно, двойки за контрольные и на экзаменах сыпал бисером. Бывало, вся группа без одного получала «очень плохо» и лишь один – «плохо». В итоге мы все учили латынь до умопомрачения, хотя не были уверены твердо, пригодится ли она потом. Античную литературу А.Л. читал своеобразно. Положит два учебника один на другой, сдвинув вниз верхний, и читает, не отрываясь от книг. Говорили, что ему попало за свободное изложение, в котором было что-то «не так». И потому он рассказывал по учебникам. Но разве знающего человека можно совсем приковать к учебникам? Он иногда забывал про них, и тогда слушать его было очень интересно. Порой, декламируя стихи Сапфо или Овидия, он, как ребенок, захлебывался от восторга. И мы ему за эти «отрывки» все прощали – даже замдеканские строгости.

Сменившая З.Я. Бояршинову на посту декана доцент А.А. Скворцова усердно нас учила применению учения Марра к истории русского языка, но не очень-то в этом преуспевала. Тогда мне «марризм» казался какой-то фантастикой. Но свое мнение я критично рассматривал как непонимание сути дела из-за слабой языковой подготовки. И только на 5 курсе мы узнали, что изучение и применение теории Марра о происхождении языков было пустой тратой времени. Хорошо, что других предметов «марризм» не за-

тронул, хотя попытки пристегнуть его туда были. Да и сама А.А., организовав изучение старых русских говоров Приобья, не смогла себя и других заставить хоть как-то использовать для этого учение Марра. Начатая А.А. работа по говорам продолжалась полвека, вылилась в составление и издание многотомных словарей, других научных трудов. За итоги этой многолетней работы в 1997 г. была присуждена Государственная премия. Основное руководство группами многих наборов студентов, в том числе и нашего курса, составление и издание трудов осуществляли ученики А.А. Скворцовой Вера Владимировна Палагина и Ольга Иосифовна Блинова-Лейтан. Обеим со временем присвоили докторские степени и профессорские звания. Факт «говоры и Марр» показывает: надуманная теория, даже если она пропагандируется много лет, не может мешать плодотворному делу науки – хотя бы иногда. Укажу также, что в доказательстве антинаучного содержания «марризма» немалая заслуга принадлежит И.В. Сталину.

Об общественных делах. И в этом крупную, а некоторое время после войны и решающую роль играли бывшие фронтовики. Парткомом ТГУ не один год после войны руководил доцент биолог И.П. Лаптев, позже, много лет – инвалид войны И.Е. Попов. Даже я, со своими болями и инвалидностью, немало поработал: руководил агитколлективом на первых послевоенных выборах Верховного Совета СССР, на втором году обучения избирался первым секретарем бюро ВЛКСМ ИФФ, потом – зам. секретаря партбюро ИФФ, два года – членом парткома ТГУ, пять лет редактировал университетскую многотиражку «За советскую науку». Последнюю обязанность я выполнял, уже будучи кандидатом наук и доцентом. Но времени на редактирование газеты я затрачивал больше, чем на подготовку к лекциям и семинарам. И бесплатно. В редакции имелся всего один оплачиваемый работник – секретарь. Одно время эту должность занимал известный в будущем лирический поэт Василий Казанцев.

Назову и другие факты. ...я уже писал, что четыре года должность председателя студенческого профкома исполнял И. Казанцев. С момента организации университетской многотиражки несколько лет ее редактировал фронтовик-дальневосточник Н.А. Антропьянский. В редакции в разное время работали бывшие фронтовики Ременсон, Хахлов, Синяев, Сенкевич, несколько лет ее редактировал будущий министр просвещения

РСФСР, тогда доцент А.И. Данилов. А членами парткома ТГУ и партбюро факультетов перебивали почти все фронтовики-коммунисты. Отмечу общественную работу бывшего фронтовика-дальневосточника студента-историка, потом доцента философии Л.В. Алякринского. Кем только он ни работал! Не один раз избирался секретарем бюро КПСС ИФФ, членом парткома ТГУ, много раз – секретарем партбюро кафедр общественных наук. От природы добрейший и отзывчивый, он добровольно подставлял свое плечо, чтобы облегчить тяготы жизни человеку, попавшему в трудное положение. Не только по глубине убеждений, но и в повседневной жизни он был до мозга костей коммунистом. Не случайно после его трагической гибели весной 1976 г. на его похороны пришли сотни людей – не только работников университета, но и горожан.

Не хотелось об этом писать, но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Речь пойдет о политических репрессиях. В 1937 г. и 1942 г. их огонь вплотную приближался ко мне, к счастью, только обдав жаром, пролетел мимо. После перевода на ИФФ я переселился из «пятиэтажки» в «четырёхэтажку», где жили студенты ИФФ. Я занял там кровать, только что освобожденную добровольно отчислившимся из студентов бывшим военнослужащим Кружковым. Все три мои новые сожителя по комнате оказались студентами-историками 1 курса из демобилизованных. Перечислю их. М. Бондарик как-то сумел прослужить войну без боевых наград. А Кропочкин, насколько помню, служил в батальоне аэродромного обслуживания и, кажется, имел боевую медаль. У обоих ранений не было. Ф. Ломов (он почему-то тогда называл себя Костей) воевал танкистом, получил ранение в голову, был награжден за бои орденом «Красной Звезды».

Фронтовики сослуживцев без наград и ранений не очень-то цтили, подозревали, большей частью оправданно, что они если и были на фронте, то обретались в тихих местах. По этой причине я больше симпатизировал Ф. Ломову. К тому же М. Бондарик вел себя странно: отращивал свои длинные темные прямые как проволока волосы, чтобы они были «как у Глинки». Но поскольку он волосы не мыл месяцами, они у него были похожи скорее на глину, чем «как у Глинки». В разговорах М. Бондарик мало участвовал, был «сам по себе», учился преимущественно на «удовлетворительно».

Но А. Кропочкин и Ф. Ломов любили поговорить «про политику», особенно первый. Они возмущались тяжелым положением народа, больше колхозников, видели причиной тому злоупотребления партийного и государственного аппарата, советских «натуршей». Велись разговоры и о богатой жизни в США. В общем-то, в их беседах, часто при посторонних, я не видел ничего криминального, но сообразил, помня свой опыт прошлых лет, что они могут добром не кончиться.

К тому же я замечал и неправду в их рассуждениях. «Разве не понятно, – думал я, – многие послевоенные трудности вызваны последствиями страшной войны. Конечно, были и есть среди аппаратчиков мздоимцы, особенно в торговле. Но чтобы все? Кто же тогда организовывал работу тыла для победы? Что касается богатств США, то эта страна в обе мировые войны не столько воевала, сколько обогащалась». Я напомнил им слова В.И. Ленина о комьях грязи и крови на каждом долларе прибылей капиталистов США. Примерно такими (за дословную точность не ручаюсь) были мои контрдоводы. Да только для Кропочкина и Ломова я не был большим авторитетом.

Однажды политический настрой А. Кропочкина вылился в безобразную сцену. Я тогда работал руководителем агитколлектива по выборам. В один из вечеров в нашу комнату прибежала моя агитаторша с жалобой: ее подопечные избиратели не являются на подготовленные ею беседы. А участок ей достался на окраине города в домах-мазанках. Присутствовавший при этом А. Кропочкин съехидничал: «А ты посулила бы им по куску хлеба, сразу бы прибежали».

Не помню форму своего возмущения этой репликой, но я не мог ее не оценить как дурацкую. Потом я и та девушка ходили вдвоем по мазанкам вечерами, вместо одной беседы провели десяток, в каждом доме. Избиратели благодарили нас за то, что мы пришли по темноте в такую даль поговорить про нелегкую жизнь, рассказать, что нас ждет вскоре. Увидев результаты бесед, девчонка моя расцвела, удивилась, что все у нас получилось. Попутно возмущалась и той обидной для нее репликой.

Однажды в нашу комнату неожиданно набилась неизвестная компания молодых людей с журналом «Америка». Принялись обсуждать, где жизнь лучше, в США или в СССР. Конечно, сравнение могло быть только в пользу США. Я пустил в ход

свои аргументы. Не помогло. Добавил: «Вы для чего поступили в университет? Учитесь, после окончания помогайте сделать жизнь лучше». Не слушают, спорят еще круче. Все это показалось мне провокацией. Чтобы затеять такое в 1946 г. в общежитии без определенной цели? Спор я прекратил тем, что выгнал ту ораву из комнаты под предлогом, что она мешает мне заниматься. На столе действительно лежали книги по истории античной литературы, которой я занимался до их прихода. Видимо, насчет провокации я был прав, потому что гораздо позже А. Кропочкин рассказывал мне о чем-то подобном по отношению к нему со стороны «органов». А той беседой, возможно, хотели прощупать не только Кропочкина. Последний, видимо, к этому времени был уже «под колпаком».

Мои опасения о последствиях тех разговоров вскоре сбылись в наихудшем варианте. В один из вечеров в нашу комнату в сопровождении коменданта общежития зашел человек средних лет в гражданской одежде и позвал меня в райком партии якобы для разговора по личному делу. Я пошел за ним, не успев сообразить, что райком теперь по вечерам не работает.

Вместо райкома он привел меня в другое учреждение «для беседы». В те времена по фронтовой привычке я спецорганы считал предназначенными для ловли шпионов и всяких вредителей, коих считал однопорядковыми. И как у бывшего армейского офицера к офицерам «органов» имелось уважительное отношение. Оно укрепилось еще и тем, что в 1942 г. с моим «делом» «Смерш» все же сумел разобраться.

После обмена репликами о моем студенческом житье-бытье завели разговор о Кропочкине и Ломове, их настрое. Я удивился и сказал, что на шпииков и вредителей они не тянут. Тогда мне рассказали о наших дискуссиях даже больше, чем я знал. Упомянули и о реплике про «кусочек хлеба». «Как это оценивать?» – спросили у меня. Я оценил как безответственную болтовню и сказал: «Вызовите их сюда, как меня, объясните суть дела, они не глупцы, поймут, что к чему». Мне ответили: «У нас не агитпункт, а серьезное учреждение». Наш разговор записали и заставили подписать, как и бумагу о неразглашении. С тем и отпустили.

Иду в общежитие и думаю: «Дело пахнет керосином». Надо этих балбесов вырывать, как меня выручили в свое время. Я был уверен: за то, о чем шел разговор, не посадят. Чтобы оставить для

себя возможность потом отказаться, решил поговорить только с Ломовым. Если говорить с двумя – будет материал для того, чтобы обвинить меня в разглашении. Поступил, как решил. Посоветовал Ф. Ломову. «Перестаньте болтать, пока не загремели. Вами там уже интересуются, тобой меньше, Кропочкиным больше. Не вздумайте натворить еще чего».

Оказалось, «еще чего» они уже натворили. Как я потом узнал от свидетелей на суде, Кропочкин и Ломов не то советовали, не то спрашивали у колхозников, почему они не протестуют против поставок и налогов... Произошло это в сентябре 1946 г., когда студенты ИФФ помогали убирать урожай в одном из колхозов. Я в то время находился в подсобном хозяйстве ТГУ в группе студентов ФМФ на уборке картофеля. Видимо, колхозники и донесли на ту компанию, скорее – бригадир колхоза. «Органы» расценили тот разговор как призыв к сопротивлению Советской власти.

Та троица по возвращении из колхоза пошла в ресторан, пригласив еще одного знакомого им бывшего офицера-фронтовика. Выпив и выйдя из ресторана, они запели песню «На просторах Родины чудесной». Сочинили к ней свой припев: «Идет, идет, идет (народ за Сталиным. – Д. З.) и скоро пропадет!». От такого припева их четвертый товарищ предпочел удрать. Разве могло быть иначе в 1946 г.? Если бы это случилось при мне, то я за оскорбление Верховного мог бы певцу и морду набить.

Когда их арестовали, возможно, Ф. Ломов признался, что я его предупредил. Я был вызван и информирован о том, чем мне грозило нарушение подписки о неразглашении. И сразу же допросили как свидетеля. Мне удалось все же из показаний по общезнанию полностью исключить Ф. Ломова. На А. Кропочкина и без этого показаний было много. Тогда зачем были нужны мои показания? Возможно, я понадобился в качестве свидетеля как бывший фронтовик, награжденный несколькими боевыми орденами, для усиления веса обвинения? Только на суде я увидел в приемной всех свидетелей: колхозников, четвертого собутыльника, студентов.

Первоначально присудили Кружкову, которого привезли из Иркутска, и Кропочкину по 10 лет, Ломову – 8. Через год – пересуд. И всем по десять. Кружков погиб в лагере, Кропочкин и Ломов выжили, освободились по амнистии, реабилитировались. В 1947 г. после суда я понял: посадить могут, если захотят, только за бол-

товню, за «лишнее» слово. К тому же надо мной постоянно висела угроза наказания «за разглашение». Хотя я отрицал, что предупредил Ф. Ломова, утверждал, что это наговор, но был уверен, что мне не поверили. Но единичные показания все же не доказательство. Возможно, это меня спасло. Много было тогда нервозности, пока время не ослабило ощущение опасности.

История эта имела продолжение. Уже во времена «перестройки» А. Кропочкин, проработавший более 20 лет после освобождения учителем труда в одной из школ г. Новосибирска, вдруг вспомнил обо мне. Где-то в Томске на одном из собраний «Мемориала» он брякнул, что именно я посадил его, хотя не мог не знать, что моя роль там была нулевой. В итоге в оплату за то, что я попытался их выручить, меня предали дважды: Ф. Ломов в 1946 г., А. Кропочкин – в 80-х гг. Получается по Юрию Деточкину из кинофильма «Берегись автомобиля»: «Помогай, а потом за это расплачивайся».

Репрессия, о которой рассказывалось выше, не была для ИФФ ТГУ единственной. Позже по 58 статье посадили студентов ИФФ Нестеренко и Платонова, преподавателей истории Лившица и Кугеля. При этом свидетелями обвинения последнего вызвали почти всех студентов-мужчин, которые слушали его лекции. Но ко всем этим делам я не имел никакого отношения, поскольку они происходили на историческом отделении. Да и я, будучи со второго курса женатым, жил с семьей в отдельной комнате, а там я вел дискуссии только с женой. Но дискомфорт, ощущение незащищенности возрождались при каждом новом происшествии из цикла репрессий.

<...>

В студенческие годы мы жили трудно. Маленькая дочка часто болела. Нас выручала в дополнение к стипендиям моя пенсия инвалида войны 2 группы. В особенно трудные минуты помогали товарищи. Среди них наиболее близкие нам – Лев Алякринский и Нина Седова.

<...>

Я все студенческие годы возглавлял партийную группу своего курса филологов из трех коммунистов: Антропянского, Казанцева и Зольникова. Что-либо делать мы могли только через комсомольскую организацию своего курса. Из комсомольских собраний запомнились два. Первое состоялось, кажется, на втором курсе. Наш

сокурсник – Димка Иванов (его все так звали), будучи сыном директора драмтеатра в г. Томске, возмнил себя интеллектуалом, а нас, бывших фронтовиков, определил как «грубых солдафонов». Еще среди наших девочек пошел разговор о цели образования. Геля Шехина, весьма представительная по росту, внешности и уму девушка, заявила, что надо готовиться образованием в жены генералов. Другие ее поддержали, заявив, что высшее образование – гарант удачного замужества.

Что наши девчонки говорили о проблемах замужества в условиях дефицита женихов, вполне понятно. Но объявлять целью учебы только удачное замужество – этого мы, бывшие фронтовики, понять не могли. Нельзя было позволять нас третировать и противопоставлять как «солдафонов» остальной, преимущественно девичьей, преобладающей по количеству, части курса (из 36 человек курса, окончивших в 1951 г. ТГУ, 25 принадлежало к «женскому сословию»). К тому же учились все бывшие фронтовики без троек, а трое – на «отлично».

Про «солдафонов» говорил я. «Да, мы, фронтовики, в армии и в боях могли огрубеть. Так помогите нам стать мягче, интеллектуальнее, если можете. Но и у нас есть незаменимое – патриотизм не слова, а дела. Этому мы и будем учить своих учеников в школе. А чему будут их учить те, кто видит в образовании только подготовку к удачному замужеству?». В том же ключе говорил Н. Антропьянский. Девушки наши смущались, оправдывались тем, что их «не так поняли». Решили: считать, что ничего особого не случилось, будем готовиться учительствовать.

Удивительные в жизни бывают совпадения. Геля Шехина, учительствуя на Дальнем Востоке, вышла за военного, тот стал генералом. У них родились два сына, оба выучились на офицеров, служили там же. Может, в генеральстве мужа была и заслуга Гели? Такое можно только приветствовать. Но все же в 1948 г. речь шла о другом...

Второе памятное собрание произошло в 1950 г. на пятом курсе. Заседали мы в выходной день много часов. Выступали все, критиковали всех. Сначала «свергли» бывшую комсорга Димку Иванова за развал работы по причине его лени. Вот когда ему не раз напомнили кичливость несуществующей интеллигентностью. Долго составляли и обсуждали план работы. Для подготовки к госэкзаменам решили провести 2–3 своеобразные курсовые конференции. Каж-

дый должен был готовить доклад по разделу, остальные тоже готовились, но докладчик основательнее. Доклад должен быть сделан и обсужден, его нужно было критиковать и дополнять. В июне три такие конференции мы провели с положительным итогом.

Студенты помогали не только себе, но и городу. Курс участвовал в прокладке траншей для кабелей автоматической телефонной станции, помогал делать насыпи для рельсов первой линии городского трамвая. И мы имели право сказать: до нашего поступления в ТГУ город не имел ни АТС, ни трамвая, а к выпуску в 1951 г. обзавелся ими не без нашего участия. И мы могли ездить на «своем» трамвае, говорить по «своим» линиям телефона. И в этом была своя доля истины.

Конечно, не все и не у всех нас было, как надо. Учился в нашей группе И.М., можно, сказать, выдающийся шпаргалщик. Он разрабатывал, потом размещал на себе систему шпаргалок так, что мог достать записку даже на дополнительный вопрос, попросив у преподавателя разрешения «подумать». Самая острая среди нас на язык Зоя Цветкова сочинила про него анекдот. «Получил И.М. назначение. На вокзале у него украли чемодан со шпаргалками. И.М. горько заплакал и пошел поступать учиться на 1 курс». Зоя почти угадала. Спекулируя дипломом о высшем образовании, И.М. перебрал не одну должность. Из-за низкой профессиональной подготовки он нигде долго не задерживался. Но преуспел в другом. Женившись троекратно, он у каждой жены оставил детей. После уплаты алиментов у него мало что оставалось на собственное житие. Тогда он подал в суд (на себя?), чтобы ему снизили сумму алиментов.

Почему стал возможен такой «феномен И.М.»? Мы слышали его ответы на экзаменах. Даже по шпаргалкам они редко тянули на «удовлетворительно». Но «ответчика» жалели, оценки ему «чуть» завышали и так дотянули его до диплома. Но И.М., как видим, не мог принести пользы с этим дипломом ни себе, ни людям. А разве одному И.М. завышали оценки? И не этим ли и высшая школа, дополняя отрицательную тягу других факторов, ослабляли наше общество? Мы к этой особенности советской средней и высшей школы еще вернемся. В «феномене» И.М. его «многоженство»-«многоалиментство» можно отнести к индивидуальным качествам. Ну, а все остальное?

Сопровождали студенческую жизнь и другие факты и события. Студенты-политехники упрямо не ладили с курсантами военного училища. Поговаривали, что из-за девушек пединститута и университета. В этих неладах стычки один на один и небольшими группами не были редкостью. Но однажды на стадионе после футбольного матча это вылилось в массовую стычку «стенка на стенку», что, в общем-то, не противоречило русским обычаям. Трубадуры «холодной войны» по «забугорному» радио сообщили: «В г. Томске на протестующих против зверств властей студентов бросили войска». Как говорится в пословице, «в огороде бузина, в Киеве дядька». Но что только тогда не выворачивало наизнанку «забугорное» радио, чтобы «уесть» нашу страну.

А вот еще один факт-суждение. На последней нашей конференции, посвященной подготовке к госэкзаменам по литературе, кто-то из девушек сказал: «После университета мы больше знаем не содержание предмета, а где и что о нем почитать». Никто из нас не возразил против такого вывода. Сейчас у меня есть дополнение. Университет нам дал несущие конструкции предмета и сведения, где взять строительный материал. Остальное мы могли, если потребуется, сделать сами. Не это ли составляло стержень университетского образования?

<...>

Зольников Д.М. Времена и нравы (от гражданской войны до наших дней глазами участника событий и ученого). Новосибирск, 2000. С. 136–155.

Ф.А. Селиванов*

НА БЕРЕГУ ТОМИ В ЛАГЕРНОМ САДУ*

Томск – особый город. Кто учился и жил в нем, тот навсегда сохраняет к нему любовь. Университетские традиции, Белое озеро, Университетская роща, Лагерный сад, неповторимая деревянная архитектура, армия студентов и профессоров – все это Томск. Сколько о нем ни рассказывай, все равно расскажешь тысячную долю того, что он заслуживает. Томи-чи гордятся историей города, знают ее.

Если пойти по проспекту Кирова, то будешь идти по аллее елей. А вышел на высокий берег Томи в Лагерном саду – откроются голубоватые бескрайние дали.

Мне пришло в голову спуститься к реке прямо по крутому склону. Не знаю почему. Рядом никого не было, покрасоваться не перед кем. Глина осыпалась под ногами, берег отвесный. Как удалось спуститься и не полететь кувырком – трудно объяснить. Не видел, чтобы мой опыт кто-нибудь повторил.

Томск, в котором я прожил почти двадцать лет, был первым городом, увиденным мною. Когда мы уезжали из ссылки из поселка Захарково, то шли пешком от пристани до вокзала. Перед главпочтамтом – подъем. Наверху, напротив – общежитие университета. Перед ним-то я потерял родителей. Засмотрелся. Оказалось они шли впереди. Успокоили меня.

---

* В сокращении.

Не знал я, что в этом доме, у которого я испугался, пройдут мои студенческие годы, а потом и доцентские. В этом доме родился сын Андрей. На этом же месте я чуть не погиб. Переходил улицу, чтобы попасть на главпочтамт. И не заметил поднимающейся машины. Задумался. Увидел ее, когда ощутил сильнейший удар по коленям. Ладно, шофер притормозил, и скорость в гору была невеликой.

Поступил в университет в 1947 году. На факультете (и в нашей 137 группе) учились вместе с бывшими десятиклассниками только что демобилизованные участники войны. Это были особые студенты. Хватив лиха на войне, они ценили учение, университет, дружбу. И хорошо влияли на нас. Нынешний студент мало похож на студента послевоенных лет.

Мне до сих пор снится Томск. Чаще всего – новые дома, груды земли. Видел во сне, как все перерыли и воздвигли красивые здания в том месте, где впадает Ушайка в Томь. Видел строящиеся дома за стадионом, где была деревянная улица без асфальта, а также на проспекте Фрунзе, где мы жили одно время. И каково было мое удивление, когда увидел, приехав на Копнинские чтения, все это наяву. Я любил Томск, университет, рошу при нем, Лагерный сад, Потаповы лужки, Басандайку. Может он мне мстит, показывая, что я покинул?

Все студенческие годы нам преподавал Павел Васильевич Копнин, гордость советской философской науки. Он был нашим шефом – «партикрепленным», как тогда говорили (теперь – куратор). Это Павел Васильевич предложил мне остаться на кафедре философии университета ассистентом после окончания пятого курса. Я сказал, что мои родители были раскулачены.

Распределили меня в первую школу, где я уже два года работал по приглашению директора. Дело в том, что тогда ввели в 9 и 10-х классах психологию и логику. Нескольких студентов отделения логики, психологии и русского языка (так к 5 курсу стало называться наше философское отделение) пригласили в школы. Дирекция сделала на меня заявку – и вот я штатный учитель, потом завуч одиннадцатого педкласса, а потом и всей школы. Жили мы с матерью в подвальной комнатке, напротив кочегарки той же школы.

Когда умер Сталин и начались перемены, Павел Васильевич разыскал меня и позвал на кафедру. Это было время надежд, воодушевления, борьбы с начетничеством, примитивизмом в философии. Мы – В.Н. Сагатовский, Л.А. Зеленов, я – буквально не ло-

жились спать, не сделав открытия. О моей деятельности в университете в этот период хорошо рассказано в книге «Развитие общественных и гуманитарных наук в Томском университете (1880–1980)», изданной в Томске в 1980 г. к столетию университета.

В Томске вышли мои первые книги, сделавшие мне имя: «Этика. Очерки», «Заблуждения и пороки», «Благо». В Москве издали брошюру «По совести и долгу». В журнале «В мире книг» (№10, 1966) появилась рецензия на них «О добре и об истине» В.Н. Сагатовского: «Стиль этих работ можно охарактеризовать так: о сложном в них сказано просто, об абстрактном – образно» (с. 8).

В Томске я часто выступал перед студентами, молодежью города: читал лекции, вел диспуты. Был руководителем философского кружка студентов, философского кружка молодых специалистов... Популярность мне даже мешала. Я сам слышал, как, показав на меня товарищу, парень говорил обо мне как о знаменитости. Это не понравилось, да я и не осознавал все это. Увидел, когда уезжал из Томска. На привокзальной площади было много молодежи. Не придавал этому значения. Когда подошел к вагону, толпа тоже двинулась к нему. Подходили знакомые и незнакомые, жали руку, говорили приятные слова, дарили цветы. Потом А.И. Ореховский, мой первый аспирант, прислал хорошее стихотворение «На отъезд Селиванова из Томска». Возмутителя спокойствия выжили из города. Стихотворение начиналось словами:

Не от друзей он уезжает:
Как грустно светятся глаза!

И заканчивалось:

И уезжают справедливые
В другие веси, города,
Чтоб обыватели счастливые
Балдели тихо у пруда.

Да, ситуация в стране изменилась. Был арестован и посажен за выступление на партсобрании на восемь лет Эдик Юдин, ставший впоследствии одним из столпов теории систем. Мой кружок молодежи прикрыли. Масла в огонь подлили братья Мицко (мои студенты), которые тоже были арестованы. На допросе в КГБ они показали, «что не разделяют ни философии Ленина, ни философии Селиванова». Это и спасло меня.

Когда я уехал, в Томский обком пришло письмо В. Хазанова на имя Е.К. Лигачева, тогдашнего секретаря обкома, в котором партийные органы обвинялись в том, что допустили мой отъезд.

Недавно по радио журналист – А.К. Омельчук передал интервью томского историка В. Славнина, моего бывшего студента. Он вспоминал меня, говорил, что Селиванов – «ученый колоссального ума»; когда работал в Томске, «отличался свободомыслием и принципиальностью, что не нравилось партийным властям, и они вынудили его уехать».

В. Славнин в «Томске сокровенном» рассказывает, что знаменитый томский старец Федор Кузьмич (его считали императором Александром I), оказывается, жил одно время на Чулыме, в деревне Белый Яр, в с. Зерцалы. Мы жили в Белом Яре, а в с. Зерцалы я пошел в школу. Хорошо помню их. Читал журнал «Томская старина». В №1 (3) 1992 г. хорошая рецензия Бориса Пойзнера «Плодотворность ностальгии: хроника Славнина-внука» (о книге В.Д. Славнина «Томск сокровенный»).

...У студентов Томска в пятидесятых годах было два увлечения: симфонический оркестр и каток. Мы боялись пропустить хотя бы один концерт симфонического оркестра. Концерты проходили в прекрасном зале краеведческого музея, бывшем губернаторском доме. Каток – это была страсть. Казалось, тысячи счастливых, красивых лиц встречались по вечерам в дни его работы.

<...>

...О Томске можно рассказывать бесконечно. Но лучше всего он изображен в романе Виля Липатова «Игорь Саввович» и в «Рассказах о Томске» моего бывшего студента Сергея Заплавного, не менее знаменитого, чем Василий Казанцев, тоже бывший мой студент.

<...>

Стали известными учеными Сысоева Л.С., Завьялова М.П., Бразжникова З.В., Петрова Г.И., Мазаева О.Г., Рожко К.Г., Кулемзин В.М., Топчий А.Т., Петров Ю.В. и др. Дружеские отношения с ними завязывались еще в их студенческие годы, когда я преподавал в Томском университете, и со многими они сохраняются до сих пор.

<...>

...Безусловным лидером в нашей 137-й группе был Юрий Лозовский. Фронтвик, умница. Мы ему подражали. Увидел как-то, что

он конспектирует лекцию в тетрадь, разрезанную пополам, как в блокнот. Удобно, да и в карман входит. И стал так же делать.

Собрала нас – парторга, комсорга и старосту – инструктор горкома и начала задавать вопросы с подковыркой о П.В. Копнине. Мы видели эту женщину на лекциях учителя, но не знали, что она из горкома партии. Юрий, парторг, взял инициативу в разговоре с ней в свои руки. Что ему было терять: он видел и не такое. Юрий дал блестящую характеристику Павлу Васильевичу, толково ответил на вопросы инструктора. Уходила она, имея задумчивый вид.

Ю. Лазовский перевелся перед последним курсом в Ленинград, окончил философский факультет университета. Но на работу его нигде не брали. Он говорил:

–Я фронтовик, член партии. Почему же не берете?

–Нет мест, – отвечали ему.

Но дело было в другом: в это время арестовали врачей-евреев, хотевших якобы умертвить Сталина. Психоз, распространился по стране. В первой школе, где я работал, немецкий язык преподавала Анна Лазаревна, еврейка. Милая, добрая женщина. Ее любили и уважали. И вмиг все изменилось: к ней никто не подходил, никто – ни учителя, ни школьники – с ней не разговаривали. В газете «Красное знамя» сообщалось о происках томских евреев. Рассказывалось о парикмахере-еврее, который якобы заносил заразу при бритье клиентов. Парикмахерская опустела.

Юрий Лазовский вернулся в Томск и стал работать завучем техникума общественного питания – «кулинарного».

Кроме него, в нашей группе учились еще фронтовики: Федорук и Колпаков.

В студенческие годы имеет значение то, с кем живешь в одной комнате в общежитии. Все пять лет без серьезных конфликтов я прожил с одноклассником по раздолинской школе Геннадием Кукариным, с парнем с Алтая Валентином Ельчаниновым, с Виктором Белевским из-под Новосибирска. По году и больше жили в нашей комнате Александр Пушканов, Александр Колпаков, Наль Хохлов.

<...>

Писать в газеты я начал давно, еще студентом. Стал членом редколлегии, зав. отделом, одно время редактировал университетскую многотиражку со скучным названием «За советскую науку».

За все годы накопилась огромная папка моих, выступлений. Во многих из них выразились так или иначе мои научные интересы.

Зарубежную литературу преподавал Николай Александрович Гуляев. Неторопливый в речи, крупный мужчина, с грубыми чертами лица, он был любимцем студентов. Красочная речь, особенно о французских писателях Бальзаке, Флобере, Золя и других, привлекала внимание. Николай Александрович – остроумный собеседник. В те времена обычным событием был приход преподавателей в студенческие общежития для общения во внеучебное время. Однажды в общежитие по проспекту Ленина, 71 пришел Н.А. Гуляев. Зашла речь о стихах. Кто-то из наших студентов спросил:

– А Вы писали стихи?

– Кто не писал их в период полового созревания, – ответил Николай Александрович.

Беседа пошла еще веселее.

Гуляев занимался серьезно и упорно проблемами эстетики. На факультете интерес к эстетике возрос после дискуссии на историко-филологическом факультете о природе прекрасного. Особенностью конференций, дискуссий того времени было то, что в них участвовали наряду с преподавателями и студенты. Каждый мог выступить, если была аргументация. Дискуссия началась с предельно простого вопроса:

– Является ли закат прекрасным, если его никто не воспринимает?

П.В. Копнин, Н.А. Гуляев, Н.Ф. Бабушкин уже тогда пришли к выводу, что эстетические качества не существуют вне отношений к человеку-субъекту.

История Древней Греции и Древнего Рима читал нам профессор Гриневич Эдуард Константинович*. Усики, бородка клинышком. Он был олицетворением старой профессуры. До революции, будучи археологом, рыл в Греции. Выпустил в свет книгу «Пешком по Элладе». Рассказывали, что один студент решил подольстить Эдуарду Константиновичу и заявил, что он читал его книгу.

– Какую? – спросил тот.

– «Шагом по Греции».

Профессор чуть не потерял сознание. Э.К. Гриневич долгие годы был директором Музея изобразительных искусств имени

---

* Ошибка у автора. Правильно – Константин Эдуардович Гриневич.

А.С. Пушкина. Он прекрасно знал историю искусства и прочитал нам спецкурс с показом репродукций и снимков.

Не знаю, в каком году его выслали в Томск. Всюду его сопровождала жена – молодая женщина с темными волосами, его бывшая студентка. Потом его сослали еще дальше – в Бийск, в пединститут.

2 марта 1992 года в институте искусств и культуры провел заседание, посвященное 70-летию со дня рождения Павла Васильевича Копнина. Собрались философы города, были и представители естествознания. В кабинете ректора не хватило кресел и стульев, пришлось носить. Доклад о научной деятельности П.В. Копнина сделал И.Г. Степанов из строительного института. Ректор М.А. Капеко и я выступили с воспоминаниями.

Копнин умер в 49 лет. Был всегда строен и весел, и вот поди – рак. Он был и остается первой звездой в послевоенной советской философии. Он – основатель в нашей стране логики научного исследования. Поднял гносеологию на высоту мирового уровня, сделал очень много для развития диалектической логики.

Характерен такой факт. На предпоследнем совещании заведующих кафедрами в Кремле собрались в кучку прямые его первые ученики и один косвенный (Л.Г. Олех). Это: А.К. Сухотин, А.И. Уваров, Е.С. Жариков, Г.М. Иванов, я. Все доктора наук, профессора. Таков был заряд, данный нам. На фотографии, сделанной в один из приездов Павла Васильевича в Томск, Г.М. Иванов. Здесь П.В. Копнин таков, каким мы его помним. Считаю, что она самая удачная.

В университете работал заведующим кафедрой доцент Б. Одинажды, будучи в подпитии, он ввалился во флигель, где жили вначале Копнины, и, обращаясь к Павлу Васильевичу, воскликнул с пафосом:

– Каренин, Вронский пришел!

Почему Вронский? Дело в том, что жена П.В. Людмила Филипповна была исключительно обаятельной женщиной, очень милой и красивой. Вот она-то и приглянулась Б. Притязания «Вронского» были пресечены, и незадачливого покорителя женских сердец вышвырнули в окно.

Назавтра весь город знал об этом. А мы... Мы восхищались учителем.

Мы любили П.В. Копнина, но не обожествляли. Он совершал ошибки, как всякий смертный.

У меня сохранилось одно не очень приятное воспоминание, связанное с ним. К студентке нашей группы Розе Косинцевой приехал ее парень, курсант, и Роза привела его на лекцию. Павел Васильевич увидел чужого и спросил:

– А это кто?

Роза объяснила. Тогда П.В. Копнин бросил раздраженно:

– Университет – не проходной двор!

Парень уходил, опустив голову. Мы сгорали от стыда. Однако никогда больше подобного не повторялось...

В 1956 г. студенты университета ездили на уборку урожая на целине в Казахстане, тогда Акмолинской области. Я поехал добровольно – вызвался сам – со студентами командиром отряда. В поезде ехали командиры – мои друзья еще со студенческих лет Генна Дун, Константин Рожко, Николай Черкасов. Руководил всеми нами Александр Львович Ременсон, известный юрист.

<...>

*Селиванов Ф.А. На берегу Томи в Лагерном саду.
Тюмень: Изд-во Вектор Бук, 1999. 16 с.*

Б.Г. Могильницкий

ВСПОМИНАЯ ПЕРЕЖИТОЕ

Не стану уверять, что с детства мечтал поступить на историко-филологический факультет, но по мере необходимости самоопределяться я все более связывал себя с историей, потому что увлекался историей, очень много читал еще до университета, меня интересовали исторические события, личности, так что когда окончил школу, колебаний в этом смысле не было.

Помню в какой-то газете на первой полосе большое фото – там девушка сидит перед большой книгой, на которой написано «История». Это был осознанный выбор. Меня интересовала либо история новейшего времени, либо современная история СССР.

Начнем с 1946 г., когда в конце августа я впервые появился в Томском университете. Тогда недавно был опубликован, говоря современным языком, рейтинг советских университетов, Томск там значился на 3-м месте после Московского и Ленинградского университетов. Это и повлияло на мой выбор, я приехал в Томск из Барнаула. Но в отношении к университету я испытал разочарование, потому что первые впечатления о Томском университете носили очень противоречивый характер. С одной стороны, это потрясающий главный корпус, роща университетская. Я помню первый раз, когда я увидел университет, уже осенью, когда осыпались листья, и он просматривался весь, я поразился красоте университета. А с другой стороны, та убогость преподавательского состава, которая была в это время. Я имею в виду тех преподавателей, которые нас обучали. В своем большинстве, это были люди, которые никак

в моем восприятии не соединялись с именами университетских ученых. Это был период, когда ученые из Москвы, Ленинграда, Киева, которые были здесь в эвакуации, уже уехали, а остались люди, которые по нашим впечатлениям, очень мало соответствовали нашим представлениям о том, как должно было строиться университетское преподавание. Не хочется называть фамилии...

Единственным исключением был К.Э. Гриневич. Это был не просто единственный доктор наук, профессор, а ученый с европейским именем, который еще до революции вел раскопки в Крыму, принесшие ему известность, и мы с гордостью видели его имя в Малой советской энциклопедии. Он попал туда как один из крупнейших советских историков. Читал лекции он потрясающе, засыпал нас французскими, немецкими, английскими фамилиями. Он нам преподавал историю Древнего мира, прежде всего античности, и археологию. Самое яркое впечатление – это археология. Читал он в большой аудитории СФТИ (затемненная аудитория, экран), он казался нам почему-то похожим на В.И. Ленина. Была у него подвижность, экспрессия. И читал он, по сути дела, не археологию, в обычном понимании этого слова, а историю искусств, историю античного искусства, и многие мои знания в этой области восходят к его лекциям – колонны, стили в архитектуре античности... Кстати, когда началось послевоенное восстановление университета, Гриневич, выступая на университетском ученом совете, внес предложение проводить археологические экспедиции не на Басандайке, а в Крыму, но это предложение принято не было. Я, как и все, попал под обаяние Гриневича, но очень скоро с археологией у меня пути разошлись.

О первом годе университетской жизни: тяжелый год был в бытовом отношении. Трудно, тяжело жили. Карточная система. Вот штришок: идем мы из столовой на Никитина, 4, голодные, мечтаем. Один говорит: я бы сейчас съел булку хлеба, другой – две. А с нами идет наш старший друг, фронтовик, и говорит: «Эх вы, мечтать не умеете. А вот представляете, сковородка, на ней шкворчит сало, картошка с салом». И так он ярко нарисовал эту картинку, что она осталась для меня как какая-то несбыточная мечта. Рацион питания: главное, это хлеб, пайка, 500 г, – черный, довольно увесистый кусок, мягкий, который съедали сразу. И завтрак – этот хлеб, потом на обед ничего не оставалось! Но можно было покупать на рынке. Магазины были коммерческие, с коммерческими ценами. Я хорошо

помню, что там продавались пряники. Запомнил, наверное, потому, что осенью 1946 г. у меня украли карточки. И вот сижу вечером, на следующий день должна быть какая-то контрольная. Сидеть невозможно, вышел, иду мимо Нижнего гастронома, увидел эти пряники, у меня денег на них хватило, и я купил килограмм и слопал их прямо на ходу, целый килограмм.

Вот так и жили. Поэтому очень скоро мы создали коммуны – ярчайшее выражение тогдашней повседневной студенческой жизни. Несколько нас человек было в этой коммуне-комнате – и стало легче жить. Нас в комнате жило по 4 человека.

Фронтоников было если не больше чем нефронтоников, то, во всяком случае, 50/50. Набор в 1946 г. был человек 50.

Фронтоники играли большую роль в нашей жизни. Во-первых, они были старше, опытнее, умнее нас и во многом определяли вектор нашей жизни. Во-вторых, за каким-то, может быть, единичным исключением, они стремились учиться, создавали соответствующую атмосферу, которая влияла на нас. Они ясно осознавали, чего хотели.

Из числа этих фронтоников был наша гордость – Герой Советского Союза Володя Евсеенко, на нашем курсе учился. Славный парень. Он был механиком на танке. По его словам, это было где-то в горах, в конце войны, танк заблудился, а потом, когда выбрался на оперативный простор, увидел большую колонну немцев, и те сразу подняли руки, их и привели в плен. Славный парень, но был весь больной, учиться ему было очень трудно, потом он перевелся в пединститут, который окончил, но вскоре умер. У первого у него я услышал «вражеское радио» – контру, как мы называли. На весь этаж орал: «Голос Америки» или что-то еще – через обыкновенный приемник. Глушить стали позже. Но никаких последствий не было за это.

В-третьих, из песни слов не выкинешь, участь фронтоников была тяжелой в том смысле, что их хватало. Каждый год. Мы приезжали осенью и кого-то недосчитывались. Причины разные были, но одна из распространенных, это восхваление образа жизни наших врагов. Они ездили, видели. Парень был, моряк, во время войны плавал в США. Рассказывал, что там видел. Разговоры велись тогда в массовом порядке, откровенные разговоры. Для кого-то сходило с рук, а для кого-то нет.

Знаю историю, которую не выдумаешь. Был на нашем курсе парень, которого звали Костя Ломов. Я помню, вся грудь у него была в орденах. Так особо мы с ним не общались. Вскоре он исчез. Потом я начал работать в университете, первый год работаю, в 1955 г. Помню, лекция была в 144-й аудитории, амфитеатром. Прихожу на лекцию, на первой скамье сидит Костя Ломов. Бросились в глаза его металлические зубы. Потом мы вышли, пошли в город, выпили немного, и он рассказал свою эпопею: выбили ему все зубы за то, что Ленина читал, там, в лагере, а били конвоиры: «Как ты, контра, можешь читать Ленина!?!». А посадили его по наводке кого-то из своих. Это было.

Вот еще один яркий пример. Был уже довольно пожилой (по моим понятиям) студент, ему, наверное, за 30 было. Я даже фамилию запомнил – Кружков. Мы как-то даже общались, потому что я был старостой группы, в которой он учился. Тоже исчез, тоже посадили, тот пытался добиться правды где-то. Все это было.

Кого сажали: огромнейший диапазон – офицеров, фронтовиков, моряков. Был такой забитый паренек – одно время он в нашей комнате жил – Боря Окунев, еврейский такой паренек, мы голодали, а уж как он с сестрой голодал (она к нему приходила), так уж это вообще представить невозможно. Его посадили, а потом он сгинул.

Сажали всех по 58-й статье – за «антисоветскую агитацию и пропаганду».

Я помню события 1948 г. – деятельность «Лунного общества». Помню даже некоторых членов его, вроде Маринки Тарасовой. Это было литературное, я бы даже, выражаясь современным языком, сказал литературно-эротическое общество. Конечно, там никакой контры не было и в помине, но была такая попытка какой-то свободной, вольной жизни, которая выходила за рамки того регламента, того статуса, который был положен. Но, по-моему, не преследовали их.

А насчет борьбы с космополитизмом в томском исполнении, то самый, пожалуй, яркий пример, когда в 1949 или 1950 г. Ф.З. Канунову вызвали в ВАК – там никак не проходила ее диссертация, которую она еще в Ленинграде защитила. Из Томска за подписью руководства факультета в ВАК пошла подробная характеристика Кануновой как блестящего преподавателя, яркого борца против космополитизма. Она защищала диссертацию по «Московскому журналу», занимала, как тогда говорили, «объективистские пози-

ции», не ругала, как следует, кого тогда следовало бы ругать. А поскольку учителями ее были в большинстве случаев евреи, то это тоже усугубляло ее положение. И вот, к чести Томска, я должен сказать, что принципиальная позиция руководства историко-филологического факультета сыграла немаловажную роль в том, что ВАК, наконец, утвердил диссертацию Фаины Зиновьевны.

Еще один штрих на факультете. Я был тогда председателем научного студенческого общества и отчитывался на парткоме университета как раз о работе НСО в современных условиях. И вот член парткома (вдумайтесь – Абрам Михайлович Лейкин) задает мне вопрос: «А как вы боретесь с космополитизмом?» А я отвечаю, что нет у нас космополитизма. «Как нет? Везде есть, а у вас нет?» Вообще надо отдать должное нашим факультетским отцам-основателям – очень достойно они себя вели в этой непростой ситуации. В особенности показательным является следующий пример.

Осенью 1949 г. приезжает в Томск И.М. Разгон, причем приезжает с клеймом космополита. А у меня тогда уже сложились довольно неформальные отношения с А.И. Даниловым. Я иду с ним вдоль университетской рощи. Как раз буквально перед этим появилась в «Правде» огромная статья на два подвала, которая бичевала уже не просто космополитов, а именно Разгона. Мы, естественно, все прочитали это, тогда, в отличие от теперешних студентов, газеты читали. Я, так подпрыгивая, говорю: «А правда, Александр Иванович, к нам едет космополит Разгон?». И вот он остановился, и я навсегда запомню эту интонацию, так строго посмотрел на меня и погрозил пальцем: «Запомни, к нам едет лауреат Сталинской премии, профессор, коммунист Израиль Менделевич Разгон!». И я думаю, это было сказано не только для меня, но и для того, чтобы я сразу оповестил об этом всех, создал бы в общежитии соответствующую атмосферу. И действительно, его встретили здесь, я бы сказал, бережно, помогая пережить эту очень тяжелую травму. Другое дело – история с Р.Е. Кугелем.

Р.Е. Кугель, я думаю, пострадал прежде всего из-за своего, позволю себе сказать, тщеславия, из-за своего языка. Кугель был малоприятный человек, бундовец в свое время, правда, потом он быстро сориентировался, в 1930-х гг. очень активно работал по партийной линии. Потом оказался в Томске, где сразу повел борьбу за чистоту партийной линии, боролся с Гриневичем, все время раз-

облачал его. Формально, на том основании, что тот не марксист, что он читает лекции, далекие от марксизма и все такое прочее, а вот истинный марксист это и есть Р.Е. Кугель. Читал он лекции очень ярко, хотя что он там говорил, по сути, мало чего полезного было сказано. Например, такие перлы: у Маркса была красивая жена и он ее ревновал, и когда к ним в гости приходил Гейне, он не мог работать, все время заскакивал, смотрел, чем они там занимаются, ну, и подобные вещи. Хотя, у него иногда бывали прозрения: когда, например, победила революция в Китае, он предрекал, что еще не известно, по какому пути пойдет Мао. Вот такими вещами были украшены все его лекции, и все это постепенно создавало ту гремучую смесь, которая и привела к его аресту, что было, конечно, несправедливо, и доля вины факультета здесь имеется. Его осудили на традиционные 10 лет, но выпустили быстро, где-то в году 1955-м, по-моему, потому что стоял вопрос о его реабилитации. И позже Зоя Яковлевна, она была председателем ГЭК, в Уфе, в Башкирском университете, встретила его там, он ездил туда устраиваться на работу.

С Гриневичем была проблема, скорее и с так называемым «низкопоклонством», и с его «объективизмом». Ему срочно пришлось уехать. Ю.В. Куперт говорил, что большую роль в том, что Гриневич легко отделался, сыграл его отец (Куперта) – в то время он был председатель Томского облисполкома.

А.П. Дульзон тоже пострадал от космополитизма, но как немец, а не за какую-то деятельность, находился, как говорится, под гласным надзором. Он нам читал лекции – сядет на стол, начинает читать «Введение в языкознание», довольно скучно, признаться.

Факультет не проявил собственной инициативы в борьбе с космополитизмом, потому что во главе его стояли такие люди, как Данилов, Бородавкин. Я не знаю, можно ли их назвать либералами, но это были люди очень социально ответственными, социально разумными, и нас этому учили.

Я начну с перечисления тех людей, которые начали работать на факультете в 1940-е гг. Это были А.П. Бородавкин, А.И. Данилов, П.В. Копнин, Н.А. Гуляев, Н.Ф. Бабушкин, И.М. Разгон и самая молодая, и, к счастью, еще активно работающая – Ф.З. Канунова. Я назвал здесь историков, филологов, философов. Это были, на мой взгляд, используя известное гумилевское выражение, пассионарии, которые за короткое время, с конца 1940-х гг., радикально измени-

ли жизнь факультета, превратив его в крупнейший центр гуманитарного образования не только Томска, но и всей Сибири, потому что очень многие преподаватели и Дальнего Востока, и Восточной Сибири так или иначе были связаны с факультетом, с его крупнейшими представителями, работали в русле тех новаций, которые были у нас.

Эти люди заложили основы гуманитарного образования и гуманитарной науки в Томске.

Вспоминая это время и этих людей, я бы хотел отметить, прежде всего, такие их качества, как доброжелательность, в сочетании с высокой требовательностью и друг к другу, и к студентам, высокие нравственные принципы, которыми они руководствовались, высокие этические нормы и в своих взаимоотношениях, и в создании той творческой атмосферы, которая существовала в это время в университете, на нашем факультете в частности.

На факультете были представители разных научных гуманитарных школ страны – москвичи и ленинградцы. Каждый привез из своих вузов частичку своей среды обитания. Но я не думаю, что это как-то значительно сказывалось, за исключением красавца-одессита А.П. Бородавкина, который не только занимался наукой, но и был волейболист, баскетболист, бильярдист прекрасный, сердцеед. А в смысле научных каких-то различий я не могу сказать о них. Были общие принципы, которые предполагали широту подхода, не замыкаясь на какой-то конкретной теме, будь это Даниловское «фогство», или у Бабушкина – он открыл новую редакцию лермонтовского «Маскарада», т.е. темы как будто частные, но они рассматривались в очень широкой научной перспективе.

Междисциплинарным был характер той атмосферы, которая создавалась на факультете. Мы ходили на лекции к филологам, они – к историкам. Учебная программа исторического отделения включала в себя некоторые филологические дисциплины. Немного, но включала: вся русская литература, была отдельно советская литература. Эти курсы были обязательными. А по желанию ходили на публичные лекции, которые читали филологи. Я помню, бегал на лекции Бабушкина. Филологи бегали на лекции Данилова.

(К вопросу о том, почему сейчас нет той связи между историческим и филологическим образованием): Я считаю это одним из отрицательных последствий той специализации, которая, будучи закономерным явлением в развитии каждой науки, объективно ве-

дет к определенному обособлению этих наук. Вы посмотрите, ведь этот процесс обособления затрагивает даже кафедры одного и того же факультета. Одна из задач современного научного подхода, мне кажется, заключается в преодолении такой разобщенности, разъединения. Отсюда междисциплинарные исследования, но они ведутся часто на уровне сугубо научном. Мы пользуемся часто методами филологов, философов, социологов, а личные контакты очень недостаточно в этом плане развиты.

Сейчас должны быть какие-то моменты, сближающие эти две отрасли гуманитарного знания. Какие-то моменты, сближающие сначала кафедры, потом и факультеты, очевидно. Я вот думаю о восстановлении методсеминара, который на первом плане объединял хотя бы все исторические кафедры, а если дело пойдет, то можно привлекать и филологов. Может, с будущего года мы начнем.

Потом учтите такой факт: постарение факультета. Ведь когда приехал Разгон, ему было 45 лет, и он казался всем стариком. Но к этим годам он уже был лауреат Сталинской премии, одно это только чего стоит. А сегодня 45-летние едва ли не молодые сейчас.

У меня то время, прежде всего, запомнилось тем, что я встретил Александра Ивановича. Я, как сегодня, помню, навсегда это у меня осталось в памяти: начало сентября 1947 г., пересменка, мы бежим на лекцию, спускаемся с третьего этажа на второй. Вдруг нас перегоняет какой-то фронтовик, в гимнастерке офицерской, сапогах, очень симпатичный на вид. Девушки по ходу уже заглядываются на него. Думаем все, что новый студент-фронтовик. Но он вдруг вбегает на кафедру и начинает лекцию, которая меня, да и многих, покорила и определила мою специализацию. Не потому, что я любил Средние века, а потому что захватил меня Данилов. Тем более, что он у нас был куратором группы, по тогдашнему выражению, партприкрепленный. Одновременно был замдекана факультета, секретарем партбюро, кем он только не был. Сразу же открылись какие-то перспективы, не в карьерном росте (об этом тогда не помышляли и не думали), а в какой-то интересной работе, работе, которая представлялась с выходом на самостоятельное аналитическое исследование. Я до сих пор помню тему своей курсовой на 2-м курсе, которую он мне предложил: «Положение зависимых традентов Санбертинского монастыря по материалам аббата Ирмёна как второй источник». А потом, со следующего года, когда

прошло разделение по специализации, он начинает вести спецсеминар у нас. Спецсеминар, который он пытался вести по образу и подобию московского спецсеминара. Это латинские тексты, работа с ними. Какие-то самостоятельные изыскания, естественно, крохотные, но во всяком случае это создавало творческую обстановку. Мы понимали, что это действительно наука. В конечном счете как раз это послужило одной из причин того, что семинар в таком виде дальнейшего развития не получил, потому что это была не просто латынь, а так называемая «варварская латынь», со своими особенностями. Ну туго у нас шло с этим. Он помогал, но корифеями мы не были.

Курсовые работы мы писали, только начиная со специализации. На первом курсе я писал только какой-то доклад (по археологии), и все. У нас тогда кружки были научные. Они были на каждой кафедре, они были многочисленные, но, пожалуй, наиболее большими, активно работающими были кружки по археологии (это понятно), на втором месте, на первый взгляд странным покажется, – литературный кружок. Эти кружки собирали много людей, и жаркие споры были. Преподаватели как кураторы принимали участие в этих кружках, но вся работа была на студентах. Темы там поднимались чисто научные.

Я на старших курсах продолжал работать у А.И. Данилова, и он, видимо, в это время как-то экспериментировал и с собой, в смысле направления своей дальнейшей работы, и, соответственно, со мной. Я вспоминаю темы моих курсовых работ, они каждый год были другими. Это была и работа, посвященная немецкому историку П. Рооту, еще что-то, а на 5-м курсе была тема «Энгельс о генезисе феодализма», т.е. все это не было связано с моей дальнейшей работой, так как я после окончания университета получил тему кандидатской диссертации – это был уже русский историк Дмитрий Моисеевич Петрушевский. И сам Данилов, он ведь тоже в Томске проделал значительную эволюцию в этом смысле, поскольку отказался от работы в конкретно-историческом плане, в плане изучения на основании источников, очень богатых (в нашей библиотеке) по раннему средневековью, перешел к историографическим исследованиям. Проделав тоже весьма показательную эволюцию. Первоначально его тема звучала примерно так: «Разоблачение немецких фальсификаторов истории», а в конечном счете это вылилось в тему его докторской: «Проблемы аграрной истории раннего средне-

вековья в немецкой историографии» – совершенно академическое название, – без этих «фальсификаторов» и прочее.

Наша библиотека вообще очень богата источниками и литературой по истории. Я с сожалением должен отметить, что некоторые из тех книг, которые были раньше и которыми я лично пользовался, не сохранились, утеряны.

Относительно моей аспирантуры. Тогда аспирантских мест было очень мало, аспирантуры были небольшие – брали единицами буквально, и не каждый год, места выделялись Министерством персонально каждому руководителю. Как раз в год моего окончания университета А.И. Данилову место не дали, поэтому расчеты на аспирантуру оказались неосуществленными. Получилось так, что сначала меня пригласили на кафедру истории партии (тогда она называлась, по-моему, кафедра марксизма-ленинизма), я без особого энтузиазма согласился, но очень скоро, буквально чуть ли не через несколько дней, А.И. Данилов сказал, что он нашел мне место, договорился с Копниным на кафедре философии, и я, естественно, переориентировался, но не получилось и тут. Не получилось потому, что тогда была система подготовки кадров общественных наук через факультет повышения квалификации в разных городах. У нас Свердловск был центром. И вот в этом году (1951) окончил этот факультет и был направлен в наш университет и именно на кафедру философии Геннадий Михайлович Иванов. Я оказался без места и устроился, не сразу даже, в томское музыкальное училище и там три года работал преподавателем истории.

Затем, по рекомендации опять же Александра Ивановича, меня пригласили в Томскую областную партийную школу, была такая на правах вуза. Она готовила партийные и советские кадры, что-то вроде повышения квалификации. Там учились люди со средним образованием – молодые, но и не только. Там вузовская система преподавания, кафедры, правда, небольшие были, на нашей всего три человека. Круг обязанностей был довольно большой. Я читал всеобщую историю от начала до конца. Но зато не было общественной работы. У меня остались самые светлые воспоминания об этом периоде. Мои слушатели, порой, были намного старше меня. Но как-то быстро у нас с ними возникало взаимопонимание, и когда она была закрыта, в 1955 г., я сожалел, конечно. Здесь я работал всего один год.

После этого несколько недель в мединституте работал на кафедре истории партии, но там я ни одного часа не преподавал, поскольку в сентябре со студентами отправился на с/х работы, а потом встретил тогдашнего декана историко-филологического факультета Зою Яковлевну, на рынке, кстати говоря. Она мне: «Что же Вы не заявляете о себе? Александр Иванович должен о Вас беспокоиться?»»

А Данилов в то время был уже в Москве, в докторантуре (с 1954 г.), но связь поддерживал с университетом. Он рекомендовал меня, и я в 1955 г. возвращаюсь в университет. Я очень быстро написал диссертацию, она к этому времени у меня практически была готова, другое дело, что очень долго шел к ее защите – то в Москве были трудности (при всей его помощи). К тому же новое положение появилось, что необходимы публикации для защиты. И пока эти публикации появились, я защитил диссертацию только в 1958 г. Но в аспирантуре я не был. Я официально не был и соискателем, просто работал с Александром Ивановичем.

Пришел я на кафедру, тогда она называлась кафедрой всеобщей истории, которую возглавлял Иван Гаврилович Коломиец, там были и С.С. Григорьевич. Чуть позже появился Б.С. Жигалов, но он был лаборантом.

События 50-х гг. бурно отразились на студенческой, общественной, научной и преподавательской жизни факультета.

Начать надо, наверное, я тут боюсь нарушить последовательность, со смерти Сталина, потому что сразу появились какие-то новые веяния. Еще до этого появляется сообщение о том, что дело врачей было надуманное, провокационное и т.д., их реабилитировали – вот такой штришок, и такие факты, большие, вроде разоблачения Берии, и незначительные, но которые говорили о чем-то новом. Вот, например, прекращение раздельного обучения в школах. И это вызвало что-то новое, появилась какая-то новизна в ощущениях, и ведь не случайно Эренбург публикует свою книгу со знаменитым названием «Оттепель», уже в 1954 г. Так, шаг за шагом шло «размораживание» общества.

И все же XX съезд явился громом среди ясного неба. Он привел к резкой активизации общественной жизни, возникновению даже не преподавательского пока, а молодежного студенческого движения и молодых преподавателей, причем первоначальным центром такого движения был пединститут, как это ни странно покажется на

первый взгляд. А там были очень интересные люди. Прежде всего, был молодой доцент Юдин, москвич, который имел очень хорошую философскую подготовку. Он был философом, читал лекции, которые производили огромное впечатление на молодежь, именно в силу своей незаурядности, смелости постановки вопросов, и обладал при этом большой общественной смелостью. Там же появилась целая когорта свободомыслящих молодых преподавателей, в числе которых был Ю.В. Куперт. По ним был нанесен удар очень быстро. Уже, по-моему, к середине 1956 г. Юдин был арестован, получил большой срок. Преподаватели эти молодые были изгнаны из института, исключены из партии, им был закрыт доступ в науку, Куперт работал где-то в школе. А.А. Говорков пострадал тоже – он работал тогда в институте.

Это одна линия, вторая линия – университетская. У нас начинается сильное комсомольское движение, цель которого заключалась в том, чтобы развить и претворить в жизнь идеи XX съезда, чтобы вдохнуть живую струю в застаревшую жизнь. Это была инициатива снизу. Комсомольская организация университета фактически вышла из-под контроля. Там были такие деятели, как Н.С. Черкасов, – это был его звездный час.

Мне трудно изложить последовательность событий, но все же попытаюсь. Сначала была комсомольская конференция университетская, которая шла под знаменем обновления и на которой, вопреки фактическому запрету, который наложила на его выступление секретарь парткома Лилиана Сергеевна Филюлина, он выступил, заявив, что ему нравится все это. После этого прошло комсомольское собрание на нашем факультете под девизом «Эй, товарищ, больше жизни!». С точки зрения настоящего времени, там была крамола не ахти какая. Царило стремление – дайте нам высказаться, дайте нам выразить то, что мы думаем, дайте нам возможность самим за себя отвечать, в конце концов, за самостоятельность комсомола и т.д. В итоге совпали два течения – Черкасов и этот лозунг. И практически параллельно идет расправа над вот этими деятелями комсомола. Там был еще один активный деятель – геолог или географ Швейник. Начинается над ним расправа, Швейника арестовывают, на университетском собрании приняли решение об исключении Черкасова из кандидатов в члены партии и увольнении с работы. Происходят демонстративные обыски. Здесь, на факультете, днем, при всем стечении студентов, на кафедре на

нашей, там, где сейчас кафедра новой и новейшей истории, идет обыск, ищут неизвестно что. Обыск у него в комнате в «пятихатке». Всеобщее ощущение, что вот-вот его должны арестовать. Студенты поднимаются в его защиту, стихийно, а любили они его исключительно. Я знаю, многие преподаватели пользовались и сейчас пользуются любовью, уважением студентов, но такого отношения к нему, такой преданной, горячей любви не было ни к кому другому. Стихийно оказывают знаки внимания, подарки ему собирают, и вот идет партбюро факультета, где обсуждается этот вопрос, я был тогда парторгом кафедры всеобщей истории, а парторгом кафедры истории СССР был Г.В. Трухин. Ну, цель этого партбюро – разоблачение Черкасова. Нас, парторгов, ругают, что мы ничего не делали в этом плане, и, соответственно, вменяют в обязанность идти в общежитие, «показывать истинное лицо Черкасова», выполнять, так сказать, линию партии. Доходит очередь до парторгов. Сначала я поднимаюсь и заявляю, что я этого делать не буду, потому что я считаю, что вся история с Черкасовым надумана, и разоблачать его, во всяком случае, не буду. Ну, понятное дело – шум. Секретарь партбюро предлагает строгий выговор – мне и заодно Трухину. Потому что он тоже ничего не делал в этом плане. А Георгий Васильевич (это год 1956 был – еще не прошло и 20 лет после 1937 г.), он чувствует чем пахнет, у него свежа память была о 37 г., начинает себя спасать, а заодно и меня. Тогда у каждого парторга были дневники (нас заставляли вести дневники парторга – я ничего не вел, а Трухин вел). «Вот смотрите, – говорит он и начинает зачитывать – я всегда был против всего этого, читает: такой-то день, собрание «Эй, товарищ..!», я сказал, что я против этого собрания, Плотникова назвала меня дураком». Тут, конечно, хохот, про наш выговор забыли, и нас с Богом отпустили. Но такая ситуация продолжалась достаточно долго, Черкасова не посадили, но из университета «вышибли» на завод, студентов некоторых исключили из университета и таким образом все-таки «зажали» их самостоятельность.

Оттепель закончилась заморозками. В определенном смысле, стало хуже, в смысле комсомольской работы, да и партийной, она заформализовалась. Обе организации (партийная и комсомольская) активно работали, но это была работа иного плана. Это была бурная деятельность, но строго в рамках существующего порядка вещей.

О своей научной работе. Когда я писал диссертацию, у меня была всего одна ссылка на Сталина, на «Краткий курс истории ВКП(б)», каким-то образом эта ссылка выпала, и я помню, в Москве, когда обсуждалась диссертация, А.И. Данилов берет ее в руки и говорит: «Вот, смотрите, писалась тогда, а сейчас 1958 г., и ни одной ссылки на Сталина».

Нет, собственно говоря, коренной разрыв с догматизмом тогда, конечно, не произошел. Я когда готовился к защите, читал разные диссертации. Чего только не читал. Например, по историографии средних веков один из авторефератов начинался с ссылки на речь Берии. Помню пять диссертаций, написанных на одну и ту же тему – начало революционной деятельности В.И. Ленина.

В 60-е гг. на факультете появляются и свои диссиденты, конечно, а как без них. Это где-то конец 60-х – начало 70-х гг. Было достаточно громкое дело на факультете, когда была раскрыта и арестована нашими доблестными органами группа Крамаренко. Это были студенты, которые занимались самиздатом и распространением его. Распространяли, в частности, письма Аллилуевой. Это была главная их вина. Вторая: критика строя. Критиковали в разговорах, в комнатах общежитий. Самиздат распространялся достаточно активно, потому что через моего друга Н.Н. Киселева, эти письма дошли до меня, и я их читал, а теперь в качестве декана должен был на них реагировать. Такая вот «загогулина» получилась, говоря словами Ельцина. Я знал, что это не подцензурная, так сказать, литература. Переворота в мыслях особого эти письма не вызывали, а вот интерес – да. Большой интерес, но скорее даже в таком профессиональном плане – расширение своих представлений – и о Сталине, и об окружении его, и обстоятельства его отношений с дочерью, и история ее любви. Делу был дан ход, нас вызвали на прочистку в обком, потом было собрание на факультете. Деканом я стал в 1967 г., ну вот как раз к моему деканству был этот подарочек – либо конец 1967, либо начало 1968. Собрание было бурное, потом «разбор полетов», я при этом пытался сохранить какие-то элементарные нравственные понятия, не давить особо, за что, понятно, сам поплатился, на долгие годы заслужив в партийных инстанциях славу «покровителя диссидентов».

Но перейдем к главному. В эти годы, по нарастающей, факультет обретал свой мощный научный и образовательный потенциал. И, конечно же, лидером здесь являлась кафедра истории СССР. Это

чрезвычайно активная деятельность Разгона, который какое-то время, понятно, находился в трансе, потом с помощью своих коллег и прежде всего Данилова пришел в себя и затеял огромное дело – создание истории Сибири. Это была его идея, и здесь он сошелся с Окладниковым. Начинаются поездки, конференции, подготовка материалов, и, видимо, шло какое-то расширение и штатов. Его кафедра становится носителем этих инноваций в развитии исторической науки, вот тогда-то и проявляется роль Томского центра. Хотя в Новосибирске был Институт истории, академгородок, но практически гуманитарным центром во 2-й половине 1960-х – начале 1970-х гг. во многом являлся ИФФ ТГУ. Это все заканчивается выпуском 5-томника «Истории Сибири», затем сразу же новые издания – история рабочего класса, история крестьянства – тоже многотомники.

На ИФФ появляется весьма деятельно работавшая лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири.

Другие кафедры, каждая по-своему, но все же пробивали свои пути, становились известными за пределами Томска. На нашей кафедре образовалось достаточно активное ядро: В.С. Гурьев – очень интересно работал тогда, хорошо работал и Каплюк, В.М. Мучник появляется, Г.И. Пелих очень захотела на кафедру к Александру Ивановичу, и тот ее взял со странным условием не преподавать то, что она преподавала, – первобытное общество и этнографию, а читать только древнюю историю, историю древнего мира. Древнюю историю она читала интересно, студенты с открытыми ртами сидели.

Мое деканство. Оно было с 1967 г., потом с перерывом – с 1974 г. (я стал первым деканом ИФ). Ну, что вам сказать, это была немилая работа, я очень не хотел быть деканом. Помню, сидим в партбюро, на меня все давят, соглашайся, я отказываюсь, наконец, Бородавкин мрачно сказал: «Чем скорее согласишься, тем скорее уйдешь». Все засмеялись, я махнул рукой и согласился.

Деканство было, в целом, достаточно спокойным. Я старался вести себя прилично, ответственно относился к своим обязанностям. Удалось сохранить факультет, а опасности были – сокращение штатов – сначала набора, а потом штатов. Это было связано с какими-то бюрократическими играми в Москве. В один прекрасный день получаем план набора на очередной год, и на ИФ вместо 75 – 50 человек. Ну, я сразу оценил, что это значит. Меня поддер-

жал тогдашний ректор А.П. Бычков. По моей просьбе мы сразу же вместе вылетели в Москву в Министерство высшего образования РСФСР. И вот ситуация: бродим по всем кабинетам власти, все нас поддерживают: «Ну как же! Да конечно же! Да Томск, мы же знаем, да вы все можете!» И ни на шаг дело не продвигается. Я тогда, от отчаяния уже, звоню А.И. Данилову – он был министр просвещения РСФСР. Я к нему обратился с просьбой о помощи. И он буквально в один день уладил все это дело. Договорился с министром высшего образования Столетовым, передал ему из своего министерства эти 25 человек, специально для Томского университета. И таким образом была решена проблема. Это я считаю одним большим делом, которое сделал, может быть и главным, поскольку был сохранен факультетский штат.

Важным направлением в моей работе было стремление развивать те школы и направления, которые уже сложились на факультете. За это время значительно улучшился качественный состав преподавательского корпуса – выросло количество докторов и кандидатов наук. Решали, опять-таки разумно, проблемы из практической жизни – нормальное функционирование факультета, учебного процесса. А при наличии обкома и исходившей из самых высоких партийных инстанций дурости это подчас было трудным делом. И, может быть, действительно, мой авторитет здесь помогал. Вот один пример: вышло очередное постановление ЦК «О непрерывном изучении общественных дисциплин», суть которого заключалась в том, что, начиная с 1-го и кончая 5-м курсом, должно быть непрерывное изучение всего цикла этих дисциплин в вузах и на всех факультетах. Но когда я стал смотреть на реальное положение, то оказалось, что такое постановление не только не улучшает, а, напротив, ухудшает дело: разрывалось изучение научного коммунизма. Оно начиналось на 4-м курсе, затем 2-месячный перерыв, даже не 2-месячный, а еще плюс практика 2 месяца, получается 4 месяца, а затем на 5-м курсе, в конце последнего семестра, – глупость совершеннейшая – диплом и госэкзамен, и студентам не до научного коммунизма. Заведующим кафедрой философии был К.П. Ярошевский – человек разумный. Я к нему с этой идеей пришел, чтобы с научным коммунизмом покончить уже на 4-м курсе, не переносить его на 5-й курс, никакого непрерывного изучения. Он меня поддерживал, мы так и сделали. Все было хорошо, пока кто-то не наябедничал в обком партии. К этому времени я уже перестал быть

деканом, деканом стал после меня Жигалов. На него накинута Кириллов (секретарь по пропаганде), ругал его. Мне это сошло, а ему пришлось мучиться с этим, оправдываться. Такие вещи встречались и с организацией практики студенческой, но главной цели, я считаю, мне удалось добиться – это стабильность факультета. И рост факультетских школ на основании этой стабильности.

О разделении историко-филологического факультета. Теперь многие жалеют об этом разделении, потому что ИФФ был сильнее, сплоченнее, чем каждый из выделившихся факультетов. Однако я был одним из инициаторов такого разделения, это была объективная необходимость, заключавшаяся в том, что к этому времени не только в Томском университете, но и в других университетах страны историческое и филологическое образование очень усложнилось. Появилось множество различных субдисциплин, и в одних рамках существовать факультет просто объективно уже не мог, потому что иначе возникали бы сложности для дальнейшего развития исторических и филологических кафедр и всего процесса образования и научных исследований. Это естественные процессы роста нашей науки, усложнения ее, появления новых проблем, что неминуемо вело к специализации.

Особых сложностей в разделении я не припоминаю. Тогда деканами были избраны у филологов Н.Н. Киселев, у историков – я. Мы разделили наши кабинеты. Я остался в прежнем, а какое-то время деканаты еще были общими, потом и они тоже разделились, секретарь факультета ушла с нами – знаменитая тогда Елена Федоровна Матасова. Сложности, пожалуй, были больше у филологов, которым надо было доказывать право на существование. До этого они, как правило, были в тени у историков, теперь им было необходимо показать, на что они сами способны. И они действительно очень много сделали для становления факультета. Это и Н.Н. Киселев, и Ф.З. Канунова, и В.В. Палагина. Короче говоря, все те, кто тогда стоял у руля филологического образования, действительно, очень много сделали для становления факультета как жизнеспособного организма.

Ну, а нам свою жизнеспособность доказывать не надо было, у нас это прошло более или менее спокойно.

Инициатива разделения исходила от самого факультета, от его коллектива. Тем более, что это отвечало общей тенденции, которая

тогда в стране существовала, – более детальная специализация высшего образования.

В период моего второго деканства (1974–1981) главной проблемой являлось развитие факультета в его новых рамках.

Это был период «развитого застоя», который, напротив, характеризовался бурным ростом факультета и всего университета. На всех кафедрах значительно возрастает число защищенных докторских диссертаций, возникают новые кафедры. Это было время развития новых исторических дисциплин, которые начинают внедряться в исторический процесс, появляются новые спецкурсы, новые спецсеминары. В это время на факультете появляется специализация по истории КПСС, во главе которой стоял Ю.В. Куперт. Кафедра КПСС была общеуниверситетской, но специализация осуществлялась на историческом факультете. И нам даже дали какое-то количество студентов – 25, по-моему, специализирующихся по истории партии в рамках исторического факультета.

Вместе с тем это было время роста диссидентских настроений. Они были у некоторых из молодых преподавателей нашей кафедры, таких как В.С. Гурьев и В.М. Мучник. На их жизни это отразилось довольно плачевным образом, в том смысле, что известная контора бдительно следила за ними. И того и другого туда вызывали не раз. У Мучников обыск был. И я должен сказать, что моя твердая позиция способствовала тому, чтобы они остались на факультете. Мучник, более того, появился на кафедре. Он окончил аспирантуру, затем оказался в проблемной лаборатории, там была у меня такая группа, где одно время вместе и он, и Николаева, и Светлана Ким работали. Довольно сильная группа. А затем я перевел Мучника на кафедру.

Сам я, естественно, в особой милости у властей не был, считался защитником диссидентов, совершенно незаслуженно, но так меня секретарь обкома именовал. Но санкций какого-то рода не было. С одной стороны, я достаточно твердо вел себя в отношении того же Гурьева или Мучника, но, видимо, у меня уже был некий авторитет, с которым должны были считаться власти, и поэтому все для наших диссидентов закончилось более-менее благополучно.

Но вернемся к делам научным. Одним из заметных фактов интенсификации научных исследований на факультете стало образование в ее структуре в 1968 г. ПНИЛ ИАЭС.

Она появилась на волне, которая была поднята еще А.И. Даниловым, когда он был ректором, до начала 1967 г., создаются новые научно-исследовательские институты, в рамках университета, при университете. Так возник институт прикладной механики и математики, а также институт биологии и биофизики. И вот, правда, уже не в качестве института, но проблемной лаборатории, по инициативе, прежде всего, крупнейших наших историков, таких как И.М. Разгон, А.П. Бородавкин, возникла и проблемная лаборатория истории, археологии, этнографии Сибири, первым руководителем и создателем которой был Александр Павлович. А вездесущий Савелий Владимирович Вольфсон, который в это время очень активно сотрудничал с центральными московскими молодежными органами, в том числе КМО, который возглавлял будущий глава ГКЧП Янаев, и обладал поэтому большими финансовыми возможностями, добился создания в рамках этой лаборатории отдела международных отношений. А поскольку и я стремился свою руку приложить, то в рамках этого отдела возникла группа по историографии и методологии истории. Вся проблемная лаборатория в этот период – конец 1960-х – 1970-е гг. – росла буквально как на дрожжах. Чуть ли не каждый год новые ставки, новые люди появляются, новая проблематика. При этом она существовала в значительной степени на деньги, которые добывал Вольфсон, хотя и бюджетное финансирование было достаточно хорошим. Там был свой штат – Зиновьев, Кулемзин, Черняк, Лукина. Те, кто оканчивал истфак, аспирантуру, туда уходили. Они преподавали на факультете мало. Конечно, для них это были трудности, уже позже, когда лаборатория стала затухать, в связи с уменьшением финансирования – в 1990-е гг. Она и сейчас существует, но в жалком виде. Ее кадры начинают переходить на факультет, на преподавательскую работу, и для многих из них это было очень сложно, потому что у них не было опыта преподавания.

Создание в вузах академических подразделений в какой-то мере объясняется тем, что шла конкуренция между академической и вузовской наукой. Они создавались как противовес первой. Ведь тогда стоял вопрос – что развивать – академическую или вузовскую науку. Тогда правительством был сделан совершенно ясный курс на академическую науку. А на местах очень серьезно боролись за выживание вузовской науки, ее развитие. И Томск был, собственно, одним из центров, где это во многом удалось. Не только сохранить

вузовскую науку, но и усилить ее, благодаря созданным в конце 1960-х гг. научно-исследовательским центрам и лабораториям. Е.К. Лигачев, например, был за академическую науку, безусловно. Одна его поддержка Зуева чего стоит. Но я думаю, что он не мешал также и развитию вузовской науки, во всяком случае. Инициатива создания этих институтов шла от самих вузов, снизу. У властей была идея – развивая академическую науку, оставить вузы скорее всего преимущественно как образовательные центры. А вузы боролись за то, чтобы быть и научными, и образовательными заведениями. И если говорить о Томском университете, то он справился с этой задачей. Конечно, сейчас эти научно-исследовательские учреждения, о которых идет речь, переживают не самое лучшее время, но было время, когда тот же НИИ ПММ гремел по стране, это был один из самых основных центров космических исследований, недаром сюда несколько раз приезжал Рукавишников и другие космонавты.

Исторический факультет, безусловно, выходил на всесоюзный уровень, был признанным центром по изучению истории. Один Разгон чего стоит! На международном уровне отметилась наша кафедра, хотя я бы не стал это преувеличивать. Правда, уже тогда завязывались международные связи, причем по инициативе зарубежных коллег. Они находили нас, наши работы. Более того, впервые само понятие «томская историографическая школа», насколько я знаю, было введено в оборот не у нас, а за рубежом крупным польским историком Анджеем Грабски, который опубликовал в 1972 г. большую рецензию на наши сборники, которые начиная с 1964 г. стали выходить регулярно, – «Методологические и историографические вопросы исторической науки». С развернутой характеристикой этих сборников, их высоким научным уровнем, ролью Данилова. И вот здесь он и сформулировал понятие томской историографической школы. Эта рецензия начиналась с признания того, что как это ни удивительно, в далекой Сибири, в Томске, создан такой центр и выпускает такие сборники, которые не под силу и многим европейским университетам. Потом он внимательно следил за нашими изданиями, откликался на них сочувственными рецензиями. Завязались прочные научные связи также с восточными немцами (ГДР), болгарами. Связи наши проходили на московском уровне (Томск ведь был закрытым городом), на конференциях всесоюзных и международных, на которых участвовали сотрудники

кафедры. Кроме того – взаимный обмен книгами, рецензии и отзывы, оживленная переписка.

Ведущим академическим и научным центром в области истории был все же Новосибирский академгородок, там был Институт истории СО РАН, но там была сильна только наука. А преподавать они, между прочим, нас звали. Вот меня несколько раз приглашали в Новосибирский университет читать лекции. И я помню, в один из этих приездов проходил чемпионат мира по хоккею. Как раз в эти дни, в эти часы, и это не срывало моих лекций. Безусловно, в учебном плане Томск был самым сильным тогда за Уралом.

Перестройка в 1985 г. была провозглашена, но реальные процессы пошли несколько позже. Что изменилось..? Во-первых, это относится, конечно, особенно ко всеобщникам, к нашей кафедре, – доступ к зарубежной литературе стал более широкий. Стали появляться многочисленные книги, переводы, исчез спецхран, распространяются новые идеи, новые взгляды по существенным проблемам и всеобщей истории и методологии истории. Это уже в конце 1980-х – начале 1990-х гг. отчетливо проявляется. Главное же, оборотной стороной краха марксизма как официальной идеологии стала «методологическая анархия». Каждому необходимо было выработать собственную методологическую позицию. Резко возросло значение этической составляющей научной и педагогической деятельности. Добавлю, что в своей работе со студентами, я потерял положение, которое у меня было раньше, а именно – поскольку я знал более-менее языки и работал не только в томском спецфонде, но и в московских всяких, то у меня практически была монополия на эту литературу, а теперь она по понятным причинам закончилась. Это одна сторона дела, с другой стороны, не надо забывать, что с начала 1990-х гг. резко ухудшилось материальное положение и факультета, и его сотрудников. Борьба за выживание стала проблемой № 1 и в жизни факультета, и в жизни отдельных сотрудников. Борьба, которая в некотором смысле не окончилась сейчас: многие работают в разных местах, на многих работах, что, конечно, сказывается на качестве преподавания и научных исследований.

В советское время материальный уровень преподавателя был высоким. Я уже не говорю о профессоре, но даже доцент получал 320 руб. – зарплата была значительно выше средней, а у меня было 650 руб., ректор какое-то время получал меньше, чем я, потому что я получал как профессор, как заведующий кафедрой, как декан фа-

культета. Я помню выражение А.П. Бородавкина, нашего известного острослова, о защите кандидатской диссертации: «Два часа позора – и благополучие на всю жизнь». Сейчас, увы, так не скажешь не только о кандидате, но и о докторе наук.

По-настоящему в этот период за изучение белых пятен в истории СССР XX в. и изучение истории России с новых позиций взялась кафедра истории СССР советского периода. В какой-то мере М.Е. Плотникова начала этим заниматься, а затем С.Ф. Фоминых, я имею в виду его обращение к специальному изучению белого движения и белых правительств на территории Сибири. И.М. Разгон, слава Богу, не дожил до этих времен. Для него это было бы большим ударом. Он всю жизнь положил на изучение и служение революционной идее.

О реакции на факультете на события конца 1980-х – начала 1990-х гг. Разные преподаватели по-разному отреагировали на эти события в общественном и политическом плане. Наиболее ярко и эмоционально выразила свое отношение Л.Г. Сухотина. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. – ее звездный час. Она была попечительницей какого-то, ну, мы тогда смеялись, дворянского собрания. Ну, не дворянского, но какой-то организации в городе, которая утверждала новые формы, вела борьбу против старых коммунистических устоев. Эта организация была демократической направленности, выразителем которой был С. Сулакшин. Тогда у них были очень тесные отношения с Сулакшиным, в плане взаимной поддержки. Когда развернулась борьба в начале 1990-х гг. за то, кого президент назначит своим представителем в Томской области, то она попала в число самых ярких сторонников Сулакшина, ездила в составе группы его поддержки в Москву, доказывала его богоизбранность в этом плане.

А противоположная позиция – это Николай Сергеевич Черкасов, который вступил, тогда была какая-то некая некоммунистическая партия, не помню, как она точно называлась, кажется, «Социалистическая партия трудящихся» (компартия же была запрещена Ельциным), в эту новую партию, стал одним из ее руководителей, защищал социалистическую идею. То есть в этом смысле жизнь на факультете была очень напряженной. Хотя это два крайних полюса, но остальные были где-то между. Были и массовые выходы из КПСС – та же Сухотина, Жеравина, несколько позже – Тренин и другие.

Преподаватели вынуждены были перестраивать свои курсы, особенно те, кто читал историю советского периода или новейшую историю, это совершенно понятно, они должны были делать это. Что касается преподавателей других дисциплин, то на нашей кафедре было существенно переосмыслено преподавание, например, того же курса истории средних веков, что делала Николаева. Например, сама проблема перехода, особенно остро – проблема перехода к средним векам. В марксизме это было довольно просто – от рабовладельческой формации к феодальной. А вот Ирина Юрьевна над этим задумывалась в 80-е гг., когда начинала преподавание, так просто у нее не получалось. Там имелись какие-то другие факторы, военная организация общества, система личных отношений, которые не вполне подчинялись классовому принципу. Такая серьезная работа проводилась преподавателями всех курсов по кафедре.

Самая болезненная тема для разговора – это современность. А болезненная знаете, почему? Потому что еще непонятно не то, что произошло, а какие последствия будут у того, что произошло. Потому что, с одной стороны, безусловно, это время было временем продолжающегося развития факультета. Во всяком случае, со второй половины 1990-х гг., совершенно точно, это развитие пошло. Мы получили грант ведущей научной школы, С.Ф. Фоминых начинает свою эпопею с изданием словаря профессоров ТГУ, совершенно новый факт в истории университета, который тоже пока не вполне оценен. У нас начинается, по нашей кафедре, серьезная работа по пересмотру основ курсов, ведущихся на кафедре, затем возникает проблема методологического синтеза, чем занимается И.Ю. Николаева. Проходят конференции, почти ежегодные, мы выиграли грант Сороса, это дало нам возможность проводить часто конференции, приглашать многих видных московских историков, так что это был, несомненно, значительный рост.

В той или иной мере это было на других факультетах, на других кафедрах, боюсь, кроме кафедры новой и новейшей истории. Там тот алгоритм, который был задан С.С. Григорьевичем, сохранялся, но, конечно, с изменением знака. То, что раньше ругали, стали хвалить, а суть от этого не менялась.

Кто хотел работать, тот этим и занимался. В этом смысле, конечно же, были созданы более благоприятные условия, чем в советские годы, в смысле возможности для духовно-интеллектуаль-

ного развития. Но материально стало намного хуже. Материальные проблемы не могли, в какой-то мере, не отразиться, в особенности, на подготовке научной молодежи. В аспирантуру тогда шли. Иногда можно прочесть, что народ перестал в аспирантуру идти, но у нас, во всяком случае, шли. Но, с другой стороны, они не могли отдаваться только работе в аспирантуре. Они должны были заботиться о хлебе насущном, особенно если семьи есть. Замедлился кадровый рост факультета, идет его постарение.

Сейчас ситуация в какой-то мере переломилась. Потому что стабилизационные процессы, которые пошли в стране, отразились и на жизни факультета, нашли свое выражение в том, что жизненный уровень как в стране, так и на факультете повысился. Но возникли новые проблемы. Самая острая – проблема жилья, теперь уже не будешь надеяться на государство, теперь квартиру надо иным способом добывать. Так что о последствиях будем говорить позже.

Вопрос о реформировании высшего образования и перехода вузов на двухуровневую систему образования. Тоже, сейчас очевидно, нельзя однозначно сказать, что ждет высшую школу. Свое отношение к этому я бы выразил понятием «настороженно-тревожное отношение». Почему? Потому что ломается та система образования, которая складывалась десятилетиями, я имею в виду даже не только советское, но и досоветское время, которая складывалась столетиями, в течение XIX в., во всяком случае начиная со второй половины XIX в., которая центрировалась вокруг фигуры профессора, преподавателя, его лекций, его взаимоотношений со студентами и тех не только профессиональных, но и нравственных устоев, которые были с этим связаны. Все это может рухнуть. Рухнуть потому, что Болонская система предполагает не систематические занятия, а набор каких-то кредитов, которые ты можешь где угодно набирать, каким угодно пунктом. Слушать какие угодно лекции, которые тебе нравятся, и не обязательно из истории, но и из любой другой науки. Вот я не верил, давно это еще было, но слышал от москвичей о жалобах западно-германских профессоров, что теперешний студент не знает, кто такой Бисмарк. И это в Германии! Почему? А потому, что он выбирает, скажем, историю искусств, или историю раннего Средневековья. Он получает углубленные знания по этим конкретным вопросам, но общей картины развития Германии и тем более всего человечества у него не создается.

Наши историки, я боюсь, сейчас будут иметь узкоспециальные знания. У них могут быть прекрасные знания по какой-то сложной узкой проблеме, без широкого охвата всего исторического процесса. А с другой стороны, будет ослабевать воздействие на студента преподавателя, дающего концептуальные основы не только профессионального знания, но и общего, мировоззренческого плана. Это первая и главная проблема и главная опасность. Сами посудите, как система строится: какая-то группа студентов встречается с преподавателем, получает от него задание, затем это задание проверяется им. Вот на таком уровне это общение и ведется. С другой стороны, ведь еще и условия должны для этого быть. Положим, у нас будет достаточное число компьютеров, но условия жизни в общежитиях едва ли скоро значительно улучшатся. Это приведет к значительному сокращению и преподавательского состава, и студенческого, потому что, в конечном счете, магистратура будет платной, если не целиком, то в очень значительной части, и не каждый в нее пойдет. А бакалавриат: на месте директора школы вы бы кого взяли – бакалавра или настоящего специалиста? Бакалавр – это недоучка, он даже диплом не пишет, не должен писать. Он не занимается наукой. Историческое образование дает не узкую профессию, а именно образование, которое дает возможность найти место приложения своих сил и знаний в самых разных областях – ведь где только историков нет!

Классическое образование, а тем более гуманитарное, нельзя так кардинально реформировать. Надо реформировать конечно, но отнюдь не таким образом. На протяжении времени, начиная с конца войны, радикальным образом его никогда не трогали – вводили что-то одно, заменяли что-то, но суть образования оставалась та же. По существу тот же набор дисциплин.

Позитивный момент, на чем особенно настаивается, – это возможность работы в западных, зарубежных вузах, поскольку дипломы будут конвертироваться, и таким образом это открывает возможность работать там. Однако на Западе в гуманитарной сфере очень высокая конкуренция – очень много желающих занять ту или иную преподавательскую должность. И еще не факт, что российский выпускник даже с магистерским дипломом может ее выдержать.

Ю.В. Куперт

ШТРИХИ БЫЛОГО*

Студенческая жизнь моя оказалась чрезвычайно насыщенной по многим причинам. Во-первых, нужно было хорошо учиться, оправдывать свою школьную медаль, хотя внешне казалось, что никто в группе на это никакого внимания не обращает. Это удалось. Хорошие оценки я, правда, получал, так как не мог претворить миф о сочетании большой общественной работы с отличной учебой в реальность, но чаще всего получал повышенную стипендию (260 руб.) и в конечном счете заработал диплом с отличием. Во-вторых, я сразу активно занялся спортом. Уже на втором курсе стал членом комсомольского бюро факультета, затем членом президиума областного совета спортобщества «Наука», который возглавлял тогда политехник Олег Алимов. Помимо этого, я был членом комитета комсомола университета, вел спортивные секции на общественных началах, выступал на соревнованиях по гимнастике, легкой атлетике, лыжным гонкам, а потом и слалому, прыжкам на лыжах, был в сборной университета по волейболу и даже во второй сборной по баскетболу. В-третьих, не давала мне покоя и самостоятельность, так что участвовал в факультетских капустниках в качестве сочинителя и исполнителя (мы их, собственно, и начали тогда) и даже в танцевальном ансамбле факультета (впрочем, без особого успеха). В-четвертых, в меру увлекался и научной работой, выступая на научных студенческих конференциях.

---

* В сокращении.

Не могу не заметить, что интерес к какой-то конкретной специализации у меня определился далеко не сразу. Достаточно перечислить названия моих курсовых работ: «Речение Ипувера как свидетельство социальных конфликтов в истории Древнего Египта», «Иван Грозный – идеолог самодержавия», «Гуситские войны в Чехии», «Огюст Бланки – выдающийся французский революционер» и дипломную работу «Исследование Ф. Энгельсом закономерностей развития капитализма в Англии». На третьем курсе я начал специализироваться по кафедре новой и новейшей истории, но уже зимой 1950 г. после ареста ее заведующего Кугеля кафедра была расформирована, преподаватели и студенты вошли в состав кафедры всеобщей истории, которую возглавил А.И. Данилов. Благодаря этому мне удалось у А.И. Данилова прослушать не только курс истории средних веков, прочитанный просто блестяще, но и спецкурс по истории Английской буржуазной революции, который, судя по всему, он больше никому и не читал.

Преподавателей во время обучения в университете было много и разного уровня. Это вовсе не означает, что кто-то из них не заслуживает глубокого поклона и благодарности. Каждый что-то дал в меру своих сил, способностей и умения. С учебниками в конце 1940-х – начале 1950-х гг. было сложно, поэтому большинство студентов писали лекции и потом их тщательно штудировали. Мы быстро поняли, что порой скучные и, как нам казалось, неинтересные лекции в конспектах представляли в виде логически стройных, насыщенных важным историческим материалом, а некоторые, вроде бы яркие лекции, в записи оказывались несколько поверхностными. Поэтому выделю тех преподавателей, которые оставили наиболее яркий след. Прежде всего, мы встретились с профессором Эдуардом Константиновичем Гриневичем. Он вел историю стран древнего Востока, историю первобытного общества и археологию и сразу же сразил нас своей колоссальной эрудицией, высокой эмоциональностью лекций и любовью к своему предмету, прежде всего археологии. Обилие познаний порой мешало ему строить лекции достаточно пунктуально, зато они были очень интересны. Внешний вид и взрывная энергия поневоле наталкивали нас на сравнение профессора с В.И. Лениным. Очень жаль, что ему пришлось уже после первого семестра 1948/49 учебного года уйти из университета, отнюдь не по собственному желанию, а после варварской акции, характерной для тогдашней жестокой системы. Его

молодая жена вела у нас латынь. Занятия были насыщенными, требовательность преподавателя очень высокая. Уверен, если бы мы учились у нее все два года, отведенные на курс латыни в учебном плане, мы бы знали ее гораздо лучше, чем получилось в конечном счете. После Э.К. Гриневича его курсы стал вести приехавший из Дрогобыча доцент Иван Гаврилович Коломиец. Он не был специалистом по древней истории, вел раньше основы марксизма-ленинизма, но будучи человеком далеко не ординарным, этот бывший фронтовик, окончивший войну, кажется, в звании майора, проявил огромную волю, незаурядный ум и работоспособность. Во всяком случае, лекции его, далеко не столь эмоциональные, как у Гриневича, были прекрасно структурированы и в полной мере отвечали целям учебного процесса. Я убедился в полной мере в его педагогическом таланте, когда писал под его руководством дипломную работу. Несмотря на болезнь (туберкулез), И.Г. Коломиец не давал поблажки ни себе, ни другим. Его отношение ко мне проявилось в том, что он дал мне рекомендацию для вступления кандидатом в члены партии в 1952 г. (Одну из рекомендаций в члены партии я получил через год от А.И. Данилова). Для студента это значило в то время очень много.

Бесспорно, наивысшим авторитетом у студентов ИФФ в то время пользовался Александр Иванович Данилов. Не только и даже не столько потому, что он был очень энергичным, требовательным деканом (после доцента А.А. Скворцовой), благодаря чему находился в тесном и постоянном контакте со студентами, но главным образом потому, что мы очень быстро поняли, что Александр Иванович наиболее фундаментально подготовленный историк на факультете, выделяющийся глубоким пониманием различных проблем исторической науки, даже не относящихся непосредственно к медиевистике. Для этого достаточно было побывать на одной из многочисленных тогда теоретических конференций на факультете, не говоря уже о его курсе по истории средних веков. Вспоминая его лекции или спецсеминары, лишний раз ловлю себя на том, что методика в преподавании имеет гораздо меньшее значение, нежели ей приписывают. Главное – личность преподавателя, его воздействие на обучающегося посредством ума и логики мысли. Трудно назвать правило методики, которое бы не нарушал А.И. Данилов, но для студентов это не имело никакого значения. Главными всегда оста-

вались содержание его лекций, выступлений, их убедительность и глубина.

Необычайно интересна фигура Александра Павловича Бородавкина. Когда мы начинали учиться на факультете, он был еще старшим преподавателем, прошел фронт, но воспринимали его студенты как сравнительно молодого человека. Да так оно и было. Ведь среди студентов значительную прослойку составляли фронтовики, близкие по возрасту преподавателям. Александр Павлович играл очень заметную роль в коллективе факультета – и преподавателей, и студентов. Бывший одессит, кладезь юмора, оптимист, он обладал редкостным даром общения. Играл с нами в баскетбольной команде, появляясь в общежитии, никогда не читал нотаций, избегал назиданий и проработок даже в адрес проштрафившихся, доверял студентам, и они отвечали ему тем же. Александр Павлович не прочь был сыграть с нами в шахматы, «забить козла» в домино, при этом ему удавалось никогда не опускаться до панибратства. Диссертацию он защитил с блеском, на этой защите яблоку негде было упасть, присутствовали не только преподаватели, но и студенты. Впрочем, мы и без ученой степени любили этого преподавателя, его удивительно красивый мягкий голос, яркую выразительную речь, умение сделать свои лекции не просто интересными, но нередко захватывающими. Если А.И. Данилов был интеллектуальным высшим авторитетом, то А.П. Бородавкин был самым любимым преподавателем.

В 1949/50 учебном году в разгар борьбы с космополитизмом на факультете появился Израиль Менделевич Разгон. Единственный тогда доктор наук, профессор, да еще и лауреат Сталинской премии, он сразу стал заведующим кафедрой истории СССР. Поскольку я специализировался по кафедре А.И. Данилова, лекции И.М. Разгона слушал всего один семестр. Читал он их, используя типографские тексты, но вполне свободно, с большим напором. Порой казалось, что знания просто распирают его и, отвлекаясь от непосредственной темы лекции, по аналогии И.М. Разгон начинал рассказывать такие вещи, которые нам были абсолютно неизвестны, да и узнать их мы нигде не могли. От него мы услышали о так называемом дневнике Анны Вырубовой (позднее, когда я был уже преподавателем, он предоставил мне возможность познакомиться с ним подробнее), как-то целых полторы лекции он потратил на изложение мемуаров Деникина. И.М. Разгон внес свежую струю в

жизнь факультета, добавилось страсти и споров в теоретических дискуссиях, появились некие оттенки связи нашего периферийного вуза со столичной вузовской и академической наукой. Именно благодаря И.М. Разгону на факультете появилась аспирантура по истории: научная жизнь факультета получила серьезный толчок.

Вообще на факультете было много ярких фигур среди преподавателей. Каждый из них оставил заметный след то ли от непосредственного участия в учебном процессе, как, например, Н.Ф. Бабушкин, П.В. Копнин, А.Л. Пинчук, Е.В. Елисеева, С.С. Григорцевич, М.П. Евсеев, К.П. Ярошевский, то ли от участия в жизни факультета, поскольку в этом студенты совершенно не были отделены от преподавателей (Н.А. Гуляев, Ф.З. Канунова и др.). Вспоминаются добрым словом такие преподаватели, как доцент Касаткин с его просто замечательно выстроенным курсом психологии. Кесарь Александрович Скворцов – оригинальный своеобразной внешностью, тембром голоса, умением преподавать логику в удивительно непонятной форме, но достаточно лояльный к студентам, которые относились к нему в общем хорошо. Оставила след в памяти его защита кандидатской диссертации. Защищал он ее в возрасте 60 лет, но очень страстно и эмоционально. Ответ оппоненту он озглавил «21 возражение профессору Попову» и сугубо торжественно его огласил.

Остались в памяти латинисты. О жене Гриневича речь шла выше. После ее отъезда у нас так и не было постоянного преподавателя. Часть занятий вел А.Л. Пинчук, которого все ужасно боялись, некоторые девочки просто до паники. Была совместитель из мединститута Миронова, хороший преподаватель, вызывавшая у нас симпатию. Во всяком случае именно от нее мы услышали, что расхожее выражение «Пусть тебе земля будет пухом» у нас употребляют только в силу недостаточной культуры и плохого знания латыни, так как римляне произносили его как проклятие, потому что дальше шли слова: «...чтобы собаки разрыли твою могилу и растаскали твои кости». Жаль, не помню в латинском варианте. С Мироновой связано еще одно очень грустное и тягостное воспоминание. Она умерла, и оказалось, что ее просто некому хоронить. Не помню, как уж получилось, но хоронили ее мы, студенты 128-й группы. Был, кажется, еще кто-то из мединститута, но все основное делали студенты. Было это весной, могилу до краев залило водой, гроб плавал, с трудом удалось его утопить и зарыть землей. Потом

мы в общежитии устроили маленькую тризну. Таким образом студенты университета отдали дань уважения преподавателю.

Еще один латинист преподавал у нас после Мироновой – Гольдштейн. В основном он вел занятия на юрфаке. Это был грамотный человек, окончивший один из престижных европейских университетов (чуть ли не Сорбонну). После присоединения Молдавии к СССР он попал в числе репрессированных в Сибирь, а после войны ему разрешили преподавать латынь в университете. Это на моей памяти был второй преподаватель, активно применявший наглядные пособия (первым был Гриневич). Он их сам готовил, они выглядели ярко, в цвете. Он приучал к знанию пословиц, одним словом, учил хорошо. Но был предельно мягок, никогда не делал студентам замечаний. Его не обошли стороной репрессии 1950 г.

Завершали изучение латыни мы уже с Э.Ф. Молиной, отличавшейся высочайшим уровнем интеллигентности.

Были неплохие преподаватели и по общественным наукам, хотя в очень незначительном количестве. Кроме Копнина и Евсеева, могу назвать, пожалуй, еще Демидова, преподававшего основы марксизма-ленинизма. Из преподавателей истории запомнились Кузнецов, заведовавший кафедрой истории СССР до И.М. Разгона, Кудрявцева, Пуговкина, древнерусский язык вела Молчанова, русскую литературу – Мальков. Специально остановлюсь на характеристике доцента Сидоренко.

Недавно с удивлением узнал, что многие мои согруппники его просто не помнят. Конечно, прошло 50 лет, но все же это удивительно, так как в моей памяти он остался как очень хороший преподаватель. Лекции, правда, были не очень яркими, но вполне добротными. Особенно умело он вел практические занятия: всегда так ставил вопросы, что поднимал целую дискуссионную бурю, а затем логически стройно обобщал дискуссию, выделяя наиболее точные и интересные выступления. Скорее всего, я очень хорошо запомнил этого преподавателя потому, что писал под его научным руководством курсовую работу об Иване Грозном, использовал много литературы и источников, в том числе и переписку с Курбским. До сих пор остается ощущение, что эта работа у меня получилась как самостоятельная, а не компилятивная, в отличие от большей части других курсовых. Видимо, сказалась и роль доцента Сидоренко. Позднее, уже в Челябинске, он защитил докторскую диссертацию

по Февральской революции 1917 г. Я приобрел и прочитал его монографию, написанную, как и ожидалось, очень неплохо.

Почему-то запомнилась Кувшинская, которая вела курс методики преподавания в средней школе. Очень приятная женщина, она была из числа первых преподавателей Томского рабфака при университете еще в 1920-е гг.

И еще одна колоритная фигура: Александр Емельянович Абрамович-Четуев. Именно он читал для первокурсников вводную лекцию по основам марксизма-ленинизма, поскольку был старым большевиком, вернувшимся вместе с Лениным в запломбированном вагоне из Швейцарии в 1917 г. Было, разумеется, любопытно увидеть человека, знавшего Ленина, но особого впечатления его лекция, несмотря на личные воспоминания, не произвела. Вскоре он уехал из Томска, и его имя вновь появилось в печати в конце 1960-х – начале 1970-х гг., когда он получал знак «50 лет пребывания в КПСС», ордена и другие почести. Были и другие преподаватели, но, как говорится, AUT BENE AUT NIGIL.

Мрачными приметами времени были репрессии. Постоянно шли какие-то процессы, людей сажали. Помню аресты того периода. Вернулись однажды после каникул и узнаем, что посадили студента Колю Платунова как врага народа. Позднее, когда он освободился, он все-таки окончил университет, стал доктором наук, профессором (не в Томске).

Посадили Кугеля – зав. кафедрой новой и новейшей истории. Перед этим он написал докторскую диссертацию. Она, говорят, была слабой и, хотя он защитил ее, была сильно раскритикована. Особенно досталось от А.И. Данилова. Когда после смерти Сталина началась реабилитация, она шла тяжело. В 1955 г. я работал уже в пединституте, случайно встретил Кугеля. Поздоровался с ним, а он меня не помнит. Я сказал ему, что был его студентом, специализировался на его кафедре. Он обрадовался и говорит: «Вы мне скажите, вот вы работаете в вузе, тем более что преподаете историю КПСС, был ли в моих лекциях антимарксизм?» Отвечаю: «Нет, конечно, не было. Было, честно скажу, некоторое вспыскувательство, когда вы выбрасывали такие лозунги, как: «Давайте накинem веревку на шею Чан Кайши и утащим его в Тихий океан!» Читали вы с энтузиазмом». Он действительно читал лекции бурно, активно, наступательно. Много выступал с лекциями в городе. Так вот, Кугель меня спрашивает: «А вы можете это подтвердить?» «Да, –

говоря, – везде и в любом месте». Он записал мои данные, и через некоторое время меня вызывают в областную прокуратуру к Князеву. Князев говорит, что вот, мол, к ним обратился Кугель, он ссылается на вас как на свидетеля по его делу. «Вы можете подтвердить, что никакого антимарксизма он в своих лекциях не допускал?» «Да, могу. У меня все его лекции записаны, я могу их найти». «Так вы были тогда студентом? Ну, мы таких студентов можем найти сколько угодно. Все, вы свободны». Мое свидетельское во внимание принято не было. Кугеля реабилитировали позднее. Его видели потом в Москве, где он в конце концов защитил докторскую диссертацию. О дальнейшей его судьбе не знаю.

Арестовали Гольдштейна – преподавателя латыни. Я разговаривал позже со следователем КГБ Артуром Гузьяевым, который учился на юрфаке и тоже был его студентом. Ему довелось, в связи с начавшейся реабилитацией, пересматривать дело Гольдштейна. «Я, – говорит, – спрашиваю его, – почему вы на первом же допросе сознались, что были резидентом немецкой разведки, а потом к этому добавилась и английская, и французская?» Он ответил, что так было разумнее сделать, чем ждать, когда из тебя эти признания выколотят пытками, и что лучше сразу признаться и, возможно, выжить. Гольдштейна реабилитировали, но в университете он больше не работал, куда-то уехал.

Зимой 1948/49 учебного года к нам домой пришел профессор К.Э. Гриневич. Говорит: «Василий Иванович, мне нужно с вами поговорить». Отец пригласил его к чаю. Оказывается, Гриневичу принесли предписание из районного отделения милиции в течение 48 часов покинуть город Томск (он, наверное, был из сосланных, точно не знаю). Отец звонит начальнику МВД по Томской области Корнильеву, тот отвечает, что ничего об этом не знает, начальнику МГБ Турчанинову. Тот тоже удивлен, говорит, что такие вещи не проходят мимо него, но об этом ему ничего не известно. Через некоторое время Турчанинов сообщает: «Навел справки. По нашей линии никаких претензий к Гриневичу нет». Отец во время этих телефонных переговоров возмущался хамским отношением к профессору. Звонит Корнильев: «Это, Василий Иванович, непосредственное указание административного отдела обкома, они даже меня миновали и позвонили напрямую начальнику отделения милиции». Отец звонит этому начальнику отдела (нашел его дома). Тот отвечает, что получил непосредственное указание от первого

секретаря обкома. «Лично получил?» «Нет, не лично, а через приемную». Отец звонит А.В. Семину: «Алексей Владимирович, случилось такое безобразие, недопустимо хамское отношение к ученому, профессору. Может, вы знаете, что там произошло?» «Понимаете, Василий Иванович, тут мы с вами едва ли что-нибудь сможем исправить, потому что я дал обещание ректору ТГУ Макарову, дал согласие на увольнение профессора-историка, который то ли кадет бывший, то ли кто еще, с тем, чтобы принять на его место коммуниста. Конечно, вы можете быть спокойны, никаких сроков не должно быть. Это недопустимо. Но, раз дал слово, значит, я в каком теперь положении, я же не могу от слова отказаться». Вот в таком духе. И все.

Отец пытался Гриневича успокоить. Объяснил, что ситуация сложилась таким образом, что он, к сожалению, повлиять на нее не сможет, но все, что в его силах, сделает. «Первое: не обращайтесь на это предписание из райотделения милиции. Работайте спокойно. Второе: ищите себе другое место. Найдете – переедете. Будете переезжать, облисполком вам все оплатит и выдаст подъемные. Я прослежу, чтобы вас не обидели в финансовом отношении». Гриневич уехал тогда из Томска. Кажется, в Курск или в Новгород. Отец очень сильно был расстроен этим обстоятельством.

Он к ученым относился с большим пиететом. Между ним и Семиным работа была как бы распределена. Получилось так, что Семин не очень-то интересовал вузы, его интересовала главным образом промышленность. И это понятно. Выпуск военной продукции в условиях войны был главным участком работы. А отец занимался вопросами сельского хозяйства, лесной промышленности и курировал культурную сферу. Причем в культуре он работал вместе с Бурковым, а наукой и вузами занимался специально сам. Просто у него к этому было специфическое отношение. Наверное, потому, что он вышел из самых низов и всю жизнь жадно тянулся к знаниям.

Я окончил университет в 1953 г. На V курсе задумался о выборе дальнейшего пути. Уходили в прошлое учеба и общественная работа. Осталось в памяти многое, особенно спорт. Мы с Н.В. Блиновым учились в одной группе и вместе занимались спортивной работой. Блинов возглавлял спортивный совет университета, я был в комитете ВЛКСМ. Удалось сформировать заинтересованное отношение к спортивной работе в университете. В то время, в отличие

от нынешнего, студенты играли решающую роль в общественной жизни вуза. Создали специальные структуры, проводили соревнования. Кафедра физкультуры только выставяла судей и помогала нам эту работу вести. Помню, ректор Макаров перестал с нами здороваться, демонстративно отворачивался, встретив меня с Блиновым где-нибудь в коридоре. Это было уже на IV курсе. Мы к тому времени стали кандидатами в члены партии. Макаров не здоровался вот почему. Материальная спортивная база университета была тогда на нуле. Спортивного зала не было. Первое, что мы сделали, это поставили вопрос о передаче помещения овощехранилища на улице Никитина под спортзал. Там ничего, кроме гнилых овощей, не было. Разумеется, Макаров немедленно отказал. Мы снова к нему обратились, он опять отказал. Мы выступили в газете. Не помогло. Написали письмо в ЦК ВЛКСМ, который обратился в Министерство высшего образования. Министерство – к Макарову. Тот снова отказал. Тогда мы написали в ЦК ВКП(б), в газету «Правда» и в обком партии. Ну и везде выступали, где только могли. Говорили, что у нас закоснелый ректор, который не понимает элементарных вещей. Макаров вынужден был сдаться. Но нас отныне он в упор не желал видеть. Хотя при этом на партбюро он голосовал за наш прием в партию.

Нам в помощь кафедра физкультуры выделила Василия Викентьевича Кузьмина. Это одна из выдающихся фигур нашего города. До войны он выступал в цирке как борец и боксер. Потом стал работать в университете на кафедре физкультуры. Началась война, он ушел на фронт, имел ранение. После войны вернулся в университет. Мы познакомились с ним в 1948 г. Нас очень впечатляла его мускулатура, он обладал колоссальной физической силой и неимоверной выдержкой. Вспоминаю значительно более позднее время, когда отмечалось 100-летие университета, работники получали правительственные награды. Кузьмину должны были вручать медаль «За трудовое отличие». Я, будучи членом парткома, регистрировал участников торжественного собрания. Подходит Василий Викентьевич. Я ему говорю: «Что-то настроение у вас не праздничное». А он: «Понимаешь, я вчера упал, два ребра сломал». Вот он в таком состоянии пришел. А через некоторое время на него наехала машина. Он уже в возрасте был. Ему говорят: «Давайте отвезем вас в больницу». Он отвечает: «Вы меня сначала на стадион отвезите». Он там что-то недоделал, не отдал каких-то распоряже-

ний. Его отвезли на стадион, машина ждать не стала, уехала. Потом его с трудом доставили в больницу. Оказалось, что было сломано 4 или 5 ребер. Он был очень скромным и хозяйственным. Это был удивительный человек. Он тогда возглавил строительные работы. Работали студенты, он распоряжался. Сделали великолепный спортзал, зал, в котором и в волейбол играли, и в баскетбол, проводили зимние соревнования по легкой атлетике и пр.

Позже, уже в 1952 г., опять же с помощью В.В. Кузьмина мы построили стадион с дорожкой в 220 м. Подняли на это дело студентов и работали, естественно, в свободное от занятий время. Работа была адова. Это площадка за главным корпусом ТГУ, в котором в годы войны располагался завод авиационной техники. Там было полно всякой стружки, стекла и другого хлама! Я думаю, нам с Блиновым можно гордиться тем, что мы сделали тогда для университета.

И вот университет окончен. Николай Федорович Бабушкин советовал пойти ассистентом на кафедру истории КПСС в ТЭМИИТ (кто-то из института попросил порекомендовать им кого-нибудь подходящего). Александр Павлович Бородавкин уговаривал меня на должность заведующего партархивом, там тогда как раз вакансия была. Он говорил: «Зарплата там 1600 рублей, ты будешь около документов, быстро напишешь научную работу». Но представление об архивах у молодых людей очень смутное – что-то, связанное с пылью. Меня это не вдохновило. Скуп на слова был Александр Иванович Данилов, тогда он был деканом факультета. Он сказал: «Поезжай в Свердловск. Там последний год работают курсы преподавателей общественных наук. Займись философией или политэкономией, или историей партии». Влияние на меня он имел огромное. Я согласился.

Годичные курсы в Свердловске были открыты Министерством высшего образования. Шел третий набор. Курсы оказались очень эффективными. Там читались полноценные лекции, проводились полноценные практические занятия. Трехчасовая лекция, трехчасовой семинар, в группе 15 человек, и с каждым практически индивидуальная работа. Все было строго, выставлялись оценки. У меня все на «пять» было. Такие курсы и нужны для подготовки преподавателей вузов. Тогда в стране было три подобных учебных центра: в Москве, Киеве и Свердловске. После каждого курса – экзамен. Если нужно сдать кандидатский экзамен, давалась еще неделя для

подготовки. Я там сдал, таким образом, и кандидатские экзамены, за исключением иностранного языка. Из нашей группы нас было на этих курсах трое: я, И.М. Шакинко и М.И. Матвеев. После окончания курсов Матвеева направили ассистентом в ТПИ, а нас с Шакинко – в пединститут. Еще из Кемеровской области был Василий Южанин, его тоже направили в пединститут.

<...>

Был там Алексей Александрович Говорков, позднее профессор ТГУ, с которым я познакомился в 1954 г. Вот интересно – проходят годы, а человек не меняется. Могут поменяться взгляды, точка зрения на что-то, какой-то частный момент, но по большому счету он остается всегда одинаковым, таким, каков он есть с самого начала. Вот А.А. Говорков каким был в 1954 г., таким и остался до самой смерти. Вспыльчивый, яркий, активный, заядлый спорщик. Стремился убедить противника не только с помощью аргументов, но и силой повышенного звука, тембра и т.д. У него все время рождались какие-то идеи. Человек умный, глубокий, основательный. Очень был интересный человек.

<...>

*Куперт Ю.В. Штрихи былого // По страницам истории и судьбы:
К 70-летию профессора Ю.В. Куперта: Сборник науч. статей
и материалов / Под ред. Т.В. Галкиной, О.А. Харусь. Томск:
Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 12–74.*

Ф.З. Канунова

НАШ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ...

Я окончила Ленинградский университет и приехала в Томск в 1949 г. ЛГУ, который я заканчивала, славился своей кафедрой русской литературы, там работали блестящие ученые. Я, едуци сюда, очень боялась застать здесь провинциальность. А поехала я в Томск за библиотекой Жуковского. Потому что мне ученый наш, Михаил Павлович Алексеев, один из моих руководителей, сказал (впоследствии он стал академиком): если уж уезжать из Ленинграда, то только в Томск, там библиотека Жуковского. Именно она во многом определила судьбу и мою, и моих учеников.

Так вот, я боялась застать провинциальность, и к моей великой радости, на ИФФ я увидела и ощутила очень хороший уровень. Это и прекрасное классическое отделение, где работали блистательные классики, латинисты и специалисты в области греческого языка и литературы. И, конечно, ИФФ в то время создавала, как мы тогда их называли, могучая кучка людей, приехавших из Ленинграда и Москвы. Это был А.И. Данилов, который был в ту пору деканом факультета, затем он, как вы знаете, был ректором Томского университета, министром народного просвещения; это был Гуляев Николай Алексеевич, окончивший тоже ЛГУ и аспирантуру Герценовского педагогического института; это был Павел Васильевич Копнин – замечательный философ, москвич, впоследствии он был директором Института философии РАН. Это были люди очень высокого калибра.

Я помню первые же дни своей работы. Я попала на теоретический методологический семинар, где А.И. Данилов делал доклад о методологических основах «Капитала» Маркса. Я там ничего почти не поняла, что относилось к «Капиталу», но уровень мне был ясен – это был уровень настоящего исследователя, ученого.

Если говорить о А.И. Данилове как о декане, я бы выделила одну такую черту. Данилов придавал огромное, определяющее значение личности педагога и уровню педагогического преподавания. Он был убежден в том, что вуз как учебное заведение определяется прежде всего педагогическим составом. Поэтому, будучи деканом, он ходил на лекции, изучал уровень преподавания, он даже был у меня, которая тогда читала многие курсы (мы тогда читали все, это впоследствии, по мере приема новых работников, мы сумели как-то себя разгрузить, а тогда я читала историю русской литературы 18–19 вв., историю русской критики, всей, начиная с 18 в. и кончая 20 в., т.е. то, что сейчас читают 4–5 человек). И вот приду на лекцию. Данилов сидит, читаю Пушкина, Данилов сидит, слушает, читаю Толстого уже на другом курсе, Данилов сидит, слушает. По истории критики, помню, на Писарева, он пришел ко мне слушать. А потом, после каждой лекции он беседовал, делал свои замечания и позволял расти как-то, прислушиваться, совершенствоваться. То есть это была какая-то главная идея Данилова – уровень преподавания и личность педагога. Вот это, пожалуй, главное, что я запомнила, говоря об историко-филологическом факультете, о его позитиве.

Это был очень хороший факультет. Это особенность нашего факультета. Я никогда не помню там никаких ни склок, ни подсиживаний. Это всегда была очень чистая и честная атмосфера в отношениях с людьми. Это сохранилось до сих пор. Скажем, наша кафедра, да и другие кафедры тоже, я не могу себе представить каких-нибудь склок на кафедре, каких-нибудь сплетен. Все заняты делом. Это меня очень порадовало, потому что здесь я застала то, к чему я привыкла в Ленинграде. Это идет, конечно, от историко-филологического факультета.

Что касается отношений между представителями московской и ленинградской научными школами в Томске, я вам скажу так: в принципе, это было, но только не в Томске, а в Ленинграде. Когда я там училась, я очень часто слышала от своих учителей критическое отношение к москвичам и даже к московской филологической

школе, это было. А вот среди томских ученых не было соперничества между москвичами и ленинградцами, я этого не видела. Томск их объединил. Представители этих школ очень любили работать со студентами с документами и источниками на языке оригинала.

В Томске не было явно выраженных идеологических кампаний конца 40-х – начала 50-х гг. Здесь этого не было. Я вовремя уехала из Ленинграда. Я уехала под дикий посвист борьбы с космополитизмом. И я, слава Богу, уехала в Томск. Но здесь этого почти не было. Конечно, отголоски какие-то докатывались, но здесь это все было в неизмеримо более ослабленном виде.

Я защитила кандидатскую диссертацию в Ленинградском университете на тему «Журнал «Московский вестник» и его общественно-литературная позиция». Это журнал, в котором сотрудничал Пушкин илюбомудры – это философы Веневитинов, Титов, Шевелев, Киреевский. И вот это стык философии, литературы, истории, он мне свойствен как ученому на протяжении всей моей жизни. Когда Борис Михайлович Эйхенбаум – мой научный руководитель – мне дал эту тему, он не знал, что через три года откроется эта дикая кампания.

Он заметил мой интерес к философским аспектам литературы и предложил мне эту тему, но когда я подходила с уже законченной диссертацией, обнаружилось, что это космополитизм, это шеллингианство. Имя Шеллинга, даже Гегеля в то время произносить было нельзя. Когда Григорий Александрович Гуковский, один из блистательных наших профессоров, сказал, что он не считает Гегеля глупым человеком, то в рядах шорох, движение от смелости. Какая смелость сказать что-то о Гегеле доброе! И вот в такую пору я защищала свою кандидатскую. Но в целом защита прошла нормально, хотя было два голоса против. Хотя приехавший туда Архипов – аспирант, кстати, московский, выступил с резкой критикой в мою сторону, поскольку я посмела-де сравнить любомудров с декабристами. «Как это так!? Декабристы разбудили Герцена, а кого разбудили любомудры?» Вот была какая логика удивительная у него. Ну, и, конечно, у нас очень умный совет был, и проголосовали за меня (при двух, правда, «против» – испугались). Я приехала в Томск уже защищенная, но не утвержденная ВАКом, почему-то не было утверждения целый год. А было правило такое – если ВАК к чему-то там придирался, то вызывали диссертанта. И меня вызвали в Москву на предмет уточнения моей позиции по поводу «Москов-

ского вестника», ну и я стояла там перед заседанием экспертной комиссии и по возгласам почувствовала, что там накалена атмосфера против меня и вообще против ленинградской школы. И вот когда я им начала объяснять свою позицию, они немножко подобрались ко мне. Они задавали мне вопросы, наверное, убедились, что я не самая глупая. Нужно сказать, что из Томска в адрес этой экспертной комиссии пришли телеграммы от Данилова, Бабушкина, что Канунова прекрасный работник, и что она борется с космополитизмом. Это было самое блестящее в моей характеристике. В конце концов, я легко отделалась, вместо того, чтобы вернуть мне диссертацию, они попросили меня вставить какую-то цитату, и ее утвердили. То есть борьба с космополитизмом в какой-то мере меня коснулась.

В Томском университете не было этой вакханалии, во всяком случае любители, леваки всюду обнаруживались, но они не определяли пафос, атмосферу. В Томске этого не было. Так что, слава Богу, что я приехала в Томск. Здесь это все было чище. И Данилов, и Копнин прекрасно понимали, кто такой Гегель и кто есть кто.

Безусловно, что события после смерти Сталина отразились как на научной, так и на учебной деятельности. Я помню 20-й съезд и разоблачение культа личности. Мы перестали гоняться за цитатами Сталина и, наоборот, порадовались, что о негативных вещах, которые мы ощущали и о которых нельзя было говорить раньше, теперь говорить можно было. И вообще это расширило в литературоведении возможности анализа, широту, связь с русской зарубежной литературой, они стали более четко осмысляться в науке. Я думаю, что на ИФФ (и в этом его сила) было мало догматизма. Вот эти все – Данилов, Копнин, особенно Данилов, они не были догматиками. Для этого они были слишком знающими людьми, широко образованными людьми, и это исключало догматизм, цитатами они не прикрывались. 20-й съезд освободил нас от цитатничества во многом. Это было самым лучшим, что дал нам съезд.

Конечно, Данилов, например, был марксистом, этого и время требовало, были такие интересные симбиозы, но это не мешало ему изучать предмет. Я думаю, что в марксизме тоже было какое-то рациональное зерно. С позиций настоящего времени Данилова можно критиковать. Но это были его искренние убеждения. Я не перестаю говорить об этом: идеи социализма и то, что мы строим социалистическое общество, оказались утопичными, как мы с вами

прекрасно знаем. Но в свое время они сыграли колоссальную роль. И вот это молодым людям надо знать. Когда-то Ф.М. Достоевский поднимал на щит Дон Кихота Сервантеса не за то, что тот боролся с ветряными мельницами, а за то, что он был устремлен к идеалу. Он считал это высшим достижением мысли человеческой, потому что без идеала жить нельзя, и Дон Кихот, утративший идеал, успокаивал плачущего Санчо Пансо, ему было очень тяжело, это была трагедия, но это была светлая трагедия. Наличие идеала необходимо. Мы не должны перечеркивать то советское время, вера в идеал окрыляет людей и позволяет достигать очень многого. Ведь подумайте, сколько мы в ту пору сделали: и запустили спутники, и т.д. Откуда это взялось? Это ведь связано с верой в идеал. Нельзя перечеркивать. Никогда бы советские люди не достигли того, чего они достигли, если бы они не были окрылены этой верой. Но, оказалось, это утопично. Но наличие идеала необходимо. А сегодня нет у нас идеала. Сегодня очень все относительно. Для меня самое большое неудобство, и даже драма нашей жизни, это отсутствие сколько-нибудь понятных перспектив нашего развития (это для меня, я про себя говорю). Сегодня чем можно жить? И я говорю это своим ученикам: жить только, пожалуй, двумя вещами – это дом, семья, дети, внуки (в моем случае уже и правнуки) и профессия. Вот только двумя вещами этими жить. Сегодня очень не хочется выходить к политике, она очень невнятная, непонятная, грустная. Сегодня другая эпоха, и что-то мы потеряли, по сравнению с периодом советского общества, советской истории. Вот я так вижу, я так смотрю на вещи.

Я думаю, что факультет наш был очень хорошим, да он и сейчас очень хороший. Я думаю, что это идет еще от того, что было заложено еще в период ИФФ. Я считаю, что глубокая связь с историей, с историками очень много дала филологам. Я думаю, что тут была и обратная связь. Факультет наш был сильным, я не знаю, можно ли говорить, что он был самым сильным, у нас и естественные и точные факультеты в Томском университете тоже очень сильные были. Всегда и физики славились, и математики. Почему филологи были, скажем так, на виду, занимали хорошее место? Я думаю, в силу профессии, потому что филология, литература и язык – это ведь человековедение, это основы человековедения. Но, а что есть более главное, чем наука о человеке? И поскольку это сама по себе наука, причем чрезвычайно важная, ответственная, в какой-то мере

генерирующая атмосферу, постольку и факультет, конечно, был очень видным. С этим было связано еще и то, что его делали такие достойные ученые.

Факультет всегда выходил на всесоюзный, всероссийский уровень, а сейчас он выходит и на международный уровень, ведь наш факультет открыт, у нас сейчас бесконечные командировки в Италию, во Францию. К нам приезжают итальянцы, французы, американцы. У нас очень хорошие международные связи. Это, безусловно, широкий международный уровень.

Мы занимались библиотекой Жуковского, а Жуковский был, как говорил Белинский о нем, «литературный Колумб» или, как он его называл, «Коломб» Руси, открывший ей Америку романтизма. Жуковский был открыт всему миру. Он переводил со всех языков, и вот само занятие Жуковским выводило нас из каких-то узких национальных рамок, оно предопределило широкий международный масштаб наших научных поисков. Ни в коем случае мы не замыкаемся ни Сибирью, ни даже Россией. Это международный масштаб.

Хотя в те времена у нас было меньше международных связей, потому что очень долго был «железный занавес», как вы знаете. Ну, и в те времена, занимаясь писателями, которые постоянно учитывали опыт мирового искусства, мировой литературы, мы выходили туда. А потом, вы знаете, вы заметили, наверное, что у нас кафедра русской и зарубежной литературы. И это уже само по себе предопределяло выход за узкие рамки.

Томская филологическая школа, я думаю, школа признанная.

Одну из своих статей в журнале «Русская литература», которая должна выйти в первом номере журнала на следующий год, я написала в соавторстве с Юрием Михайловичем Прозоровым (работником Пушкинского дома в Санкт-Петербурге). В этой статье он написал совершенно великолепные слова о томской филологической, литературоведческой школе. Начинается эта статья с его слов: «Есть такое место в региональных российских школах литературоведения, которые нельзя назвать региональными, они приобрели не только всероссийский, но и мировой масштаб, это томская филологическая школа». И заканчивает он статью тоже очень интересными словами: «Да, это школа, но школа, в которой не учатся, а которая учит».

Когда мне говорят, «как Вы можете так хорошо отзываться о современной молодежи», то я считаю, что у сегодняшних молодых

людей есть свои большие преимущества во многом: они владеют и техникой, которой не было раньше, они больше знают языки иностранные, они более открыты миру. Но у них, правда, меньше чувства ответственности, это уж точно. Их желание работать связано с тем, насколько их заинтересует. Если их заинтересует, то они работают блестяще.

Я думаю, что изменение численного соотношения между юношами и девушками на современных гуманитарных факультетах связано, наверное, с желанием заработать больше и лучше обеспечить семью. А историческое и филологическое образование сейчас такой возможности не дает. Но дело не только в этом, надо еще думать. Сейчас молодежь ищет другие возможности, чтобы встать на ноги.

И сам Томск, и университет – они обладают каким-то удивительным, хорошим, честным академизмом. И вообще, была чистота, честность. Может быть, это идет от хорошей патриархальности, кто его знает? Прожила я здесь 56 лет, и я счастлива, что связала свою жизнь с Томском и Томским университетом, это прекрасно. Это во многом определило мое счастье и счастье в моей жизни.

Архив Музея истории ТГУ. Машинопись

А.Н. Жеравина

ТРУДНЫЙ ПУТЬ В НАУКУ

Я не могу сказать, что думала давно об истории, меня всегда привлекала профессия переводчика. Я прекрасно владела немецким языком, и в школе были уверены, что я стану переводчиком. Но в Новосибирске тогда не было факультета, где бы готовили переводчиков, а в Ленинград поехать у меня просто не было денег. Поэтому я остановилась на профессии учителя.

Мне история всегда нравилась, хотя досоветскую историю я знала не очень хорошо. Мне нравилась советская история XX в., нравилось творчески отвечать на уроках. Мы тогда очень много читали. На вступительных экзаменах в 1950 г. я сдавала 5 экзаменов: литература устно и письменно, иностранный язык, география и история. Мой ответ по географии получился такой, что экзаменатор просил меня поступать на географический факультет. Но я поступила на историко-филологический.

На первом курсе З.Я. Бояршинова дала мне тему курсовой работы по финно-угорским народам, но я тогда думала, что это дремучая тема, поэтому кое-как написала работу. Но тогда я и понятия не имела, какую перспективную тему давала мне тогда Зоя Яковлевна. На третьем курсе я для специализации выбрала кафедру всеобщей истории. С нашего курса на эту кафедру записалось всего 5 человек, а остальные 20 избрали кафедру истории СССР. В дальнейшем я написала и защитила дипломную работу по теме: «Ш. Петефи – идейный вождь революционной демократии в Венгерской революции 1848–1849 гг.».

Вообще у нас были очень интересные защиты, начинались они рано, с апреля, а дипломы выдавали только в конце июня.

Нам, первокурсникам, было очень интересно бывать на заседаниях студенческих научных кружков. Такой кружок был и по истории СССР. Руководителями кружков в то время являлись сами студенты-старшекурсники, преподаватели лишь курировали их работу. Запомнились доклады старшекурсников, оживленные дискуссии, в которых мы стеснялись участвовать: сказывался недостаточный уровень подготовки. Уже потом и среди нас были студенты, которые занимались научной работой, впоследствии продолжившие обучение в аспирантуре. Проблематика докладов была разнообразной, затрагивались темы, которые ты сам не изучал, поэтому было очень интересно послушать об этом. Старались больше времени проводить в библиотеке, которая тогда закрывалась в 10 часов вечера. Мы даже в выходные сидели там допоздна. Это была норма жизни.

Запомнился курс, который учился на 2 года раньше нас. Он влил свежую струю в жизнь факультета. На этом курсе, в группе, где учился Ю.В. Куперт, из 28 человек 13 окончили университет с красным дипломом. Это были выдающиеся студенты, причем не только в учебе, но и в общественных делах. Они были заметными фигурами на факультете, но главное, что они заложили основу интересной спортивной жизни: по многим видам спорта факультет стал занимать первые места на университетских, городских и областных соревнованиях. Сам Ю.В. Куперт занимался слаломом, а Н.В. Блинов, учившийся в той же группе, был председателем спортивного клуба университета. С нашего курса, который принял эстафету от курса Ю.В. Куперта, вышли тоже замечательные спортсмены, которые были известны далеко за пределами университета.

Всем коллективом мы ходили на соревнования, на стадион, на факультетские и университетские соревнования. Спортплощадка была за главным корпусом, где сейчас Центр культуры. У нас была какая-то стадность во внеаудиторной жизни – все гурьбой ходили на соревнования, в театр, в кино, отмечали праздники, досуг.

На высоком уровне находилась и художественная самодеятельность. На факультете были прекрасные солисты (Э. Леонова, Т. Попова), чтецы (Э. Блинова) и др. Часто выступал на вечерах будущий прекрасный поэт В. Казанцев.

Были любимыми местами отдыха Потаповы лужки, куда мы ходили по инициативе С.В. Вольфсона.

Студенчество в основном было не богатым. Были и те, кто жили на одну стипендию. Первый курс был особенно тяжелый, трудно было выжить на одну стипендию. Начиная со второго курса, мы жили коммуной. Складывали определенные суммы, готовили по очереди, обычно каждому приходилось готовить по разу в неделю. Кому-то присылали из дома продукты, овощи. Так что в этом смысле вместе выжили, а в одиночку было выжить невозможно – было очень голодно.

Были у студентов и подработки, но не постоянная работа. Это было, в основном, на погрузке-разгрузке. Девушки в основном не работали. Правда, я один год работала старшей пионервожатой. Мы участвовали в строительстве общежития на Ленина, 49, в его отделке.

В это время тон на факультете задавали фронтовики – и преподаватели, и студенты. Сложилась интересная ситуация: фронтовики изголодались по мирной жизни, особенно по учебе, они были в этом смысле образцом. Вообще в стране в те годы царил культ образования, конкурс в университеты был очень большой – 5–7 человек на место. Отсева практически не было, как и случайных людей на факультете.

Сейчас много говорится об идеологических кампаниях в СССР конца 1940-х – начала 1950-х гг. Но я хочу сказать, что, учась в университете, мы даже и не знали о них, не сталкивались и с проявлениями космополитизма на факультете. Да, мы слышали, что И.М. Разгон пострадал в ходе этой кампании, но мы не смотрели на него как на космополита. Его приняли в штыки студенты старших курсов, т.к. сначала поверили, что он космополит, а когда узнали его поближе, не осталось и тени сомнения в несправедливости навешенного на него ярлыка.

На преподавателей мы смотрели как на ученых, а не только как на преподавателей. Лекции были всегда творческими, особенно у Израиля Менделевича. По учебникам нельзя было их проследить. Он был замечательным лектором и очень хорошим экзаменатором, не был строгим, мог даже авансировать студенту оценку.

По окончании университета в 1955 г. у нас было распределение, и я была в числе первых, кто мог выбирать место дальнейшего трудоустройства. В аспирантуру пошли 1–2 человека (по истории пар-

тии), остальные были распределены по школам. Я выбрала Молчановский район Томской области, рабочий поселок Могочино. Это был перспективный поселок по безотходной переработке древесины. Население было разное и интересное – рабочие, инженеры, ссыльнопоселенцы.

Работая учителем, я продолжала традиции той средней школы, где сама училась в Новосибирске.

У меня было желание поступить в аспирантуру на кафедру педагогики. Считала, что накопила достаточный для этого багаж знаний и опыта. Я написала заведующему кафедрой педагогики письмо и получила от него приглашение в аспирантуру.

В июле 1961 г. я приехала в университет, но заведующий кафедрой, который обещал место в аспирантуре, уволился к тому времени, поэтому мы с ним не встретились. Тогда я поднялась с первого на третий этаж БИНа, где располагался историко-филологический факультет, зашла на кафедру истории СССР к Израилю Менделевичу Разгону. Он еще не был в отпуске, и мы поговорили с ним. Я рассказала обо всем, что произошло в моей жизни за последнее время. Попрощалась с ним и пошла, но в коридоре меня догнал Н.Н. Киселев и сказал, что Израиль Менделевич меня просит вернуться. Он предложил мне поступить в аспирантуру на его кафедру к Зое Яковлевне Бояршиновой.

После разговора с Израилем Менделевичем я поехала готовиться к экзаменам для поступления в аспирантуру: по истории и по иностранному языку. Сдав вступительные экзамены на «отлично», в ноябре 1961 г. я была зачислена в аспирантуру по кафедре истории СССР, хотя в студенчестве и специализировалась по кафедре всеобщей истории. У меня не было никакого научного задела, и я до сих пор удивляюсь, как меня могли вообще взять в аспирантуру.

Через 2 года я ушла из аспирантуры, так как поняла, что не укладываюсь в сроки, и устроилась лаборантом на кафедру истории СССР. Работа была связана с выдачей литературы студентам. В то время мест в Научной библиотеке не хватало, и студенты, как правило, готовились к практическим занятиям в кафедральном кабинете (ныне 27-я аудитория).

В те годы сотрудники факультета стали активно участвовать в подготовке материалов для 5-томной «Истории Сибири». Я их набирала на пишущей машинке, это была очень интересная работа. В работе над этим академическим изданием участвовали З.Я. Бо-

яршинова, М.Е. Плотникова, В.А. Соловьева и др., а И.М. Разгон был в числе редакторов. Мне приходилось вести протоколы заседаний кафедры, на которых обсуждались материалы для издания. В 1965 г. я стала работать ассистентом на той же кафедре. Начала преподавать историю России от Киевской Руси до конца правления Екатерины II – очникам и заочникам.

Однако не торопилась защищать диссертацию, хотя материала у меня было собрано более чем достаточно для написания основательной работы. Лишь в июне 1969 г. я защитила кандидатскую диссертацию «Крестьянское хозяйство в период складывания приписной деревни на Алтае (1747–1797 гг.)» и продолжила работу на факультете.

Архив Музея истории ТГУ. Машинопись

Л.А. Чиндина

ОБ УНИВЕРСИТЕТСКИХ АРХЕОЛОГАХ

Археологом я стала неожиданно для себя. После окончания школы (1954 г.) было естественным стремление учиться в педагогическом вузе (мои родители были учителями) и непременно истории. Любовь к ней зародилась очень рано. Мой отец был историк и филолог, он оставил небольшую библиотеку (в те времена большая редкость для сельской семьи), дедушка своими занимательными рассказами об исторических событиях как-то стимулировал интерес к миру прошлого. Однако развили этот интерес мои замечательные школьные учителя Григорий Федосеевич Коротков и Лидия Андреевна Юргина. Она и сейчас остается моим учителем и другом.

А вот с археологией я познакомилась только на первом курсе в пединституте на лекциях Г.И. Пелих, которые она могла превратить в увлекательные исторические приключения и легенды. Первую курсовую «К вопросу об исторических особенностях Урянхайского края в средние века» взяла у историка Г.В. Трухина. Очень завлекло меня звучавшее экзотически название края, о котором я не имела ни малейшего представления. Мой научный руководитель быстренько выстроил мою «научную» деятельность: «Будешь разбираться с археологической коллекцией, собранной А.В. Адриановым в Урянхайском крае (Тува). Она хранится в археологическом музее ТГУ. Составишь опись вещей (это для музея, Володя Матюшенко покажет, как это делается), расскажешь об их времени и назначении (это в курсовой)». Вот так Георгий Васильевич

окунул меня в археологическую азбуку, повязал меня с археологией, музеем и В.И. Матющенко.

Вынырнув, я поняла, что до истории еще карабкаться и карабкаться. Да и сам предмет археологии мне предстояло еще понять и поучиться у тех, кто создавал археологию в Томске, потому что каких-либо учебно-методических пособий, программных разработок в то время и в помине не было.

Тогда впервые мне стали известны имена исследователей, стоявших у истоков томской археологии и антропологии – А.В. Адрианов, Н.Ф. Кащенко, С.К. Кузнецов, В.М. Флоринский, С.М. Чугунов. Они оставили неплохую для того времени источниковую базу для развития археологии. Ими велись раскопки в Западной и Южной Сибири широкого хронологического диапазона: от неолита до позднего средневековья, проводились сборы разнообразных раритетов культового, хозяйственного, бытового, военного назначения. Деятельность отцов-основателей, несмотря в целом еще на слабый методический, а тем более теоретический уровень науки, имела огромное значение не только для сибирской, но и европейской археологии.

Мировой научной сенсацией стало открытие Н.Ф. Кащенко Томской палеолитической стоянки в Лагерном саду, доказывающей существование человека и мамонта как промыслового животного в томских широтах в каменном веке. Несомненным достижением отечественной науки была методика археологических раскопок, использованная Николаем Феофановичем (сейчас это основной метод – вскрытие широких площадей).

Знаковой фигурой для томской археологии является В.М. Флоринский. Прежде всего, им был создан археологический музей (теперь Музей археологии и этнографии Сибири – МАЭС), в котором формировались фонды из разных мест Сибири, Средней Азии, Казахстана. Он был первым директором. Им составлен обстоятельный каталог на 5 тысяч экспонатов, а музей и сегодня остается жемчужиной археологической науки не только ТГУ, но и Сибири в целом. В его фундаментальной монографии «Первобытные славяне по памятникам доисторической жизни» (1896) рассматривается история развития и взаимодействия арийских, финских, тюрко-монгольских народов с широким использованием археологических источников. Безусловно, важна его методологическая концепция археологической науки: признание за ней исто-

ричности (тогда это была передовая мысль) и необходимости использования в интерпретации археологического наследия данных антропологии, географии, биологии, то, что сейчас называют междисциплинарным синтезом. Сам он вместе с С.М. Чугуновым уделяет особое место первобытной краниологии в решении вопросов этно- и расогенеза, а Чугунов по праву считается основателем палеоантропологии Сибири.

Новый виток в развитии археологии в Томском университете связан с 1918–1924 гг., когда был открыт историко-филологический факультет и Институт исследования Сибири. В работе этого института нашла место программа археологического обследования региона, представленная В.Ф. Смолиным. Он считал, что наступает время археологии как особой отрасли исторической науки, требующей не любительского, а государственного отношения к археологическим памятникам и методике их исследования. К сожалению, факультет и институт вскоре закрыли. Тем не менее в университете в начале 20-х гг. уже работали археологи-профессионалы, которые продолжили развитие археологии. Одно время университет возглавлял ректор – археолог Б.Л. Богаевский (1921–1922). Он занимался античностью крито-микенского периода и имел широкие связи с Италией, Германией, Грецией. Здесь он как администратор и ученый, болеющий за судьбу гуманитарных знаний, боролся за спасение факультета общественных наук (ФОН). Увы, безуспешно.

В это же время в университете работали С.И. Руденко, С.А. Теплоухов и совсем юный М.П. Грязнов. Последний в 1924 г., продолжил раскопки могильника Тоянов городок (теплое чувство к нашему городу и университету он пронес до конца своих дней). Ими была организована многолетняя археологическая экспедиция в Минусинскую котловину. На основе исследованных материалов С.А. Теплоухов впервые создает типологическую схему развития древних культур Южной Сибири, значение которой сохранилось до наших дней. Дополненная и переработанная, она вошла в монографию С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», ставшую главным учебным пособием по истории Сибири моему и последующим поколениям 1960-х гг.

Конечно, взвешенность оценок деятельности предшественников ко мне пришла значительно позже. Однако умению понимать, что и как сделано, что не сделано и как надо делать, работы предше-

ственников все же учили меня, как и находившиеся рядом руководители Г.В. Трухин и В.И. Матюшенко и другие, например Г.И. Пелих своей хлесткой рецензией на мою курсовую. (В скобках замечу, что Г.В. Трухин, будучи краеведом и немного конформистом, чуть робеющим перед своими много знающими коллегами, решил снизить оценку моей работы, на что Галина Ивановна удивленно заметила: «Что Вы, Георгий Васильевич! Ни в коем случае, очень хорошая работа!» Г.И. Пелих не только яркий ученый, она была до мозга костей женщина и обожала противоречия и эффекты). Много дала мне первая полевая практика, которую мы проходили под руководством профессора А.П. Дульзона на неолитическом могильнике, известном как Мусульманский (по названию местечка).

Здесь снова необходимо сделать небольшое отступление. В 1940 г. на томском научном небосклоне волею судьбы оказались две ярчайшие незаурядные личности – доктора наук К.Э. Гриневич и А.П. Дульзон. Благодаря своим глубоким разносторонним знаниям, организаторскому опыту, исследовательскому таланту, оба быстро и точно поняли проблемы, задачи и возможности томской археологии на фоне сибирской, отечественной и мировой истории в целом. Они положили начало систематическим организованным археологическим исследованиям в Томской области.

В 1944–1946 гг. была проведена первая крупная комплексная экспедиция по изучению урочища Басандайка близ г. Томска. Цель работ К.Э. Гриневича определял «стремлением хоть немного рассеять мрак неизвестности, который лежит на всем дорусском периоде истории нашего края..., что важно для понимания законов мировой истории; оно должно дать нам ключ к пониманию многих элементов языка, быта, обычаев, искусства западноевропейских народов...»

Раскопки проводились на городище и курганном могильнике. В исследованиях приняли участие, кроме начальника экспедиции археолога К.Э. Гриневича и его заместителя лингвиста и археолога А.П. Дульзона, историки З.Я. Бояршинова, Г.В. Трухин, антрополог Н.С. Розов, геолог Л.А. Рагозин, почвовед К.А. Кузнецов, молодые исследователи-археологи Е.М. Пеняев, В.Н. Гриневич. Материалы (описи, дневники) в 1947 г. опубликовали, был дан первичный анализ особенностей источников, погребального обряда, краниологической специфики черепов могильника, геолого-морфологическое описание террасы, дана стратиграфическая схема

тектонических изменений, установлены условия почвообразования окрестностей Басандайки.

В том далеком мае 1955 г., когда мы оказались на практике с А.П. Дульзоном в его экспедиции на Мусульманском кладбище, много говорилось о раскопках на Басандайке и необходимости все-речь заняться керамикой городища. Могильник к тому времени был изучен намного основательней А.П. Дульзоном, уже вместе с материалами очередной, Чулымской экспедиции. А вот Басандайское городище после отъезда К.Э. Гриневича (1948 г.) так и осталось без необходимого анализа. И мои кураторы-учителя решили, что самое время дать мне курсовую по местной тематике: по проблемам железного века Притомья (на материалах басандайской керамики).

На защите дипломной работы я со страхом осмелилась утверждать, что городище было многослойным: кроме выделенного К.Э. Гриневичем раннего железного века, на нем прослеживался слой раннего средневековья. За старание и смелость комиссия щедро дала мне хорошую оценку. Получив диплом, я ушла работать в школу, где частенько на уроках истории уже смелее утверждала о значении археологии в истории и ностальгически вспоминала свой небольшой опыт экспедиций (мне посчастливилось работать также с В.И. Матющенко на его позднее ставшем знаменитым Самусьском комплексе) и своих «исследований». Я искренне полагала, что с археологией покончено. Однако очередная случайность на пути к археологии снова подстерегала меня.

В 1962 г. музею истории материальной культуры ТГУ (так тогда назывался наш МАЭС) потребовался лаборант, пригласили меня. А через год Владимир Иванович предложил мне заняться раскопками и изучением могильника Релка (с. Молчаново). Это был дар-доверие, и моя археологическая судьба определилась окончательно и бесповоротно. Впереди ждал непрерывный увлекательный путь к неизведанному, радость свершений, каторжный труд с полным набором ответственности, ошибок, сомнений, всевозможных преодолений, т.е. обычная жизнь, но жизнь в науке, в археологии, а это очень непросто. Одно могу сказать: я служила им честно и добро-совестно.

С этого времени моим учителем и советчиком стал В.И. Матющенко. Однако, как правило, в науке одним учителем не ограничиваются. Большую роль в моей работе играли другие ученые, изредка или регулярно, прямо или косвенно наставляя меня на

путь истинный. Это и А.П. Дульзон, и, конечно, В.Н. Чернецов, работы которого, а затем и встречи, дискуссии предопределили методологическую и историческую основу моих исследований, также как и ювелирная скрупулезность источниковедческого анализа М.П. Грязнова удерживала от скоропалительных выводов. А какими ценными были встречи, прослушивание лекций, беседы с М.М. Герасимовым, Г.Ф. Дебецем, А.П. Окладниковым, Б.А. Рыбаковым, В.Ф. Генингом, Г.А. Максименковым, О.Н. Бадером. А общение с моими коллегами, соратниками, оппонентами, друзьями – М.Ф. Косаревым, А.П. Деревянко, С.А. Арутюновым, Т.Н. Троицкой, А.И. Мартыновым, В.И. Молодиным, Д.Г. Савиновым, В.Ф. Старковым, М.А. Дэвлет, С.В. Студзицкой и многими, многими другими – уральцами, поволжцами, иркутянами, дальневосточниками, у которых всегда было и есть чему поучиться!

Немного расскажу о формировании томской археологической школы. Известно, что любая научная школа как особая система предполагает несколько компонентов и функций: научную базу и традиции, преемственность поколений и научных направлений, исследовательский коллектив разных статусов, педагогический канал общения (ученики и учителя) от начального образования до высокой науки, постоянное совершенствование компетентности, научные направления и программы и обязательная координация исследовательской деятельности, концептуальные результаты (система взглядов и способы рассмотрения процессов и явлений), новации в исследовательской деятельности. Дать полную характеристику развития нашей школы в беседе невозможно, это уже задача серьезного историографического анализа. Остановлюсь вкратце лишь на некоторых ключевых и показательных моментах.

В ТГУ археологическое направление начинает формироваться в школу в начале 70-х гг. XX в. Кроме наличия положительного опыта научно-исследовательской работы предшественников, именно к этому времени формируется основной ряд перечисленных параметров. Активно функционировал музей как базовый учебно-научный центр. Появилась кафедра археологии и этнографии (правда, ее быстро закрыли), аспирантура и безусловный лидер – В.И. Матюшенко, активно занимавшийся источниковедческими и аналитическими исследованиями, и его первые ученики.

В 1968 г. была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИЛ

ИАЭС). В недрах сектора археологи, этнографы и антропологи этой лаборатории сформировали коллективное ядро исследователей, и появилась возможность целенаправленного, многопланового и интенсивного развития научных исследований Сибири. Научное руководство общей темой осуществлял В.И. Матющенко, заведование сектором поручили мне. Общее направление томских археологов было связано с изучением историко-культурных процессов населения Западной Сибири в древности и средневековье.

Первые ученики В.И. Матющенко в начале 70-х гг. защищают кандидатские диссертации: в 1971 г. – Л.А. Чиндина, в 1974 г. – Л.М. Плетнева (Старцева), занимавшиеся исследованием археологических культур Обь-Иртышья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. в эпоху железа, и в 1973 г. – В.А. Посредников, занявшийся историей Еловского населения Среднего и Верхнего Приобья в эпоху поздней бронзы. Они продолжают самостоятельные исследования, у них появляются свои первые ученики: Л.М. Плетнева – Н.М. Зиняков, В.А. Посредников – Е.А. Васильев, Л.А. Чиндина – Ю.В. Балакин и Ю.Ф. Кирюшин. Последний в 1978 г. руководит научной работой Ф.И. Меца. Сам В.И. Матющенко подводит итоги многолетних работ по проблемам неолита и бронзы лесостепного Приобья. Выходит четырехтомник его монографии, где он обосновывает концепцию культурного развития региона и систематизирует совершенно потрясающие в научном плане материалы, вошедшие в золотой фонд отечественной науки (Самусьский, Еловский комплексы поселений и могильников, Ростовка и др.). В 1974 г. он успешно защищает докторскую диссертацию и вскоре покидает ТГУ.

Середина 70-х гг. XX в. стала серьезным испытанием для археологической школы и этнографического направления: открываются новые университеты в Сибири, усиленно развиваются уже известные центры, и туда уезжают подготовленные специалисты: Н.А. Томилов, Ю.В. Балакин, Ю.Ф. Кирюшин, А.Р. Ким – в Омск и Барнаул, Н.М. Зиняков – в Кемерово, В.А. Посредников – в Днепрпетровск. В Ленинграде остаются наши целевики М.В. Аникович и Г.В. Ложникова (Синицина) и т.д.

С одной стороны, это естественно – возможность проявить свою самостоятельность, создать свое научное направление, что дорогого стоит. Например, Ю.Ф. Кирюшин, уехавший в 1978 г. после защиты кандидатской, не просто проявил себя как личность в науке, но и создал на Алтае археологию и свою алтайскую школу, чем я

как его учитель неизбежно горжусь. Н.М. Зиняков организовал специфическую лабораторию по древней черной металлургии и металлообработке, ставшую необходимой для археологии Сибири и Казахстана. Н.А. Томилов создает и развивает этнографию в Омске... С другой стороны, для развития томской науки появлялись ощутимые бреши – мы потеряли направления по изучению лесостепной и степной территории эпохи бронзы, урезалась тюркологическая тематика.

Тем не менее мы не просто справились, но очень быстро набрали обороты. В лаборатории провели структуризацию и реорганизацию сектора: образовали два самостоятельных – археологический и этнографический, позднее возникла антропологическая группа. Теперь более оперативно и целенаправленно можно было решать конкретные вопросы. Но мы сохранили главное: работа по единой программе в теме «Археология и этнография Сибири», взаимно дополняя друг друга в анализе общих проблем, находя наиболее оптимальные формы реализации (коллективные, индивидуальные монографии, тематические сборники и конференции). Удачно подбирались и пополнялся кадровый состав из «молодых и рьяных», создавались хоздоговорные группы.

Мне пришлось активизировать работу над докторской диссертацией: школе требовался высококвалифицированный руководитель. Тем более этого требовала просто пугающая мобильность перманентной реорганизации нашей ВАК (к этому времени запретили руководство подготовкой кандидатских диссертаций недокторам). Главная причина заключалась, конечно, в научной потребности: необходимо было подвести итог сделанного по древней и средневековой истории лесных просторов Западной Сибири, сформировать свою общую концепцию на процессы культурно- и этногенеза народов региона, доказать ее жизнеспособность, а значит – собственную состоятельность.

В этот период томская школа заняла лидирующее место среди вузовской науки Сибири. Исследовались ранние периоды – неолит и бронзовый век, центр изучения которых переместился в северные районы Приобья. Еще до своего отъезда Ю.Ф. Кирюшин, затем Е.В. Васильев решали проблемы культурного развития во II тыс. до н.э. в Васюганском, Сургутском и Нижнем Приобье. Особенно активно и массово изучаются ранние этапы эпохи железа в Приобье

(Л.М. Плетнева, Л.А. Чиндина, О.Б. Беликова, В.И. Семенова, Я.А. Яковлев, Ю.В. Ширин, Л.В. Панкратова).

Изучение этногенеза и этнической истории региона потребовало углубленного исследования позднесредневекового периода (XIV–XVIII вв.) (А.И. Боброва, Н.В. Березовская, Ю.И. Ожередов, Г.И. Гребнева, В.И. Семенова, Л.М. Плетнева, Л.А. Чиндина). Разрабатывается принципиально новое направление – русская городская археология, уже принесшее серьезные результаты и корректировки в некоторые исторические данные: иное местоположение первого города Томска в 1604 г., реконструкция городской застройки и др. (М.П. Черная).

Успех обеспечивали обширная источниковая база, продуманная методологическая основа: историзм и междисциплинарный и системный подходы, привлечение методов смежных гуманитарных, естественных, физико-математических и технических наук. Впервые в стране томичами был разработан и успешно апробирован экспериментальный метод технологии цветной металлургии и металлообработки и древнего домостроительства (С.А. Терехин, Л.А. Чиндина). В настоящее время исследователи активно осваивают информационные технологии.

Ряд исследователей успешно работают по научным проектам грантов и хоздоговоров.

Результаты исследований реализовались в 18 монографиях, 30 тематических сборниках, сотнях статей, многочисленных докладах на конференциях разного уровня (от региональных до международных). У нас традиционно проводится Западносибирская археолого-этнографическая конференция, очень популярная в стране и за рубежом. В мае этого года будет очередная, 14-я конференция. В разных структурах университета работают высококвалифицированные археологи – ученики нашей школы, из них 7 кандидатов наук и пока один доктор, надеемся на утверждение успешно прошедшей защиту докторской М.П. Черной. Кстати, у нас уже 5 лет своя докторантура.

А сколько питомцев томской школы, пусть и не всегда «остепененных», трудится в нашей науке! Только за время существования кафедры (17 лет) было выпущено около 90 человек и не менее 38 работает по специальности.

Что касается направленности моих изысканий в археологии, то еще с середины 1960-х гг. мной было начато систематическое об-

следование северных таежных районов Среднего Приобья. Позднее обширные раскопки крупных археологических комплексов (Малгетский, Степановский, Саровский, могильники Релка, Тискинский, Мигалка и др.) дали ценный материал колоссальной информативности для разработки общих проблем формирования истории кулайской культуры, и не только в Среднеобье, выявления причин и последствий миграционных процессов, образования кулайской культурной общности и ее влияния на дальнейшее культурное развитие Западной Сибири и, в частности, релкинской, верхнеобской и потчевашской и позднесредневековых культур. Проблемы кулайской культуры в результате оказались узловыми, генеральными в урало-сибирской археологии и этнографии. Итогом исследования стало моделирование схемы социально-экономического уровня обществ, автохтонного западносибирского развития самодийских этносов, их контактов и взаимодействия с уграми, тюрками, кетями, эвенками. Предложенная мной схема развития культур и народов (прежде всего предков самодийских этносов) работает и в настоящее время, хотя по ряду конкретных вопросов идут дискуссии, возникают новые точки зрения, да и я сама пытаюсь уточнить или исправить какие-то звенья схемы.

Специфика культурно-исторических процессов Приобья в VI в. до н.э. – XVIII в. н.э. отражена в шести индивидуальных и коллективных монографиях и 150 статьях и заложена в коллекциях и документах 26 стационарно раскопанных памятников. Научные интересы сибирской археологии и свои собственные стараюсь реализовать в учениках: под моим руководством успешно защищено 10 кандидатских диссертаций и две докторских. Надеюсь в ближайшие годы на еще пару-тройку смелых докторантов и стольких же аспирантов.

Не миновали нашу школу перестроечные беды. Ликвидация лаборатории не просто глупость, а вредительство, проявленное руководством на всех уровнях научно-образовательной лестницы. Министертво распорядилось – все подчинились, даже не потрудившись поискать пути спасения столь важного энергоемкого и в общем-то уникального научного организма. Сегодняшняя атомизация коллективов, их ненужная индивидуализация тревожит, поскольку ведет к ослаблению фундаментальных научных исследований, подмене их прикладными направлениями, снижению компетентности. Хочется верить, что понимание ответственности перед нашей

наукой всех специалистов разных структур, разумная, конструктивная поддержка администрации ТГУ помогут археологической школе не просто выжить, но и развиваться с разумным учетом традиций и новаций.

На протяжении всех лет археологических исследований в ТГУ огромную роль сыграли студенты ИФ. Они были и продолжают оставаться постоянными участниками наших полевых экспедиций, совместно с практикантами переносят все тяготы быта, тяжелой работы, оставаясь всегда веселыми, любознательными оптимистами, если надо – защитниками. Многие из них занимались и занимаются самостоятельной научной работой, курсовыми и дипломными проектами, пишут научные статьи, участвуют и организуют собственные конференции, год от года повышая их научный уровень. Показателями высокой подготовки студентов и аспирантов являются дипломы высших степеней, победы на конкурсах, проводимых Министерством образования РФ и различными фондами. Сейчас некоторые из них постоянно работают в грантах своих руководителей.

Все, что мы имеем, зарождалось в студенческой среде. Это основной фундамент для развития науки археологии ТГУ в дальнейшем.

Архив Музея истории ТГУ. Машинопись.

В.П. Зиновьев

СТУДЕНЧЕСТВО И «НАУЧНОЕ ДЕТСТВО»

В университет я поступил в 1966 г. Этот год был особый. Закончился очередной эксперимент в школе. Одиннадцатилетнее среднее образование признали чересчур длительным, и мы заканчивали уже 10 классов. Параллельно с нами учились 11-классники. Мы были перегружены занятиями, а они не спеша совершенствовались умственно и физически. Из-за двух выпусков конкурс в вузы был невиданным. На исторический факультет ТГУ конкурс составлял 13 человек на место, а экзамены сдавали более тысячи человек. Мой одноклассник С.А. Красильников в тот год преодолел конкурс в 25 человек на одно место на гуманитарный факультет в НГУ. Я послал, по подсказке моей учительницы И.В. Бояриновой, документы в ТГУ, получил сообщение, что сдавать нужно сочинение, русский язык и историю СССР. Ее я и готовил, с 1917-го года. Когда же я пришел на экзамен, то оказалось, что под историей СССР понимается вся история России с древнейших времен. Целый день я читал учебник под дверью аудитории и зашел сдавать экзамен одним из последних. Вопросы попались по социально-экономическому развитию России во второй половине XVIII в. и Апрельским тезисам В.И. Ленина. Тезисы я знал наизусть, поскольку Инна Васильевна Бояринова нас заставила их выучить наизусть, а вот что такое «социальный», я не знал, не было этого в школьных учебниках. Выручило знание географии. Пока готовился, понял, что я не последний баран, так как у меня спрашивали вещи, для меня очевидные. О.Т. Пальянова, ныне

доктор философии, например, просила что-нибудь рассказать про третью Государственную думу. Я сам толком ничего не знал, но что-то подсказал. Принимали у меня экзамен будущий профессор Г.Х. Рабинович и аспирант-кореец. Дополнительные вопросы задавал С.В. Вольфсон. Я вспомнил все, что знал про XVIII в., по карте рассказывал экономическую историю страны, в это время я выглядел весьма бледно, зато Апрельские тезисы отчеканил, как «Отче наш». Г.Х. Рабинович после этого попросил С.В. Вольфсона задать мне дополнительный вопрос, сказав, что я отвечаю на 5. Понял я, что дела мои на самом деле не так плохи, назвал по требованию С.В. Вольфсона страны Варшавского блока, нагло спросив перед ответом, с какой стороны света начинать перечисление. Получив внезапно для себя 5, я почитал учебник по литературе и так же неожиданно получил 4 по сочинению на тему «Наш день тем и хорош, что труден» по поэме В. Маяковского «Хорошо». Больше тройки мне в школе за сочинения не ставили из-за плохого почерка. Я потом видел это сочинение, в нем оказалось две ошибки по знакам препинания. Сочинение я писал за одной партой с Ларисой Белоусовой. К последнему экзамену по литературе я готовился в Университетской роще, ел черемуху и выучил все учебники с 5-го по 10-й классы по русскому языку и литературе. Принимали у меня экзамен Карагодина и тогда аспирант М. Шкаруба. Я посмотрел на Карагодину и подумал, что от этой тетки со злыми глазами добра не жди. Но она оказалась на удивление доброжелательной и корректной. Я на все вопросы барабанил, как по писаному, потому что тексты учебников по моему желанию возникали из памяти во всех подробностях, включая пятна от черемухи. 14 баллов мне с лихвой хватило для поступления в ТГУ. Я получил на экзаменах в ТГУ на три балла больше, чем на выпускных экзаменах в Шпалозаводской средней школе Нарымского сельсовета Парабельского района. Видимо, хорошо нас учили тогда в деревенских школах, оценками не баловали, медали давали исключительно редко и достойным.

После небольшого перерыва (помню, я успел съездить домой, в поселок Талиновка близ Нарыма) нас вместо учебы отправили убирать урожай в деревню. Тогда это называлось «поехать в колхоз». Накануне отъезда громадная толпа студентов собралась у главного корпуса ТГУ, где стояли десятки автобусов. Я не знал никого из своих будущих сокурсников и нашел свою группу путем распросов. В толпе мальчиков и девочек выделялся один – рыжеватый,

небольшого роста, сухой и подвижный человек, которого я первоначально принял за преподавателя, так как он был явно старше остальных. Кто-то из девушек поинтересовался, почему он поздно поступил в университет, на что был дан ответ, ошарашивший меня. Парень сказал: «Что вы хотели, два года в армии, шесть лет в тюрьме». Я решил держаться от него подальше. Однако его назвали старшим нашей группы, и нас определили в один автобус. Мало того, мы оказались рядом.

Моя деревенская недоверчивость довольно быстро испарилась, когда мы познакомились ближе. Александр, как он представился, оказался занимательным собеседником и простым парнем. Время он провел не в тюрьме, а на заводе. Кроме того, мы оказались земляками: он родился в Каргаске, я – в Новиково по реке Парабель.

Место работы нам определили в селе Богатыревка Бакчарского района. Поселили в избе. В большей половине на нарах расположились девчонки, мы – в комнате поменьше. Парней оказалось всего четверо: Александр Плотников, Сергей Передерий, Александр Котляров и я. Из девочек, кого помню, были Людмила Пьянова (Галлямова), Людмила Кустова (Веремчук), Вера Субботина, Галина Кнышова, Валентина Лошадкина (Филиппова), Татьяна Григорьева, Людмила Курочкина (Сарамуд). Кстати, Александр нашим юным донжуанам с девчонками дружить запретил, сам же занялся местной медсестрой. Местных парней от нашего общежития он отвалил простым и серьезным разговором.

Вечером, ради знакомства, Саша достал фляжку. Так я в 17 лет впервые попробовал водку. Отметим 1 сентября мой день рождения. Саша по этому поводу сочинил целую поэму. Я храню этот желтый блокнотный листок:

«Отмечать день ангела не внове.
Но такое случается не часто:
Юбиляр – Василий Зиновьев!
Это тот, который очкастый.
Я начну, пожалуй, издадека...
Тысяча девятьсот сорок девятый.
В этот год, видать по воле рока,
Родился парнишка бесоватый.
Нелегка жизнь в Нарымском крае;
Он под стол пешком ходил – не ездил!
А потом, Василь, как истый фраер
На глаза свои очки повесил.

Он рыбачил, лазил по деревьям.
Проверял чужие огороды.
Верил небылицам и поверьям
В бога, правда, он не верил сроду.
Повзрослев, Василь читает книжки,
А позднее и газеты.
Пробовал курить, как все мальчишки,
Но презрел он сладость сигареты».

И т.д.

Осень была теплая, мы даже купались в Андарме. Не помню, что мы делали полезного, наверное, копали картошку, работали на сушилке, делали какую-то изгородь. Затем нас с Сергеем Передерием отправили километров за 6 от Богатыревки в Болотовку, где был летний полевой стан на месте бывшей деревни. Мы там работали до конца сентября на сушилке. Кроме нас был татарин-комбайнер, вечно небритый повар, сушильщик дядя Женя, отбывший в свое время 6 лет за «колоски» на Колыме, и старик-еврей из ссыльных «тунеядцев», числившийся сторожем. С их рассказов и началось мое обучение российской истории.

Моя группа имела № 361. Мы числились за кафедрой истории СССР досоветского периода. Заведующей была ученица профессора С.В. Бахрушина Зоя Яковлевна Бояршинова (баба Зоя). Дама она была суровая, мы ее побаивались. Лекции она читала скучные, невероятно насыщенные фактами. Только потом я понял, что так на деле выглядит позитивизм в истории. Спрашивала она беспощадно. Меня даже с кандидатского экзамена выгнала. За это воспитание спасибо ей и земной поклон. Куратором нашей группы была А.Н. Жеравина, которая нас серьезно пыталась воспитывать, устраивала встречи, чаепития. Она помогала нам и защищала по мере сил.

Звездой нашей на первом курсе была Галина Ивановна Пелих. Она читала лекции по Древнему Востоку, Лекции были эмоциональные, яркие. Наверное, так и надо читать первому курсу. Сдавать по ним нам пришлось уже в ноябре. Мне было проще, чем остальным. Учебник Авдиева я прочитал еще в пятом классе, Утнапиштим и Гильгамеш были для меня известней, чем Илья Муромец.

На втором курсе лекции по средним векам нам читал Б.Г. Могильницкий. Он прохаживался по аудитории и ронял точеные формулировки, изредка доставая бумажку, чтобы прочитать цита-

ту. До сих пор это лучшие лекции, которые я слышал. Лекции по истории КПСС нам читал Ю.В. Куперт. Он привлекал не только толковым изложением политической истории страны, но и самой манерой читать лекции. Пружинистым, спортивным шагом он обходил аудиторию, мощный, сочный голос был слышен всем. На его лекциях спать было невозможно. Запомнились лекции М.Е. Плотниковой, Н.С. Черкасова, Л.Г. Сухотиной. Николай Сергеевич нас втягивал в политические споры, в обсуждения текущего момента. Как раз были выборы в Англии во время экзаменов. Он болел за лейбористов и доказывал нам, что они непременно победят. Людмила Сербай ляпнула по некомпетентности, что выиграют консерваторы и оказалась права, разочарование Николая Сергеевича было неподдельным.

Кроме учебы приходилось решать житейские проблемы. Простая стипендия равнялась 35 рублям, но ее хватало на очень скромное питание. Конечно, мы получали какие-то рубли и посылки из дома, подрабатывали, где могли: на разгрузке вагонов, в АХЧ ТГУ, в студенческих отрядах. Правда, мои попытки поехать в стройотряд пресек отец. Он направил ректору письмо, что я просто необходим летом на покое.

Мы жили в общежитии на Ленина, 49, где обретались еще и физики, математики, химики и другие. В нашей комнате было 8 человек: я, А.Н. Котляров (был доцентом, зав. кафедрой отечественной истории ТГУ), А.Г. Тимошенко (ныне доцент, зав. кафедрой мировой политики ТГУ), В.И. Марков (профессор, доктор культурологии, проректор вуза в Кемерове), А.Д. Голев (профессор, доктор филологии), Н. Столяров (был редактором газеты в Болотном), Н. Тупицин (был редактором многотиражки в Томске), С.В. Передерий (профессор политологии в Пятигорске). Состав комнаты менялся неоднократно. На третьем курсе нас поселили по четыре человека, так как построили общежития на площади Южной.

Жизнь студенческая была бурной. Были и спортивные соревнования, художественная самодеятельность. Во встрече в КВН с командой мехмата А.Е. Плотников был нашим капитаном. Мы долго и серьезно готовились. Борис Овценов сочинил ряд хороших песен. Слава Нечипуренко и Саша подготовили сценки. Мы проиграли, хотя играли лучше, потому что судьями были технари, болевшие за математиков. Да и капитан математиков выглядел лучше. Саша сильно переживал поражение и даже на время рассорился со свои-

ми приятелями физиками и математиками. Зато он ликовал, когда именно нашу команду пригласили на областное телевидение. Миниатюра «На экзамене» была особенно удачна (текст А. Плотникова), с ариями из известных опер. Помню только отдельные фразы. Из «Бориса Годунова» слова расстроенного ответа девушек профессора: «О! Душит что-то и голова кружится. И мальчики одни у вас в глазах, и больше ничего», арию студентки на мотив хора девушек из «Аскольдовой могилы»: «Ах вы, милые подружки. Что мне делать? Как мне быть? Ведь экзамен не игрушка. Очень просто завалить», оправдания завалившего студента на мотив арии Фигаро из «Севильского цирюльника»: «Сидоров тут. Сидоров там. То профсобрание, то конференция, то семинары, то в БИНе лекция. Много собраний, соревнований, но а я, Сидоров, только один, только один». Эту миниатюру я потом слышал в Красноярском пединституте.

Мы часто собирались в общежитии поговорить, попеть песни. Тогда пиво достать было трудно, вина было мало, а разговоров – много. Обычное соотношение затрат: 12 рублей на вино, 12 копеек за кильку на закуску. Нередко мы ходили за город, на природу, летом купались в Томи. В июне проводили возле реки большую часть времени, а в университет приходили только сдавать экзамены. Сентябрь, нередко и октябрь проходили в сельхозработах. Запомнилась копка картошки в Мазалово в октябре на четвертом курсе.

В отличие от гумфака Новосибирского университета, наш историко-филологический факультет не был политизирован. Лишь однажды, на третьем курсе, мы слегка взбунтовались. Трое филологов (Крамаренко, Крюков, Лосев), по мнению КГБ, вели антисоветскую деятельность, выразившуюся в слушании «Голоса Америки» и распечатке «20 писем к другу» Аллилуевой. И тогда, и сейчас я не вижу в этом ничего крамольного. Надо обладать изрядной долей служебной дурости, чтобы испортить жизнь мальчишкам за невинное любопытство. По крайней мере, трех человек они восстали против власти и заставили задуматься о ее справедливости еще несколько сотен. Для того чтобы осудить «плохих ребят», было организовано собрание, которое закончилось провалом. «Герои» развенчаны не были, вина их была не доказана, из педагогов мы слушали из уважения только декана Б.Г. Могильницкого, остальных освистали. Студенты повзрослее в протесте не участвовали.

К третьему курсу относится и наша попытка самиздата. Мы подготовили и выпустили 3 или 4 номера рукописного журнала «Мы». Однако даже этот безобидный детский журнал вызвал негативную реакцию партийных и факультетских властей. В нем не было ничего крамольного и даже фривольного. Он состоял из наивных стихов студентов 2–3-го курсов, рассказов А.Е. Плотникова и моих, из шуточных эссе литератора (ныне профессора Кемеровского ГУ) Николая Голева. Оформлял первый журнал ныне покойный А. Котляров, редактором был наш сокурсник Володя Львов (у него и хранится журнал). Саше был поставлен в вину якобы натурализм сценок вагонного быта в рассказе «Домой», а Наде Дмитриенко (ныне профессору ТГУ) – непонятность символики ее романтических стихов. Судите сами:

«Какая радость – вонзить свой детский зуб
В сияющую мякоть плода яблони и не знать,
Что слаще – пасть под яблоню
И в чьи-то губы брызнуть соком спелым».

Полагаю, что речь в стихе идет о яблоке, и больше ни о чем. Что в этом увидели взрослые дяди своим многоопытным умом, до сих пор не пойму, хотя уже давно сам дед.

На третьем же курсе мы разделились по специализации на кафедры. Я остался в 361-й группе на кафедре истории СССР досоветского периода. Я учился в спецсеминаре доцента Н.В. Блинова. К этому времени я уже пробовал быть археологом, историографом, но позже определился и выбрал историю Сибири. Из того семинара вышли профессор, заведующий кафедрой отечественной истории ОмГУ А.П. Толочко, главный научный сотрудник Института истории ДВО РАН, д.и.н. Л.И. Галлямова, доцент В.И. Зиновьева, архивист Л.И. Карван, позднее – профессора В.П. Бойко, Ю.А. Сорокин.

Нас гнали по четырехлетней программе бакалавров, поэтому на пятый курс остались практика, госэкзамены и защита диплома. Мы расслабились, и это сыграло со многими, в том числе и со мной, злую шутку. Учителем я оказался слабым и чуть было не остался без стипендии. Между защитой диплома и госэкзаменом был перерыв в полтора месяца. Мы с Сашей Плотниковым успели съездить в Талиновку на рыбалку, охоту, навестить Сашиных знакомых филологинь с предыдущего курса, работавших в Нарымской средней школе. Помню, что на обратном пути мотор заглох и мы гребли

против ветра часа четыре. По прибытии домой этот подлый механизм завелся. От возмущения у Саши не было слов.

Все силы я отдал диплому по истории винокурения в Сибири и благополучно провалил экзамен по истории КПСС: не смог осветить «Моральный кодекс строителя коммунизма». От тройки меня спасло только заступничество Марии Ермолаевны, которая потом надо мной смеялась. Мой научный руководитель Г.Х. Рабинович долго меня ругал и сокрушался, так как я остался без красного диплома. Надо сказать, мне было в высшей степени все равно, что поставят за «Историю КПСС». Я знал уже, что буду работать младшим научным сотрудником в Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. Точнее, я в ней уже числился с 26 февраля 1971 г. лаборантом. Также наплевательски мы отнеслись к экзамену по научному коммунизму. К этому экзамену всей комнатой мы читали только роман Штильмарка «Наследник из Калькутты». А.Г. Тимошенко не дочитал и получил 4, остальные – 5. Надо сказать, что научный коммунизм у нас вел добрейший человек Д.Н. Приходько. Виктор Марков ни разу на лекциях не был, Приходько не видел, и храбро пошел его искать во втором корпусе. Ему дали приметы – седой, представительный мужчина. Он такого в аудитории нашел, но билет оказался по сопромату. Пришлось искать дальше. Когда же, наконец, Витя нашел нужную аудиторию, Дмитрий Николаевич удивился: «Где же Вы были? Мы с Вами вместе в корпус вошли».

Лаборатория, в которую меня распределили, была создана по инициативе профессора И.М. Разгона и доцента А.П. Бородавкина в 1968 г. Александр Павлович и стал ее первым заведующим. В 1971 г. Н.В. Блинов набирал группу сотрудников для работы над первым томом «Истории рабочего класса Сибири», подготовкой которого ему было поручено руководить. Книга была частью грандиозного проекта «История рабочего класса и крестьянства Сибири», которым руководил академик А.П. Окладников. В лаборатории были организованы крестьянская группа (А.Т. Топчий, А.А. Малых и др.), группа по Октябрьской революции и Гражданской войне (Э.И. Черняк, В.Г. Зыкова и др.). В «рабочую группу» вошли Б.И. Земеров (в дни демократии бомж, замерз в подвале), В.И. Марков (работает воспитателем), А.Е. Плотников (доцент Омского ун-та, ныне покойный), В.П. Зиновьев, позднее – В.Н. Большаков, Б.К. Андрущенко, П.С. Коновалов, Н.М. Дмитриенко,

В.А. Бузанова. К ней примыкали аспиранты А.П. Толочко (ныне профессор ОмГУ), В.И. Зиновьева, Л.И. Давыденко, А.Л. Афанасьев. Заведующим сектором «Рабочий класс» стал В.А. Скубневский (ныне профессор АлтГУ), вскоре защитивший кандидатскую диссертацию. Первоначально редактором книги был утвержден И.М. Разгон, ответственным секретарем тома – А.Е. Плотников. Позднее редактором был утвержден Н.В. Блинов, а ответственным секретарем назначили меня. Книга «Рабочий класс Сибири дооктябрьского периода» стала заметной вехой в изучении истории Сибири.

Своим попаданием в группу Н.В. Блинова я обязан Саше Плотникову. Дело в том, что я не лучшим образом проявил себя на спецсеминаре, и Н.В. Блинов считал меня сачком. Я действительно больше времени уделял не тематике семинара, а истории сибирского винокурения, которой успешно занимался под руководством доцента Г.Х. Рабиновича. Саше пришлось убеждать Николая Васильевича в моей благонадежности. К тому же Григорий Хацкелевич лелеял мысль создать сектор «Буржуазия Сибири». Н.В. Блинов жестко поставил передо мной вопрос: выбирай тему из предложенных или гуляй куда хочешь. Я выбрал тему «Горнорабочие Сибири». Саша выбрал тематику сложную и модную – «Социально-психологический облик рабочего класса Сибири», обрабатывающую промышленность взял В.А. Скубневский, железнодорожников – Б.И. Земеров, рынок рабочей силы – В.Н. Большаков, правовые вопросы – В.И. Марков, общественное движение – аспиранты.

Научный семинар профессора Н.В. Блинова (он защитил докторскую диссертацию в 1975 г.) был замечательной школой. Мы обсуждали статьи, диссертации друг друга, новости исторической науки, интересные статьи и монографии. В 1972 г., когда произошел разгром школы П.В. Волобуева в Институте истории РАН, Н.В. Блинов серьезно поговорил с нами о работе историка. Предупредил об осторожности, с одной стороны, и необходимости блюсти объективность – с другой стороны. Историк ведь тогда ошибался, как сапер, один раз. Главный принцип – не выпрямлять историю, не приспособливать ее к современным обстоятельствам – я хорошо запомнил. Конъюнктурщики, пышным цветом расцветшие сейчас, тогда тоже были. Часто это одни и те же люди. Н.В. Блинов также требовал доказывать выдвинутые выводы и положения не иллюстрациями, а совокупностью фактов, статистическими данными

ми, проверять достоверность источников. Споры, дискуссии им поощрялись и провоцировались.

Лаборатория финансировала научные командировки по всей России. Мы были первыми, кто предпринял сплошной поиск материалов по истории рабочих Сибири по всем государственным архивам Сибири. В год мы проводили по 3–4 месяца в командировках – в Иркутске, Красноярске, Барнауле, Омске, Тобольске, Ленинграде, Москве. В «Хронике рабочего движения», вышедшей в 1978 г., были материалы из 25 архивов. Основными авторами книги были Александр Плотников и Николай Васильевич Блинов. Они разрабатывали методику сбора информации, ее систематизации. Сводил материал воедино, составлял таблицы, редактировал текст книги А.Е. Плотников. Книга получила премию ТГУ за лучшую работу 1979 г.

В сентябре 1975 г. я представил к обсуждению диссертацию. Был сурово разгромлен во время обсуждения на кафедре, причем был бит беспощадно сотоварищами. В заключении кафедры было, однако, написано: рекомендовать к защите с доработками. Больше к этому вопросу кафедра не возвращалась. В 1975 г. диссертационные советы закрылись на реформирование, и мне пришлось ждать до их открытия в 1977 г. За это время обсудили и приняли к защите диссертации А.Е. Плотникова и А.П. Толочко. Защищались мы вместе 1 марта 1977 г. Я был первым, А.П. Толочко – вторым, А.Е. Плотников – третьим. Председателем совета тогда был утвержден Б.Г. Могильницкий, каковым он и является вот уже тридцать лет. Ученым секретарем десять лет являлся Л.И. Боженко. Я был ученым секретарем совета с 1987 по 2002 г. Защита прошла быстро и без неожиданностей. Отрежиссированное Л.И. Боженко действие завершилось за 4 часа.

Главное событие нас ждало после защиты. Официально банкеты были запрещены, поэтому собрались на квартире у А.Е. Плотникова. Он к этому времени был уже женат и обретался с супругой Галиной на бывшей квартире матери Л.В. Алякринского. Это была вместительная комната в коммуналке на втором этаже деревянного дома по улице Савиных. Сбросившись по сто пятьдесят рублей, мы с Александром обеспечили банкет человек на 40. Всех желающих вместить не удалось, поэтому собирались еще раза два. Перед первой речью Б.Г. Могильницкого на него упала радиолка, приспособленная на полке. Он мужественно вынес удар судьбы и продолжил поздравление новых кандидатов наук.

Много времени осенью мы тратили на помощь «колхозу». Запомнилась одна такая командировка в сентябре – октябре 1972 г., когда нас отправили в Зырянский район в село Богословку. Делать там особенно было нечего, и заведующий отделением, отчаявшись найти для нас достойную работу, предложил нам вычистить старый коровник. Навозная эпопея длилась более месяца. Начали ее 18 человек научных сотрудников НИСа ТГУ и НИИПММ, завершали мы труд вчетвером. А.Е. Плотников был старшим в группе и не мог плюнуть на все и уехать, я не уезжал, потому что в деревне оставался Саша, а двум электрикам из НИИПММ не хотелось возвращаться на работу. Там, в деревенском клубе, по ночам мы смотрели хоккейные матчи СССР – Канада, а днем выносили навоз. Я как раз только что женился, но вместо медового месяца имел навозный. В конце навозной битвы пришел управляющий, весело топнул по чистому полу с обнаруженными канавками для стока мочи и радостно сообщил, что в этом «дворце» перезимуют телята. Получили мы за ударный труд рублей по пятьдесят, что было неплохо по тем временам, так как зарплата мэнэеса равнялась 105 рублям. После защиты диссертаций А.П. Толочко и А.Е. Плотников переехали в Омск. В.А. Скубневский уехал вслед за А.П. Бородавкиным в Барнаул. Там им дали квартиры, должности доцентов. В Томске на это было трудно рассчитывать. «Томск – кузница кадров, а в кузнице всегда гайки валяются» – эту шутку доцента В.А. Демешкина можно считать аксиомой. Я получил квартиру только через 11 лет после работы в профкоме ТГУ и работы на строительстве дома, в котором живу. В 1981 г. Н.В. Блинов уехал в Москву, Г.Х. Рабинович умер, я остался за старшего по истории Сибири периода капитализма в Томске. Розовое научное детство кончилось, началась взрослая жизнь, полная забот и интриг.

Архив Музея истории ТГУ. Машинопись.

IV. ВОСПОМИНАНИЯ О ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Л.А. Голишева

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ: К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА З.Я. БОЯРШИНОВОЙ

Профессор Зоя Яковлевна Бояршинова – известный в стране исследователь истории дореволюционной Сибири – оставила заметный след в отечественной исторической науке. Ее образ неотделим от истории становления и развития исторического и филологического образования и гуманитарных исследований в Томском университете. Охарактеризовать ее научное наследие для человека, не занимающегося этим периодом, а именно к людям подобного типа я отношусь, невозможно. Я могу только поделиться отдельными воспоминаниями о Зое Яковлевне как Учителе и Человеке.

Обычно облик ушедшего от нас человека со временем сглаживается. Но яркая, неординарная индивидуальность Зои Яковлевны и поныне живет в памяти многих поколений студентов. Мне она запомнилась внешне спокойной, собранной, уравновешенной, всегда деятельной, наполненной творческими замыслами.

Наше знакомство переросло в близкие дружеские отношения, отношения между учителем и ученицей, между старшей и младшей коллегами, ставшими друзьями. И ровно тридцать лет, вплоть до самой кончины Зои Яковлевны в 1986 г., они сохранялись.

В человеческих отношениях тридцать лет – большой срок, дающий право обдумать, осмыслить их, выделить то, чем интересно поделиться с коллегами, учениками как самой Зои Яковлевны, так и ее учеников, а также с молодой научной порослью истфака. Осенью 1956 г., став студенткой исторического отделения ИФФ ТГУ, я впервые стала слушать лекции Зои Яковлевны Бояршиновой.

Вспоминаются первый день занятий и первая лекция в университете 1 октября 1956 г. (учебный год тогда начинался после сельхозработ). 8-45 утра. В переполненной первокурсниками одиннадцатой аудитории БИНа царит атмосфера ожидания. Звонок. И тут же в аудиторию входит средних лет женщина и уверенным шагом направляется к преподавательскому месту. «Доцент Бояршинова Зоя Яковлевна, – представляется она. – Буду читать у вас курс по истории СССР с древнейших времен до середины XVIII века».

На II и III курсах я прослушала также разработанный Зоей Яковлевной двухсеместровый лекционный курс по истории Сибири. Сегодня этот курс, являясь составной частью исторического краеведения, стал одной из важнейших учебных дисциплин как исторического, так и в целом гуманитарного образования в Сибирском регионе. В 50-е же гг., впервые после восстановления в 1940 г. исторического образования в Томском университете, по инициативе Зои Яковлевны он стал читаться для студентов исторического отделения ИФФ. Введение в учебный план ИФФ ТГУ «Истории Сибири» во многом способствовало возрождению сибиреведения как исторической дисциплины в образовательной сфере и фундаментального научного направления в исследовательской области.

Лекции, манеру их чтения Зоей Яковлевной я никогда не забуду. Мысленно я частенько вспоминаю студенческие годы, экзамены, зачеты и пр.... Естественно, что прежде всего возникают лица преподавателей, их действия, поступки, манеры и, конечно же, их лекции и другие виды учебных занятий... Не помню, чтобы Зоя Яковлевна когда-нибудь опоздала на лекцию хотя бы на 2–3 минуты. Не помню также, чтобы она когда-либо выступала перед аудиторией сидя. Зоя Яковлевна всегда стояла и держала в поле зрения своих слушателей. Она как бы одновременно обращалась и ко всем вместе, и к каждому в отдельности. Речь ее не изобиловала эмоциональными оценками, лекторский темперамент никогда не подменялся внешней театральностью. Меня в ее лекциях захватывали, подчиняли, заставляли ловить каждое слово фактологическая насыщенность, простота построения и манера изложения материала.

Зоя Яковлевна всегда приходила на лекции с кипой листочков тетрадного формата, исписанных ее мелким почерком. Насыщенные сведениями из первоисточников лекции она читала, пользуясь готовым текстом, часто цитируя первоисточники, с боль-

шим мастерством и глубоким знанием воспроизводя древние тексты. В своих курсах Зоя Яковлевна отражала все достижения исторической науки. На ее лекциях мы знакомились с первоисточниками (основными, конечно), узнавали об основных исторических исследованиях и их авторах, о дискутируемых в те годы в советской историографии проблемах исторической науки. Все это дает мне основание спустя почти сорок лет свидетельствовать, что лекции Зоя Яковлевны Бояршиновой не только расширяли наш (студентов) кругозор, но и закладывали прочный фундамент исторических знаний.

Я не прошла под руководством Зои Яковлевны школы исследовательской работы (моим научным руководителем еще в студенческие годы стал профессор И.М. Разгон), тем не менее полученные на ее занятиях знания, навыки критического анализа первоисточников и историографических схем оставили глубокий след и оказали огромное влияние не только на мою дальнейшую судьбу, но и судьбу моих сокурсников. Убедительным доказательством является то, что из тридцати выпускников историков 1961 г., к коим принадлежу и я, трое (М.П. Завьялова (в студенчестве – Семибратова), В. Голубев, А. Гайдамакин защитили докторские диссертации по истории и философии, пятнадцать человек стали кандидатами наук.

Влияние педагогического мастерства Зои Яковлевны я особенно почувствовала, когда в 1963 г. начинала вести курс (читать лекции и вести практические занятия) по истории СССР с древнейших времен до 20-х гг. XVII в. Замечу, что за годы учебы в Томском госуниверситете мне посчастливилось слушать лекции плеяды блестящих преподавателей – профессоров И.М. Разгона, А.И. Данилова, К.П. Ярошевского, доцентов А.П. Бородавкина, М.Е. Плотниковой, Г.И. Пелих, А.А. Сергеева, А.П. Бычкова, Л.В. Алякринского, молодых кандидатов наук Б.Г. Могильницкого, Н.Н. Киселева, Г.П. Шатровой и др. Позднее почти все они, за исключением рано умерших Л.В. Алякринского и Г.П. Шатровой, удостоены докторских степеней, профессорских, почетных и академических званий. Естественно, что, помимо извлекаемых из их лекций знаний по историческим и другим гуманитарным дисциплинам учебного плана, я, как и другие, вольно или невольно испытывала на себе и влияние лекторского мастерства, что-то чисто интуитивно усваивая, а что-то и отвергая. Но, как показали мои первые шаги на педагогическом поприще, проявилось большое влияние лекторского темпера-

мента Зои Яковлевны Бояршиновой. Первым обратил на это внимание Александр Павлович Бородавкин. Как заместитель заведующего единой в то время (1963/64 учебный год) кафедры истории СССР, Александр Павлович пришел с контрольным посещением на одну из первых лекций. При обсуждении Александр Павлович заявил, что у него сложилось впечатление, что он попал на лекцию Зои Яковлевны Бояршиновой. Естественно, что для меня это прозвучало похвалой. Говорю об этом, чтобы еще раз особо обратить внимание на учительский дар Зои Яковлевны, показать, что ее лекторский темперамент на интуитивном уровне усваивался теми, кто слушал ее лекции.

Школой исследовательской работы были спецсеминары Зои Яковлевны Бояршиновой. Мне лично не пришлось пройти ее семинарские занятия, но я имела счастье в течение не одного десятка лет наблюдать ее взаимоотношения с учениками, работавшими в ее семинарах. Необходимо заметить, что семинары Зои Яковлевны считались трудными и, очевидно, поэтому не были многолюдными, но участники их составляли дружный и сплоченный коллектив, включающий студентов и аспирантов. Семинары Зои Яковлевны пробуждали научную мысль. Именно отсюда путь в науку начинали ныне известные ученые, доктора наук А.Н. Жеравина, Л.П. Белковец, Н.Ф. Емельянов, Л.М. Плетнева, Л.А. Чиндина. Особенно ценно то, что Зоя Яковлевна стремилась вовлечь своих учеников в круг более широких, выходящих за пределы стен Томского университета интересов. Со студенческих лет она вводила их в научную семью сибирских и московских историков, приглашая на научные собрания, конференции и симпозиумы прослушать доклады известных в стране ученых в области феодализма, и не только. Не раз я бывала свидетелем, как Зоя Яковлевна в Новосибирске и в Томске представляла своих учеников – студентов и аспирантов – профессорам М.М. Громько, Н.Н. Покровскому (Новосибирск) А.А. Преображенскому, С.О. Шмидту (Москва) и другим известным в стране ученым. Впоследствии знакомство это перерастало в довольно прочные и тесные творческие контакты, которые у большинства учеников Зои Яковлевны сохраняются и до сих пор, свидетельствуя о жизнеспособности научной школы Зои Яковлевы Бояршиновой и ее научно-педагогическом таланте.

Отношения ее со своими учениками были дружескими. Почти все они, начав работать в ее семинарах, стали бывать у нее дома,

порознь и вместе, всегда находя приветливую встречу и поддержку в решении всех учебно-научных и личных, вплоть до материально-финансовых, вопросов. Принадлежа к поколению тех российских ученых, которые в работе со своими учениками руководствовались принципом входить во все мелочи их повседневной жизни, Зоя Яковлевна никогда не опекала учеников и коллег по мелочам. Характерными в отношении Зои Яковлевны к ученикам были простота, сердечность и человечность. С виду строгая, даже суровая, она была исключительно человечна. Почти тридцатилетние близкие дружеские отношения позволили мне видеть Зою Яковлевну в различных ее ипостасях на факультете – декана, секретаря партбюро ИФФ, зав. кафедрой, председателя учебно-методической комиссии, в семье – дочери, матери, сестры, свекрови, тещи, бабушки, тети. С полным основанием поэтому могу удостоверить, что Зоя Яковлевна всегда была скромным, простым, исключительно деликатным и тактичным в обращении с окружающими человеком. Такой она и остается в памяти моей и близко знавших ее людей.

*Человек в истории. Памяти профессора З.Я. Бояришиновой:
Сборник науч. статей и материалов / Отв. ред. А.Н. Жеравина.
Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 43–46.*

Б.Г. Могильницкий

И.М. РАЗГОН В МОЕЙ ПАМЯТИ

Внимание читателя предлагаются субъективные заметки, основанные на сохранившихся в моей памяти впечатлениях о выдающемся советском ученом и замечательном человеке. Вполне сознаю своеобразие человеческой памяти как исторического и историографического источника. В силу самой своей природы она не может претендовать на запечатление прошлого, «как собственно это было». Какие-то его черты со временем стираются, другие, напротив, вырастают в своем значении, происходит определенная переконфигурация составляющих данный образ прошлого структурных элементов. И чем дальше уводит память, тем больше могут смещаться эти элементы, тем субъективнее предстает этот образ.

И все же мемуарный жанр имеет по сравнению с так называемым объективным исследованием, по крайней мере, одно преимущество: он дает ощущение непосредственной связи с рассматриваемым объектом, будь то историческое событие или отдельный персонаж, чувство сопричастности с ним, позволяющее разглядеть нечто существенное, проясняющее его сокровенную суть, лучше, чем одни только документальные источники. Думается, эта «опора на память» может быть особенно полезной при реконструкции образа такой яркой, неординарной личности, как Израиль Менделевич Разгон.

Я не принадлежу к славной когорте непосредственно учеников Разгона, но, наверное, как всякий, кто общался с ним, испытал

властное притяжение его самобытной личности. Перефразируя слова поэта, можно сказать: Разгон. Как много в этом звуке слилось для каждого, знавшего его. И как много отзывается, когда садишься за воспоминания о нем. Никак не претендуя на воссоздание целостного образа этого необычайно талантливого человека, многогранной и вместе с тем очень цельной личности, я пытался обозначить лишь некоторые черты ее, с тем, чтобы выразить свое уважение и восхищение этим человеком и ученым, столь много сделавшим для развития исторической науки и исторического образования в Сибири.

Мое знакомство с ним сначала было заочным. В 1949 г. в стране развернулась одна из самых позорных идеологических кампаний – яростная борьба с «космополитизмом», затронувшая все сферы советской культуры и науки. В исторической науке главными «космополитами» были объявлены известные ученые И.И. Минц, И.М. Разгон и Е.Н. Городецкий. Их имена не сходили с полос центральных газет, обвинявших крупнейших исследователей Октябрьской революции и Гражданской войны в «антипартийности», «подрыве сталинской дружбы народов», «антипатриотизме», «искажении исторической правды» и прочих смертных грехах. И вот в разгар этой разнузданной травли на нашем историко-филологическом факультете разнесся слух, что к нам приезжает «космополит Разгон».

Современному читателю трудно представить себе, какой резонанс могли иметь эти обвинения, выдержанные в стилистике приснопамятного 1937 г., последовательно создававшие в общественном мнении образ врага, и что должен был чувствовать сам объект этих обвинений! Правда, кампания против «космополитов» являлась настолько надуманной, настолько грубо были сшиты белыми нитками обвинения в их адрес, что, как я помню, слухи о грядущем приезде московского профессора вызывали среди студентов не праведный гнев, а скорее любопытство, замешанное на сенсационности происходящего, а может быть, и на некотором юношеском цинизме.

Тем сильнее в моей памяти запечатлелся следующий эпизод. Как-то в ясный осенний день я, тогда студент IV курса, во время прогулки со своим учителем, деканом факультета А.И. Даниловым, спросил его, правда ли, что к нам едет космополит Разгон? На всю жизнь запомнилась его реакция. Он внезапно остановился и резко

сказал: «Запомни, к нам приезжает лауреат Сталинской премии, профессор, коммунист Израиль Менделевич Разгон!». Так была обозначена занятая факультетом позиция в отношении опального профессора.

Разгон быстро вошел в факультетскую жизнь, тесно сблизился с группой талантливых молодых преподавателей-фронтовиков, задававших тон этой жизни. Особенно теплые, дружеские отношения у него сложились, несмотря на разницу в возрасте, с А.И. Даниловым, знакомым еще по МГУ (Разгон любил вспоминать, что был председателем счетной комиссии на защите Даниловым кандидатской диссертации в 1947 г.).

Буквально сразу же после приезда в Томск Разгон стал любимцем студентов. Вспоминаю, сколько в студенческой среде ходило легенд о Разгоне, о его доброте и заступничестве, о его недюжинной силе (все-таки бывший грузчик), проявлявшейся в победоносных стычках с томской милицией, и о многом другом. В его отношениях со студентами всегда существовала дистанция, не было и тени панибратства, но мы всегда видели в нем своего деятельного защитника, подлинно старшего друга. Стало факультетским афоризмом его выражение: «Если на экзамене преподаватель колеблется в оценке, колебаться нужно в пользу студента». А скольким студентам он в их нелегкой жизни помогал материально!

Студенческая любовь объяснялась не только личностными качествами Разгона. Огромный интерес вызывала его педагогическая деятельность. С первых же лет его работы в Томске на факультете стало в геометрической прогрессии возрастать число студентов, специализирующихся по истории Революции и Гражданской войны. Для многих поколений студентов спецсеминары профессора стали захватывающей формой первоначального обращения к науке и обретения навыков самостоятельной работы и творческого мышления, во многом определившей их дальнейший жизненный путь, и отнюдь не только в науке.

Я пишу эти строки в замечательную пору завершения учебного года, когда на факультете собираются выпускники разных лет, отмечающие свои «круглые даты». Радостные встречи, объятия, смех, слезы и воспоминания, воспоминания... На днях я побывал на одной из таких встреч. Собирались выпускники 1976 г. Одно из моих самых ярких впечатлений – выступление школьной учительницы,

очень тепло и подробно вспоминая о спецсеминаре Разгона и той роли, которую работа в этом семинаре сыграла в ее жизни.

Итак, Томск сразу принял Разгона, принял легко, быстро и навсегда. Но едва ли так же легко принял Томск Разгон. Слишком внезапным и разительным был поворот в его жизни. Можно только догадываться, что творилось в душе еще далеко не старого, а по нынешним меркам и вовсе молодого (ему исполнилось всего 44 года), блестящего московского профессора, увенчанного высокими государственными наградами, жившего в эпицентре научной и общественной жизни страны, чья стремительная карьера была так грубо прервана. Уже позднее в дружеских застольях он часто декламировал строки комсомольского поэта А. Безыменского: «Цека играет человеком, она изменчива всегда, то вознесет его высоко, то наземь бросит без стыда». Хотя и добавлял, что «без Цеки нам жизни нет».

Думается, что процесс адаптации И.М. Разгона к новым жизненным условиям в первые «томские» годы был нелегким, даже в чем-то мучительным. И в том, что он не сломался, что томский период стал временем расцвета его научно-организаторской и педагогической деятельности, трудно переоценить роль его новых друзей, всего его томского окружения, включая студентов, чью поддержку он всегда ощущал.

Но особенно велика была роль Галины Николаевны Циванюк, чья взыскательная любовь, да простятся мне громкие слова, спасла И.М. Разгона, укрепила в нем столь необходимую веру в себя, в свои силы, в свое будущее. Известная в городе женщина, заведующая кафедрой иностранных языков (позднее после раздела этой кафедры – кафедрой английского языка) ТГУ, активная общественница, она посвятила себя мужу, создала все возможные в Томске условия для его работы и отдыха, превратила его дом в чашу изобилия для друзей. Хорошо разбиравшаяся в людях, она много делала для того, чтобы в его близкое окружение не попадали карьеристы, подхалимы, случайные люди. В моей памяти запечатлелась умная, высокая, статная, спортивная (до войны она несколько лет была неизменной чемпионкой Томска по теннису), красивая женщина, радушная хозяйка большого гостеприимного дома, боготворившая своего Солю, как она называла И.М. Разгона, но вместе с тем строго за ним следившая.

Эти впечатления относятся к более позднему времени моего общения с И.М. – уже в качестве его коллеги. Мне выпало счастье много общаться с Израилем Менделевичем и Галиной Николаевной, как принято говорить, в неформальной обстановке, в полной мере испытать их радушие.

Я специально останавливаюсь на этом сюжете, потому что он помогает прояснить важную грань, рельефно подчеркивающую уникальную неповторимость личности И.М. Разгона, ее цельность. Душа любой компании, он всегда задавал тон, царил в ней, не подавляя, однако, других. Будучи в течение нескольких десятилетий председателем диссертационного совета, Разгон прославился как непревзойденный прирожденный тамада на послезащитных банкетах. Справедливо рассматривая эти банкеты как неотъемлемый элемент всего процесса «остепенения», он превращал их для диссертантов в яркий, незабываемый праздник.

Но особенно мне запомнились небольшие дружеские застолья, которые любил и на которых блистал И.М. Разгон. В таких застольях с особым блеском проявлялись его яркий интеллект, неистощимое остроумие, потрясающая память, сохранявшая интереснейшие детали общественно-политической, научной и культурной жизни Москвы 20-х гг. Сейчас приходится горько сожалеть, что мы так и не собрались записать эти воспоминания, являющиеся бесценным памятником устной истории советского общества.

Не могу не отметить еще одно обстоятельство. И.М. Разгон был носителем высокой культуры застолья, во многом утраченной сегодня. Он отнюдь не был анахоретом, любил вкусно поесть, хорошо выпить (уже в старости, прижимая к груди бутылку водки, восклицал: «Голодная норма профессора Разгона»), любил декламировать стихи, петь песни, ценил удачную шутку, веселый анекдот. Но не выносил пошлости, скабрзности, двусмысленности, и с его моральным авторитетом нельзя было не считаться другим.

Особая тема – его отношение к женщинам – необычайно предупредительное и деликатное, рыцарское в подлинном смысле этого слова. Недаром упоминавшаяся выше легенда (или быль?) о сражении Разгона с томской милицией заканчивалась так: разъяренный профессор, отправив мощным нокаутом в канаву одного за другим несколько милиционеров, немедленно поднял руки и сдался при появлении милиционера-женщины. Если добавить, что этот рассказ получил широкое распространение в студенческой среде едва ли не

в первый год приезда профессора в наш город, то приходится только изумляться, как быстро и как точно томское студенчество оценило одну из существенных черт Разгона-человека.

Он не был женолюбом в обычном смысле этого слова. Но за все годы общения с ним я не могу припомнить ни одного недоброго слова, сказанного им в адрес женщины, будь то студентка, аспирантка или преподавательница. Всегда окруженный женщинами, он для каждой из них находил теплые слова, и они не были просто дежурным комплиментом. Они, если позволено будет так выразиться, были строго индивидуализированы, но за каждым из них стояли галантность, сочувствие, поддержка и восхищение. Надо ли говорить, что женщины отвечали ему нежной любовью? А сколько было студенческих влюбленностей!

Отношение к женщинам особенно ярко высвечивало определяющую черту личности И.М. Разгона: его глубокую интеллигентность. Он представлял собою редкий тип подлинного интеллигента. Он никогда не «казался», всегда «был». И здесь невольно задумываешься о феномене советской интеллигенции, ярчайшим представителем которой являлся И.М. Разгон. Сколько за последнее десятилетие было выпущено в ее адрес с разных сторон ядовитых стрел, сколько было высказано презрения в отношении ее совковости, и лишь постепенно начинает приходить понимание ее действительного места и значения в жизни страны. И, добавлю, тех огромных перегрузок, которые выпали на ее долю.

Понятно, что речь идет о проблеме, которая в этих заметках не может специально рассматриваться. Мне хочется подчеркнуть лишь один ее аспект, приобретающий особое значение в наше время агрессивной бездуховности. Я имею в виду высокую духовность советской интеллигенции – качество, тем более поразительное, если вспомнить, какое ей досталось время. Это было суровое время, безжалостно ломавшее и «усреднявшее» людей, на всем и на всех оставлявшее свою неизгладимую печать. Не вдаваясь в тему «Интеллигенция и власть», думаю, что в этой ситуации интеллигенция являлась важным духовно стабилизирующим фактором в наполненной всевозможными катаклизмами жизни советского общества. Сформировавшейся в совершенно иных исторических условиях советской интеллигенции удивительным образом удалось сохранить черты преемственности со старой русской интеллигенцией, и прежде всего ее духовность.

Пути ее формирования были различны. Один из них, самый распространенный, воплотился в жизненном пути И.М. Разгона. Детские годы в семье местечкового ремесленника в глуши за «чертой оседлости», бурная комсомольская юность в Москве 20-х гг., учеба в вузе и последовавший затем стремительный рывок в науку, которой он оставался верен до конца дней своих... Не берусь судить, какая непростая работа мысли и души скрывалась за этими вехами жизненного пути. Могу только предполагать, что именно эта, невидимая постороннему глазу, напряженная работа и сделала его интеллигентом высшей пробы. И безмерно повезло нам, студентам конца 1940–1950-х гг., что мы, начиная свой самостоятельный путь в жизни, встретили ТАКОГО Разгона.

Нам повезло вдвойне – на историко-филологическом факультете в это время работала целая плеяда ярких, самобытных, талантливых преподавателей: Александр Иванович Данилов, Александр Павлович Бородавкин, Николай Федорович Бабушкин, Павел Васильевич Копнин, Константин Петрович Ярошевский, Николай Александрович Гуляев, совсем еще молодая тогда Фаина Зиновьевна Канунова. Вместе с И.М. Разгоном они составляли дружный коллектив, продуцировавший на факультете незабываемую ауру, одним из важнейших компонентов которой являлась высокая духовность. Нет нужды распространяться о том, какое влияние она оказывала на послевоенных студентов, какую роль она сыграла в судьбе многих из нас.

С высоты настоящего дня этим людям можно предъявлять немало претензий. Они принадлежали своему времени, искренне верили в его идеалы, но также разделяли многие его заблуждения и предрассудки, проявлявшиеся в их повседневной деятельности на факультете. Они являлись убежденными защитниками советской общественно-политической системы и ее идеологических ценностей, что, разумеется, выражалось в их образе мыслей и политическом поведении. Вместе с тем они не были бездушными «винтиками», бездумно проводившими партийную «линию». Я уже писал, как был встречен на факультете «космополит» Разгон. Рожденные системой, они в чем-то существенно выходили за ее жесткие идеологические параметры. Именно поэтому эти люди не остались в своем времени. Их имена с благодарностью вспоминаются и сегодня – в совершенно иной социально-политической и идеологической ситуации. Более того, в воспоминания о них вплетается выра-

женный легендарный оттенок – верный признак их укорененности в жизни факультета, в самом его духе. И, может быть, особенно сильно этот оттенок присутствует в восприятии наряду с образом А.И. Данилова образа И.М. Разгона.

Высокое духовное начало, пронизывавшее весь облик Разгона, в полной мере проявлялось в его научно-педагогической деятельности. В годы моей студенческой юности он был единственный на факультете профессор-историк. Сейчас их (нас) 20. Я не противопоставляю эти цифры: 1 и 20. Разные времена, разные люди. В чем-то нынешние профессора превосходят Разгона, например в количестве публикаций, в чем-то явно недотягивают до него, например в числе подготовленных кандидатов и докторов наук. Но не в этих количественных показателях суть дела. В нашем восприятии он был Профессором с большой буквы, которых, увы, нет сейчас на факультете, чье положение определялось не «бумажками», удостоверяющими его должность и звание, а высотой духовно-нравственного авторитета.

Вспоминаю себя. Я не слушал лекции Израиля Менделевича, не работал в его спецсеминаре, имел поверхностное, к тому же искаженное газетной шумихой о «космополитах» представление о его научных трудах. Но в моих глазах он, несомненно, являлся Профессором. Почему? Сегодня, спустя полвека с лишним, едва ли возможно, не впадая в грех модернизации, дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, но, думается, что в основе такого восприятия Профессора не всегда даже четко отрефлектированное, находившееся подчас на подсознательном, интуитивном уровне понимание масштабности его яркой личности, огромной силы и исходившей от него радиации, редкого по своей гармоничности сочетания физической и душевной красоты. Общение с ним обогащало, причем не только в узкопрофессиональном плане.

Позднее пришло понимание колоссальной значимости Разгона-ученого, не поддающееся, впрочем, точному выражению в каких-либо количественных показателях и требующее осмысления его деятельности в широкой перспективе развития сибиреведческих исследований в стране.

К сожалению, такого понимания не обнаружил Лев Разгон, который в своей интересной книге воспоминаний «Позавчера и сегодня» (1995) писал о своем брате: «У него не было способностей ученого-исследователя, а был талант учителя. В нормальной хоро-

шей средней школе Соля – преподаватель истории – пользовался бы большой любовью своих учеников... Успехов в жизни, карьеры, известности он достиг в большой мере потому, что со студенческих лет оказался прицепленным к паровозу, который уверенно тащил его в гору. Паровозом этим был его учитель и старший друг Исаак Израилевич Минц».

О Минце и отношении к нему Разгона я еще скажу. Сейчас же хочу подчеркнуть вопиющую несправедливость этих оценок ученого, чья кипучая деятельность заложила на огромных пространствах Азиатской России основы современного изучения истории Сибири. Правда, двумя страницами ниже Лев Разгон мимоходом упоминает, что он создал «сибирскую школу». Но как можно было это сделать, не обладая способностями ученого-исследователя, остается великой тайной.

Действительно, приходится сожалеть, что, работая в Томске, И.М. Разгон писал сравнительно мало. Думаю – не от «отсутствия способностей», а вследствие так до конца не преодоленного шока от разнуданных проработок 1949 г. Однако и то, что было опубликовано, характеризуется и оригинальностью постановки вопросов, и основательностью их решения. Об этом уже писали ученики и коллеги И.М. Разгона.

Я же хочу сказать о другом. В канун очередной годовщины Октября (это было, если мне не изменяет память, уже в начале 80-х гг.) И.М. Разгон выступил с циклом радиопередач о Томске 1917 г. Я ожидал услышать, откровенно сказать, к тому времени уже порядком надоевшее традиционное повествование о нарастании классовой борьбы, забастовках, демонстрациях и других его проявлениях, словом, всего того набора, который неизбежно составлял образ назревающей революции. Но вместо этого прозвучал увлекательный рассказ об обыденной жизни томичей в 1917 г. Выставки, концерты, театральные и киноафиши, нарастание экономических трудностей, короче, вся повседневная жизнь горожан, отразившаяся на страницах газет того времени (замечу в скобках, что мы, посетители Научной библиотеки ТГУ, поразились, как истово работал пожилой уже ученый над этими газетами, просиживая там многие дни и часы, не отвлекаясь ни на миг от своих занятий).

Так о революции тогда у нас не писали. Так начинали писать на Западе в рамках набиравшей силу молодой исторической субдисциплины, именуемой историей повседневности. Не думаю, что

И.М. Разгон был хорошо знаком с этой субдисциплиной и тем более находился под ее влиянием. Дело, на мой взгляд, в другом. Для меня этот цикл радиопередач является убедительным (добавлю, далеко не единственным, но в моих глазах особенно поразительным) свидетельством удивительной способности Профессора быть на острие современной науки, использовать, интуитивно открывать новейшие методики, позволяющие существенно расширить исследовательское поле в изучении даже, казалось бы, вдоль и поперек разработанных в советской науке проблем.

Теперь вернусь к его отношениям с И.И. Минцем. Он всегда с исключительной теплотой говорил о своем учителе, любил рассказывать о его участии в Гражданской войне (Минц был комиссаром знаменитого корпуса «червоного казачества», которым командовал В.М. Примаков), повторял его шутки и анекдоты. Оба они принимали активное участие в создании второго тома «Истории Гражданской войны», удостоенного Сталинской премии I степени, оба были объявлены главными «космополитами».

В их многолетней дружбе и сотрудничестве ведущая роль принадлежала Минцу. Но вот насчет «паровоза»? Думаю, этот образ в значительной степени справедлив для московского периода жизни и деятельности И.М. Разгона, но никак не для томского. А ведь, образно выражаясь, Разгон стал Разгоном именно в Томске. Именно здесь он создал прославившую его имя научную школу. Именно здесь он сформулировал целый ряд принципиальных положений и идей, ставших основополагающими в развитии послевоенного исторического сибиреведения. Именно благодаря его научно-организаторскому таланту, помноженному на кипучую энергию, была создана пятитомная «История Сибири». Именно здесь его имя стало знаковым. Именно здесь он стал локомотивом, мощно продвинувшим историческую науку и историческое образование в Сибири.

В заключение останувлюсь на таком деликатном вопросе, как нравственность ученого. Приходится с сожалением констатировать, что в историю советской исторической науки И.И. Минц вошел как крупный ученый, подчинивший свой талант проведению и обоснованию «партийной линии» в истории. Сколько раз менялась эта линия, столько раз изменялись и подходы ученого, создавшего, по образному выражению Л. Разгона, «все варианты советских историй».

Иным был его ученик. Он никогда не являлся партийным диссидентом, хотя, я думаю, его отношение к советской действительности, особенно в последние годы, носило достаточно критический характер. Но у него была совесть, не позволявшая делать лихие кульбиты в науке и жизни. В свое время рассказывали, что И.М. Разгона приглашали в высокие московские партийные инстанции, где ему обещали разные, в том числе академические, блага в обмен на покаянную критику себя и своих друзей. Он, естественно, не согласился.

Не могу судить, насколько это действительно имело место, но в этом рассказе, на мой взгляд, получила точное выражение нравственная позиция Разгона. Это была твердая позиция ученого, которая уберегла его от самобичевания в годы оголтелой борьбы с «безродным космополитизмом». Она же определяла его деятельность в Томском университете, свободную от всяких шараханий в угоду тем или иным сиюминутным колебаниям «линии».

Я не хочу идеализировать И.М. Разгона, да он меньше всего в этом нуждается. На его общей концепции истории Сибири сказывались те или иные идеологические штампы, например стойкое неприятие сибирского областничества и его вождей. Но в целом это была концепция ученого, а не политического приспособленца, что и определяло ее научную значимость, а в последнем счете и недосягаемо высокий авторитет ее создателя. Не все в ней выдержало испытание временем. За годы, прошедшие со дня кончины Израиля Менделевича, под влиянием радикальных перемен, совершавшихся в науке и самой жизни, переменялось видение истории Сибири, появилась новая исследовательская проблематика, существенно изменились некоторые оценки.

Не изменилось только одно: отношение сибирских историков к своему патриарху. Эти перемены нисколько не поколебали нравственный авторитет Профессора. Более того, из встреч с историками различных сибирских городов, чтения посвященных ему публикаций у меня возникло впечатление, что сегодня этот авторитет является даже еще более незыблемым. И, вероятно, оно, это впечатление, справедливо. Время стирает случайные черты, высвечивая главное. Думается, что пришла пора создания серьезного монографического исследования, которое бы досконально раскрыло это главное в трудной и славной жизни выдающегося советского ученого и педагога.

*Разгон И.М.: творческая биография ученого и педагога
в материалах и воспоминаниях. Ч. 1 / Сост.: Л.А. Голишева,
М.Э. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 57–66.*

Л.Г. Сухотина

СЛОВО О МОИХ УЧИТЕЛЯХ

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. прошлого столетия на нашем в то время историко-филологическом факультете сложилась группа выдающихся преподавателей и ученых. Это были лауреат Сталинской премии историк Израиль Менделевич Разгон, возглавивший кафедру истории СССР, Александр Иванович Данилов, заведующий кафедрой истории средних веков, в будущем министр просвещения РСФСР, философ Павел Васильевич Копнин – основатель кафедры философии на факультете, ставший позже директором Института философии Академии наук УССР в Киеве, затем директором Института философии Академии наук СССР. Заведующий кафедрой советской литературы Николай Федорович Бабушкин, открывший пятую редакцию лермонтовского «Демона», заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Николай Александрович Гуляев, очаровавший студентов глубоким знанием немецкой поэзии. В эту блестящую когорту преподавателей факультета вошел молодой преподаватель, позже защитивший сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертацию – Александр Павлович Бородавкин.

Сложившийся коллектив преподавателей определял лицо не только факультета, но и университета в целом.

Все они прошли фронт, получив дополнительный жизненный опыт, научивший серьезно и вдумчиво относиться к своим обязанностям и обусловивший тем самым высокий профессионализм кол-

лектива преподавателей, а также его сплоченность, чувство взаимопомощи.

Все это остро ощущали студенты, очень скоро выделив особенно ответственно относившихся к своему профессиональному долгу – долгу университетского преподавателя. В когорте преподавателей, вызвавших особый интерес и уважение студенческой массы, был А.П. Бородавкин, привлекавший глубокой мыслью и строгой логикой читаемых им лекций и в то же время всегда с уважением и интересом относившийся к студентам. Так, запомнились пожелания Александра Павловича, обращенные к своим ученикам. Из них особенно два – «Никогда не идите по пути наименьшего сопротивления» и еще: «Если можно сделать добро человеку, то надо это сделать». Очень скоро мы почувствовали, что это не были случайные, ни к чему не обязывающие его самого фразы, но мысли, определявшие содержание всей его жизни.

Не случайно Александр Павлович стал одним из самых уважаемых преподавателей. Тайна его личности заключалась в щедро данном ему природой богатстве – интеллектуальной одаренности и многогранности. Однако не только данным им природой, но и приобретенном большим, напряженным трудом.

Его всегда отличали постоянные размышления о прошлом и настоящем, неприятие идеологических догм и стремление выработать свою собственную систему взглядов, понять время, понять человека в обществе. Не случайно его как исследователя привлекали яркие исторические личности – В. Белинский, Т. Грановский, А. Герцен, декабристы.

Он появился на факультете в 1946 г. после окончания университета в Одессе, ряда кровавых фронтовых боев и тяжелого ранения, будучи уволенным в запас. Но постоянная напряженная работа, обусловившая глубокое знание преподаваемых им курсов, заинтересованность и увлеченность в отношении к излагаемому материалу, а также доброжелательное отношение к студентам делали его одним из самых любимых преподавателей. Проявилось его доброжелательное отношение к своим коллегам, он имел неиссякаемый юмор. Его стойкость проявлялась в том, что он никогда не показывал, что тяжелое фронтовое ранение в ногу мешало ему играть в волейбол.

Мысль А.П. Бородавкина всегда работала в русле самых актуальных тем. Поэтому в 60-е гг. его захватывает проблема путей аг-

рарной капиталистической эволюции Сибири. Это было время работы большого коллектива сибирских историков над историей края. Позже, естественно, он обратился к исследованию крестьянской реформы 1861 г., ибо в ней заключались причины и истоки, обусловившие специфику капиталистической модернизации России в целом. Работы А.П. Бородавкина по аграрной истории Сибири, и в частности Алтая, как известно, положили начало целому научному направлению в этой области, определив его содержание. И, вероятно, не все теперь помнят, а некоторые и вообще не знают, что начинал он свою исследовательскую деятельность с изучения истории общественной мысли. И в этом, несомненно, была своя глубинная логика. Здесь проявлялся постоянный интерес к человеку, его интеллектуальному творчеству, которое помогало лучше понять саму историю. Поскольку личность по сути есть всегда микрокосм своего общества, действительно глубокий анализ исторических процессов и явлений невозможен без учета общественной мысли, мировоззрения, ценностных установок мыслителя и, наконец, его взаимоотношений с другими представителями интеллектуальной элиты. Именно эти обстоятельства и вызвали интерес А.П. Бородавкина к исследованию исторических взглядов С.С. Шашкова, а затем к теме «А.И. Герцен и декабристы». В этом отнюдь не было следования идеологической моде. Они привлекли внимание ученого не как революционные деятели, но прежде всего как личности, заявившие о себе яркой интеллектуальной одаренностью и необычайной многогранностью.

Первым законченным исследованием А.П. Бородавкина, защищенным в 1950 г. в качестве кандидатской диссертации, стала работа, посвященная изучению деятельности и исторических взглядов С.С. Шашкова. Это не был случайный выбор. С.С. Шашков заинтересовал Александра Павловича как вдумчивый аналитик сибирской истории, интересный писатель и яркий публицист, ревностно борющийся за открытие университета в Сибири и много сил отдавший решению инородческого вопроса. Он был активнейшим деятелем областничества – либерально-буржуазного движения, трактовавшегося тогда как движение реакционное. А.П. Бородавкин один из первых пришел к обоснованному выводу, что областничество появилось на гребне революционно-демократического движения, было рождено его подъемом и носило не просто буржуазный, но либерально-демократический, просвети-

тельский характер, а следовательно, было движением прогрессивным. К такому заключению он пришел не только на основе изучения философско-исторических и политических воззрений Шашкова, но и рассматривая реакцию на них прогрессивно настроенных кругов сибирского общества. Публичные лекции Шашкова в Томске и Красноярске собирали огромную аудиторию и всегда сопровождались аплодисментами. Современников, а позже историков привлекали его вера в просвещение и нравственность как главную силу исторического процесса.

Обращение к новой исследовательской теме – «А.И. Герцен и декабристы» было для А.П. Бородавкина столь же закономерным, как и изучение взглядов С.С. Шашкова. Они для него являли собою интеллектуальную и нравственную элиту, цвет русской нации, остро сознающей свое право и обязанность помочь отечеству, но помочь так, чтобы не вызвать опасного для страны народного возмущения. В этой связи представляется не случайным, что написанная им в соавторстве со своей ученицей, а затем коллегой по кафедре Г.П. Шатровой монография посвящена именно Г.С. Батенькову. Единственный среди декабристов уроженец Сибири известен не только своей многообразной просветительской и другой общественно полезной деятельностью в период своего пребывания в ссылке (разработкой многочисленных планов и проектов хозяйственного развития Сибири), но также одной весьма немаловажной деталью своей биографии. В трагический день 14 декабря он не явился на Сенатскую площадь, сославшись на болезнь горла. Примечательно, что авторы монографии не замалчивают этот факт, как, впрочем, и не стараются привлечь к нему внимание читателя. Для них это событие в биографии декабриста не позорное свидетельство краха «дворянской революционности», но скорее всего проявление неуверенности в целесообразности и пользе выступления, поступок человека ответственного и думающего.

Оценка А.П. Бородавкиным А.И. Герцена, его философско-исторических взглядов и политических позиций намного опередила свое время. Ученый рассматривал Герцена не как революционера, но как либерала. И можно лишь догадываться, какую бурю возмущения вызвал его доклад в Институте истории в начале 60-х гг. Безусловно, это обстоятельство не могло ни охладить, ни притупить исследовательский энтузиазм. К сожалению, еще не наступило время, когда можно было свободно выразить свое мнение, если

оно расходилось с оценками, предложенными официальной идеологией. С большой долей вероятности можно предположить, что здесь кроется одна из причин ухода А.П. Бородавкина от изучения истории общественной мысли и обращения к социально-экономическим проблемам. Тут возникает болезненный для исторической науки и требующий особого рассмотрения вопрос о пределах возможного в научном творчестве в условиях тоталитарного режима. Конечно, дань своему времени прослеживается и в работах А.П. Бородавкина. Но важно подчеркнуть то, что его научные труды всегда были пронизаны самостоятельными раздумьями и поисками без оглядки на авторитеты классиков. Вот почему к числу положительных результатов его исследований следует отнести не только предложенные им и уже утвердившиеся в научной литературе выводы, но также те его суждения и идеи, которые вызывают споры и остаются еще дискуссионными, стимулируя тем самым дальнейшие творческие поиски.

Утрата Александра Павловича Бородавкина вызывает не только боль, но и тревогу. Уходят настоящие интеллигенты, бескорыстные ученые. Те, кто трудом своим подготовил и приблизил наступление нового времени в исторической науке, заслужив признательность и уважение своих коллег и учеников. И наш долг сказать о нем свое слово, сохранив благодарную память. Долг тем более неотложный, что все сильнее истончается слой истинных интеллигентов, людей широко мыслящих, независимых и смелых. Надо говорить о таких людях, чтобы помнить, каким должен быть человек. Это рождает оптимизм и веру в будущее.

Автор статьи, опираясь на приведенный в ней материал, хочет особо подчеркнуть мысль о том, что качество работы всякого коллектива определяется не только его профессиональным уровнем, но и отношением его членов друг к другу.

Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Материалы конф. / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 26–29.

Б.С. Жигалов

**ИВАН ГАВРИЛОВИЧ КОЛОМИЕЦ
(СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ)**

В Томском университете И.Г. Коломиец стал работать с 1948 г., прибыв сюда почти одновременно с А.И. Даниловым, И.М. Разгоном, Н.Ф. Бабушкиным и другими преподавателями, составившими славу историко-филологического факультета. В эту плеяду входил и Иван Гаврилович.

Когда в сентябре 1950 г. мы поступили на первый курс, то среди преподавателей, с которыми мы встретились на занятиях, наиболее сильное впечатление произвел И.Г. Коломиец. Первокурсникам он читал лекции по истории Древнего Востока, по истории Древней Греции и Рима. Хотя ему тогда не было и 50 лет, нам он казался очень старым человеком. Всегда безукоризненно одетый, часто в украинской вышитой рубашке, Иван Гаврилович читал лекции очень своеобразно, в присущей ему манере – неторопливо, негромко, фиксируя голосом наиболее важные даты, имена. При этом он обычно смотрел поверх наших голов куда-то вдаль. Всегда был очень внимателен и вежлив в отношении со студентами. С виду очень суровый, Иван Гаврилович был мягким, отзывчивым человеком. Это ярко проявлялось, когда он в качестве заведующего кафедрой вызывал нерадивых студентов для отчета о своей учебе.

Но в коллективе преподавателей ИФФ он держался несколько обособленно. Во-первых, он был старше по возрасту, старше даже И.М. Разгона, которого историки считали своим патриархом. Во-вторых, он был болен туберкулезом и часто ложился в больницу.

Его замкнутость была, вероятно, в определенной степени обусловлена арестом в конце 1930-х гг., хотя и не имевшим серьезных последствий. Во всяком случае отношение коллег к И.Г. Коломийцу было всегда подчеркнуто уважительным.

В Томск Иван Гаврилович приехал по рекомендации врачей из Ужгорода. До этого вся его жизнь и работа были связаны с Украиной. Там он окончил Днепропетровский университет, защитив накануне войны кандидатскую диссертацию «Крестьянская реформа 1861 г. на Екатеринославщине». В годы Отечественной войны он как политработник Красной армии прошел все ее дороги. В составе 1-го Украинского фронта майор И.Г. Коломиец участвовал в боях за Берлин.

В 1954 г. после отъезда А.И. Данилова в докторантуру в Москву Иван Гаврилович стал заведовать кафедрой всеобщей истории, которая вскоре пополнилась преподавателями, перешедшими из ТГПИ: Г.И. Пелих, Р.М. Мечниковой, С.С. Григорьевичем. Передав лекционные курсы по древней истории Г.И. Пелих, он смог целиком заняться любимым делом – славяноведением. Иван Гаврилович продолжил читать лекции по истории южных и западных славян, писал монографию. В издательстве ТГУ И.Г. Коломиец опубликовал капитальное 2-томное исследование по истории Закарпатской Украины в конце XIX – начале XX в., не потерявшее научное значение в наши дни. Он готовился защищать эту монографию в качестве докторской диссертации. Но, к сожалению, победить болезнь он не смог.

У меня сложились хорошие личные отношения с Иваном Гавриловичем. Он был научным руководителем моей дипломной работы и пригласил меня работать на кафедру. Иван Гаврилович просил С.С. Григорьевича помочь мне с определением темы диссертации по материалам архива Дальнего Востока, находившегося тогда в Томске. Для меня И.Г. Коломиец всегда был Учителем в полном смысле этого слова. Его кончина явилась для меня тяжелым ударом.

Архив Музея истории ТГУ. Подлинник. Рукопись.

С.В. Вольфсон

МОЙ ГЛАВНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Мне повезло в жизни на учителей. И в школе, и особенно в университете. Мы, поколение выпускников историко-филологического факультета 1955 г., застали золотое время, самый прекрасный этап истории нашего факультета, когда создавались его лучшие традиции, когда на факультете работала плеяда выдающихся ученых и педагогов, оставивших значительный след в отечественной исторической науке, в философии, в филологии.

Когда я вернулся на факультет и поступил в аспирантуру, мне по нынешним понятиям было немало лет – 31 год (сейчас у нас работают кандидаты наук, защитившие диссертацию в 25 лет).

Тогда, в 1962 г., кафедру новой и новейшей истории уже возглавлял С.С. Григорцевич, он пришел на факультет со стороны – из пединститута. Далеко не сразу я осознал, как нелегко ему удавалось утвердиться на нашем факультете. И дело не только и не столько в том, что он был «пединститутковский». Скорее всего, дело было в том, что с ним на факультете утверждалось новое научное направление – международные исследования.

Нигде в Сибири эта тематика, мягко говоря, не процветала. Точнее, международные исследования в сибирских вузах практически не велись. Громадный город Новосибирск и сейчас никак нельзя назвать центром международных исследований.

То, что Томск стал признанным в Советском Союзе, а затем и в России таковым центром – заслуга именно Станислава Селиверстовича Григорцевича.

Помню, в 70-е гг. в «Известиях» появилась статья, обвиняющая Институт США и Канады Академии наук СССР в монополизации американских исследований. В ответном письме группа известных американистов-академиков и докторов наук называла в качестве ведущих центров американистики Москву, Ленинград, Киев, Томск. «Известия» не нашли ничего более лучшего, как опубликовать письмо читательницы, выразившей сомнение – какая может быть американистика в Томске.

Это в «Известиях». А в Новосибирске мне ректор пединститута говорил: «В Сибири надо заниматься Сибирью».

Преодолеть этот господствующий тогда стереотип было нелегко. Станислав Селиверстович делал это спокойно, без надрыва, целеустремленно.

Я не помню, чтобы были какие-либо скандалы, выходящие на поверхность громкие конфликты. Недоверие преодолевалось научными результатами. На факультете всегда положительно относились к тому, что имело доказательно научный результат: монография С.С. Григорцевича, его статьи, а затем статьи и диссертации его учеников носили, бесспорно, научный характер. Это и определило положительное отношение, а затем и гордость факультета тем, что в Томске, в Томском государственном университете, появилось свое научное направление, происходило становление сибирской научной школы международных исследований. Аспиранты С.С. Григорцевича разъезжались по сибирским – и не только сибирским – вузам и, как бы это ни было трудно, продолжали свою работу в науке. Должен отметить, что в семидесятые и даже в первой половине восьмидесятых годов заниматься международными исследованиями было нелегко прежде всего потому, что мы не получали поддержки местных властей, прежде всего парткомов.

Парткомы несли ответственность за состояние дел на кафедрах общественных наук, отчасти их интересовали и кафедры истории СССР – это когда проводилась очередная кампания в связи с партийной трактовкой какого-либо периода или событий отечественной истории. Кафедра новой и новейшей истории в партийную номенклатуру не входила, и Станислав Селиверстович тщательно оберегал этот статус. Как-то, когда я посоветовался с работником горкома партии об очередном кандидате в группу международного молодежного движения, С.С. Григорцевич провел со мной основательную беседу, подчеркивая, что мы не входим в номенклатуру

парткомов, что подбор кадров на кафедру осуществляет факультет и сама кафедра, примешивать парткомы к нашим делам никак не нужно.

Сколько я помню себя на кафедре при С.С. Григорцевиче, мы никогда не участвовали в каких-либо политических кампаниях или очередных выборах.

Не скрываю, я был политизированным преподавателем, искренне верил в правильность советской внешней политики, активно популяризировал ее.

Но сомнения были, особенно когда речь шла о политике СССР в отношении Китая, о советско-китайских разногласиях, о взаимоотношениях между КПСС и КПК.

В то время, когда я работал над диссертацией и защищал ее, в США шла острая дискуссия о прошлом и настоящем американо-китайских отношений, у меня создавалось впечатление, что мы повторяем американские ошибки 1940–1950-х гг.

И тогда я шел к Станиславу Селиверстовичу. Спокойно и убедительно он высказывал свое мнение о прошлом и настоящем с точки зрения реальных интересов, определяющих действия политиков и государств. Это был реализм умного и опытного историка.

Я пытался спорить, но в конечном счете убеждался – учитель прав.

Характерны его отношения с учениками, с аспирантами. Возвращая исчерпанную карандашом статью, он просто не позволял сразу же вступать с ним в спор, приглашая прийти через неделю или через две недели.

Аспирант я был самоуверенный, сразу же пытался доказать, что прав именно я, но проходили дни и, вчитываясь, вдумываясь в ремарки научного руководителя, я убеждался, что он прав.

Не скрываю, что я считал С.С. Григорцевича консерватором, себя, естественно, таковым не считая. Но со временем я все чаще убеждался, насколько оправданным, насколько мудрым был этот консерватизм, опирающийся на знания и жизненный опыт.

Неоднократно С.С. Григорцевич останавливал меня в моих увлечениях. Он остановил меня, когда я загорелся идеей изучать такой феномен международной жизни, как «психологическая война». Естественно, я хотел изучать «психологическую войну», которую вели против СССР Соединенные Штаты Америки. Но ведь психологические операции вел и СССР, и иногда весьма результативно. Если быть объективным, «психологическую войну» вели обе

стороны «холодной войны». Мог я тогда писать об этом объективно? Нет, конечно, С.С. Григорцевич это понимал. Ко мне это понимание пришло с большим опозданием.

Но когда заведующий кафедрой видел, что речь идет о серьезном деле, он последовательно поддерживал нас.

Летом 1969 г. Госкомитет по науке и технике СССР утвердил задание и выделил финансирование на исследование проблем молодежного движения. Осенью этого же года партбюро исторического факультета в течение почти четырех часов обсуждало вопрос, как относиться к этой не свойственной для нашего факультета тематике. В дискуссии участвовали почти все профессора-историки. И только последовательная позиция С.С. Григорцевича и профессора Б.Г. Могильницкого дала нам возможность изучать международный опыт молодежной политики. Более десятка кандидатских диссертаций было защищено по этой проблематике. Больше, чем в каком-либо другом университете страны.

И всегда мы чувствовали поддержку заведующего кафедрой.

В рамках группы изучалась не только «молодежная» проблематика. Проблемы формирования внешнеполитического курса США и ряда других стран, в том числе непосредственно под руководством С.С. Григорцевича, вопросы методологии исторического знания (под руководством профессора Б.Г. Могильницкого). Это был коллектив, неразрывно связанный с двумя кафедрами, и традиции кафедр воспринимались как норма для молодых сотрудников «молодежной группы».

На кафедре новой и новейшей истории часто возникали споры, но, насколько я помню, никогда не было дрызг. С.С. Григорцевич ненавязчиво, как бы со стороны культивировал атмосферу взаимного уважения и взаимной поддержки.

Как человек старый – как говорится, «в возрасте» – я понимаю, наверное, что-то было. Но не помню. В памяти осталось именно это – взаимное уважение, воспитанное поведением и позицией нашего руководителя, нашего Учителя.

*Профессору С.С. Григорцевичу 90 лет. Томск:
Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. С. 8–11.*

А.Т. Топчий

Г.И. ПЕЛИХ – ПЕРВЫЙ ЭТНОГРАФ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Галина Ивановна Пелих (урожденная Вылевко) родилась 12 октября 1922 г. в Барнауле.

В семье Вылевко, где высоко ценилась образованность, с большой ответственностью относились к воспитанию дочери. Девочку научили читать и писать в 4 года и никогда не жалели денег на покупку книг.

Учиться Галина Вылевко начала в г. Колпашеве. В 1930 г. семья переехала в Томск, где Галина поступила в среднюю школу № 10, в которой проучилась до 7-го класса, а затем перешла в школу № 6. Она не только хорошо училась, но и активно занималась общественной работой: «Была звеньевым, председателем отряда, старостой класса, редактором школьной и классных стенгазет, а в 10-м классе – членом учкома».

В 1940 г. Галина Вылевко получила аттестат об успешном окончании школы и поступила на физико-математический факультет Томского университета. Но интересы первокурсницы были настолько широки, что этот выбор оказался не окончательным. Студентка Вылевко параллельно с учебой на физмате начинает посещать лекции гуманитарного цикла на историко-филологическом факультете. Здесь в годы Великой Отечественной войны преподавали эвакуированные в Томск видные ученые: директор Института украинской литературы АН УССР профессор Харьковского университета А.И. Белецкий, заведующий кафедрой средневековой истории Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского профессор МГУ А.И. Неусыхин, заведу-

ющая кафедрой всеобщей истории Историко-архивного института НКВД профессор Ф.А. Хейфец и др.

После окончания университета в 1945 г. Г.И. Вылевко была распределена в педагогический институт г. Сталинска (ныне Новокузнецк), где в качестве ассистента преподавала курс «История древнего мира». В 1946 г. Г.И. Вылевко вышла замуж за С.Т. Пелиха, они переехали в Томск, и в сентябре ее приняли ассистентом на кафедру истории древнего мира Томского педагогического института.

Интерес к этнографической науке у Галины Ивановны появился после ее случайной встречи в Латвии с известным этнографом Б.О. Долгих. Огромное влияние на изменение специализации Г.И. Пелих оказал другой выдающийся этнограф, тюрколог, профессор Ленинградского отделения Института этнографии им. Миклухо-Маклая Л.П. Потапов: он в начале 1950-х гг. пригласил Г.И. Пелих в аспирантуру. При выборе темы Г.И. Пелих учитывала следующие аспекты: место проживания, численность, степень изученности данной народности. «Я выбрала селькупов», – говорила она, и это стало целью ее научного творчества.

В 1954 г. в Москве в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Г.И. Пелих защитила диссертацию по теме «Территориальная община у селькупов Нарымского края конца XIX – начала XX века». Галина Ивановна стала первым в Томске специалистом, защитившим кандидатскую диссертацию по этнографии. С 1 октября 1955 г. Г.И. Пелих стала работать старшим преподавателем кафедры всеобщей истории Томского университета, а 31 января 1959 г. получила аттестат доцента.

За долгие годы изучения этнографической науки у Галины Ивановны выработалось собственное понимание сущностного потенциала этнографии, ее методологии и роли исследователя в познавательном процессе. Рассматривая этнографию как фундаментальную и прикладную науку, совмещающую в себе как описательные, так и теоретико-методологические функции, Г.И. Пелих писала: «Этнография представляет широчайшие возможности познания как социологических законов, так и законов исторического развития. Этнография больше, чем какая-либо другая гуманитарная наука, обладает способностью сочетать все методы естественно-научного анализа со способностью гуманитария (художника, писателя) проникать вглубь исследуемых явлений». Главную свою задачу

Г.И. Пелих видела в изучении народа на всех этапах его развития, во всех аспектах его жизни и деятельности. Особенностью этнографии она считала большой удельный вес полевой работы, основополагающим методом которой было наблюдение – «соль» науки. «Жизнь и культура любого народа неисчерпаемы по своей глубине. Они окружают этнографа со всех сторон. Создается впечатление беспредельных возможностей, ограниченных только техникой научной работы и силами исследователя. Этнограф в этом отношении напоминает естествоиспытателя, стоящего перед неисчерпаемым богатством явлений природы».

Указывая на огромное значение этнографических исследований в Сибири для решения проблемы происхождения многих народов как Сибири, так и Европы, Америки и отдельных областей Восточной и Юго-Восточной Азии, Г.И. Пелих писала: «...Сибирь – это не только мощный очаг древнего этногенеза, но и, попросту говоря, гигантская консервная банка. Сюда на протяжении многих тысячелетий выбрасывались (оттеснялись) из других мест мелкие этнические группы. Условия суровой северной тайги, тяжелая борьба за существование, изолированность от внешнего мира и пр. приводили к консервации старого образа жизни. Зброшенные в эти места небольшие группы людей – осколки былых этносов – останавливались в своем развитии. Иногда их называют «живыми окаменелостями». Их потомки донесли до наших дней многие черты старого быта. Для этнографа здесь необозримое поле деятельности. Конечно, от былых времен сохранилось немного. Но зато этнограф может наблюдать давно исчезнувшие у других народов драгоценные для науки живые черты старого быта, что недоступно археологу или историку».

С начала 1950-х гг. под руководством Г.И. Пелих в течение тридцати лет работали экспедиции на Оби, в низовьях Чулыма, на реках Таз, Кеть, Турухан, в южных районах Томской области: «Некоторые из участков этой территории были подвергнуты таким путем специальному сплошному этнографическому обследованию». В 1959–1963 гг. Г.И. Пелих проводила экспедиции с участием студентов к нарымским селькупам, хантам, шорцам. Полевые дневники этого периода, а также этнографические предметы хранятся ныне в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета.

Галина Ивановна с удовольствием вспоминала экспедиционное время: «...нехоженных трасс для сибирских этнографов нет». Чего стоила одна только экспедиция в Горную Шорию в 1962 г., когда параллельно со сбором этнографического материала средства для экспедиции зарабатывались то путем сплава леса, то перегонкой табуна лошадей до Таштагола.

В результате многолетних экспедиций Г.И. Пелих был собран в значительной степени новый и обширный этнографический материал, который требовал тщательного анализа: «Первый этап овладения техникой полевых сборов – это самое начало. А дальше? Через какие неизведанные научные дали может пройти этнографический маршрут и какие пропасти могут стать на пути теоретического обобщения?

<...>

При обработке экспедиционных материалов создавалось впечатление, что держишь в руках тысячи нитей, каждая из которых уводит в далекое прошлое человеческой истории, в какие-то глубинные пласты древнего быта и мышления. Но эти нити сплошь и рядом обрывались и не соединялись в единую ткань добротного исторического полотна. К тому же, многое не совмещалось с уже установившимися представлениями». Г.И. Пелих считала, что у этнографии есть «счастливая особенность» – возможность создавать (как бы самостоятельно) новый историко-этнографический материал, черпая его из глубин народной жизни.

Вполне правомерным представляется высказывание В.М. Кулемзина и О.М. Рындиной о значении научно-педагогической деятельности Г.И. Пелих: «Основы функционирования этнографической дисциплины в 1950–1960-е гг. заложила разносторонняя деятельность Г.И. Пелих. Ознакомление студентов историко-филологического факультета со спецификой этой своеобразной науки происходило во время слушания курса лекций по основам этнографии, а пробуждению живого и серьезного интереса к традиционному образу жизни аборигенных народов способствовало участие в экспедициях и полевых практиках». Многие из тех, кто в студенчестве побывал вместе с Г.И. Пелих в экспедициях, выбрали для себя профессию этнографа.

Тема докторской диссертации Г.И. Пелих – «Происхождение и история селькупов». 23 января 1976 г. ей был выписан диплом доктора исторических наук.

В конце декабря 1977 г. ее пригласили на работу в Новосибирск в Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, где она в качестве старшего научного сотрудника руководила группой этнографии до 1981 г. Затем она возвратилась в Томск и с 1993 г. работала профессором-консультантом кафедры археологии и исторического краеведения Томского университета.

<...>

*Историческая концепция Г.Н. Потанина /
Публ. А.Т. Топчия; под ред. Н.В. Серебренникова.
Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 3–7.*

Л.А. Чиндина

ВОСПОМИНАНИЯ...

О Владимире Ивановиче Матющенко – большом ученом, труженике, энтузиасте писали, пишут и будут писать историографы, друзья и оппоненты, учителя и ученики, по достоинству оценивая его огромный вклад в сибирскую, отечественную археологию.

Связь учителя и ученика характеризуется, как правило, векторным разнообразием, сложностью пересечений, перспективным или малоудачным исходом. За 50 лет наших контактов Владимир Иванович не просто коснулся, но в известной мере и предопределил мою археологическую судьбу. Палитра научных и человеческих отношений между нами исключительно богата и могла бы составить симпатичные мемуары. Но сейчас остановлюсь на ее малой изначальной частичке, сыгравшей определяющую роль в моей жизни.

В 1954 г. меня, студентку I курса Томского пединститута (ТГПИ), научный руководитель моей курсовой работы Г.В. Трухин привел в Музей истории материальной культуры (теперь МАЭС) Томского государственного университета (ТГУ) и отрекомендовал молодому и энергичному заведующему В.И. Матющенко. Здесь мне предстояло ознакомиться и описать коллекцию тюркских древностей раннего Средневековья (Фонды МАЭС ТГУ, № 6041), собранную А.В. Адриановым в Урянхайском крае (Тува). Потом последовали другие, в частности материалы Басандайского урочища (раскопки К.Э. Гриневича и А.П. Дульзона). И если научным руководителем моих студенческих научных работ оставался исто-

рик, краевед Г.В. Трухин, то по-настоящему археологическому мастерству, и прежде всего в его источниковедческой ипостаси, с этого времени меня учил В.И. Матющенко.

В 1957 г. нам, студентам, необычайно повезло стать участниками возглавляемой им многолетней археологической экспедиции ТГУ, исследовавшей Самусьский микрорайон. В этом году раскопки велись на загадочном памятнике бронзолитейщиков Самусь IV. Через три года Владимиру Ивановичу будет рукоплескать совет по защита диссертаций Ленинградского отделения Института археологии АН СССР по случаю сенсационных историко-культурных открытий в Западной Сибири, благодаря которым через десять лет произойдет переворот во взглядах евразийских археологов на ход исторических процессов в Урало-Сибирском регионе в эпоху первого металла. В ходе бурных дискуссий решится вопрос о самусьской культуре, откроются пути первых крупных миграций и судьба турбино-сейминско-самусьских бронз. Памятник Самусь IV обретет статус особо значимого национального достояния Советского Союза и станет классикой. Но это потом.

А тогда у В.И. Матющенко мы учились за дискомфортом экспедиционных будней, за грудой мытой и невытой керамики, кучей камней, мозаикой всевозможных пятен на земле видеть жилища и очаги, необыкновенные орнаменты и скульптуры, литейные формы, стрелы, ножи и копья, лодочные якоря и рыболовные грузила, приобщались к необыкновенному и замечательному благу товарищества и дружбы полевиков, распознавали красоту окружающего мира. Особое место, конечно, принадлежало вечернему костру, который не просто грел, кормил, светил и охранял. Он являлся (и является) ядром духовной жизни полевика. У костра особую поэтику приобретают рассказы о знаменитых мэтрах, забавные и грустные истории о себе и товарищах и, безусловно, песни, без которых немислимы археологические костры 1950–1980-х гг. Владимир Иванович всегда любил петь. Он солировал в таких уже почти забытых сейчас песнях, как «Советская малина», про фраера, стоявшего на перроне, про «студебеккер» с Тамаркой и коварную Маруську, выдравшую «четыре здоровых зуба», про босого Льва Николаевича Толстого и т.д. Надо признать, что небезызвестный медведь не просто наступил ему на ухо, но изрядно потоптался на нем. Однако мы это как-то мало замечали, неизменно подхватывали, и окружа-

ющий лес вздрагивал от дружного ора про Машку-каналю или впадал в лирическую грусть при звуках «Догорающего костра»...

В.И. Матюшенко уже тогда умещал в себе руководителя самых разных направлений в получении необходимых знаний и особенно в методике полевого дела: съемки и составления планов археологических объектов, раскопок памятников разных категорий, ведения полевой документации, регистрации, паспортизации находок, фотододела.

В 50-х – начале 60-х гг. в учебных планах, кроме общего курса по археологии, не было других форм обучения. В.И. Матюшенко пошел на отделение археологического направления от историко-археологического кружка, созданного еще в 1940 г. К.Э. Гриневицем. Впоследствии археологический кружок стал своеобразным центром, в котором заинтересованные студенты получали дополнительные знания (Гусев, 2003). Конечно, современный уровень науки не может сравниться с прежним и критический взгляд на прошлые исследования важен и естествен, но критика в любом случае должна быть объективной и, как мне кажется, великодушной, иначе она не конструктивна. При мысленном взгляде на то, что было сделано В.И. Матюшенко для сибирской археологии и для нас, его учеников, чаша добродетели весов беспристрастной Фемиды тянет до земли. Той земли, которую он с непреходящей страстью и вниманием изучает всю свою творческую жизнь и как результат – дарит открытия.

В 1962 г. по приглашению В.И. Матюшенко и Л.М. Старцевой (Плетневой) я вернулась в университет после работы в школе. Это было время нового мощного витка в творческой спирали Владимира Ивановича. В 1960 г. была защищена кандидатская диссертация, которая подвела итог «самуьскому» периоду, и круто набирал обороты второй период, связанный с изучением прежде всего Еловского микрорайона, хотя географическая и культурно-хронологическая широта его полевых исследований распространяется от Могочинской палеолитической стоянки до Берегаевского позднесредневекового могильника и русского города Томска. А в центре внимания ученого, конечно, были проблемы эпохи раннего металла. Итогом работ стал четырехтомный труд «Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век)» (Матюшенко 1973, 1974). И как акт признания его заслуг – широкое обращение к его творчеству в серии «Археология СССР»

(Эпоха бронзы..., 1988), не говоря уже о добром десятке диссертаций его учеников и многочисленных публикаций коллег.

Знаковым для меня стал 1963 г., когда начались работы на могильнике Релка. Именно тогда, раскапывая необыкновенные погребения, на скорую руку названные им шаманскими, Владимир Иванович сказал: «А что, Люся, не взяты ли вам серьезно за этот памятник? Очень интересно». Сегодня я могу признаться, что в первые минуты я пережила шок. И в самом деле, в то время мои научные возможности были скромны и мало соизмеримы со степенью сложности, объемом и глубиной тайн, сокрытых за разнообразием погребальной обрядности, многочисленностью, непохожестью и оригинальностью сопровождающих вещей. Однако моих способностей в тот момент хватило, чтобы оценить предложенный дар, предвещавший достойную историческую картину. Вот и «рисую» всю жизнь, а в душе живет глубокая благодарность за его учительскую щедрость и веру в меня. И если у меня что-то получилось, то пусть оно станет светлым бликом в учительской биографии Владимира Ивановича Матющенко.

P.S. Данная заметка была написана к 75-летию Владимира Ивановича в сборник Омского университета. Но в то время издание не состоялось. Признаться, очень сожалею, что так получилось. Этот период для В.И. Матющенко был очень сложным и трудным в нравственно-психологическом отношении. Нелегко было дистанцироваться от перестроечного бедлама и внутренних проблем: выросли ученики, безусловно способные, талантливые, с их максимализмом, категоричностью, естественной жадой самостоятельности. К учителю подкрадывалась старость с ее богатством опыта, мудростью оценок и, увы, грузом разочарований и утрат. Ничего нового и необычного в жизни научного мира, но подобную ситуацию приходится переживать каждому и страдать по-своему. Он не жаловался, не ныл, но душевный дискомфорт нет-нет да и проскальзывал в разговорах или письмах к коллегам. Например, горестный подтекст в небольшом письме мне в ответ на поздравление его с 70-летием. Ах, как это характерно для Владимира Ивановича – приходиться в мой дом всегда с цветами и обязательно отвечать на любое послание.

Очень хотелось поддержать Владимира Ивановича и открыто сказать, что ученики помнят о его заслугах и благодарны ему. Но не успели...

В.П. Зиновьев

ПРОФЕССОР Н.В. БЛИНОВ

Родился Николай Васильевич Блинов 15 августа 1929 г. в деревне Старая Покровка Анжеро-Судженского района Западно-Сибирского края. Родители – крестьяне до 1935 г., а позже – рабочие. Среднюю школу он окончил экстерном. По рассказам Н.В. Блинова, он в 15 лет ушел из дому для того, чтобы попасть на фронт, после достаточно опасных приключений стал воспитанником Бригады морской пехоты Тихоокеанского флота, участвовал две недели в боевых действиях в августе 1945 г., затем был демобилизован и учился в военном мореходном училище во Владивостоке, В 1948 г. он поступил в Томский университет (на историко-филологический факультет), который окончил в 1953 г.; аспирантуру по кафедре истории СССР – в 1962 г.

Доцент с 1964 г., профессор – с 1976 г. Своими научными руководителями и наставниками он считает Л.В. Алякринского, И.М. Разгона, А.П. Бородавкина, З.Я. Бояршинову, П.А. Зайончковского.

В Томском университете работал с 1953 по 1981 г. на кафедре основ марксизма-ленинизма, истории КПСС, истории СССР досоветского периода, заведовал Проблемной научно-исследовательской лабораторией истории, археологии и этнографии. С 1981 по 1992 г. работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС старшим, главным научным сотрудником, заведующим отделом. В 1992–1994 гг. работал ведущим научным сотрудником в Институте национальных проблем образования Министерства образования

РФ. С 1994 г. по настоящее время – профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов.

Профессор Николай Васильевич Блинов является одним из наиболее известных и оригинальных историков общественного движения в России, историков Сибири. Почерк его индивидуален и узнаваем в коллективных трудах по краткости изложения и емкости мысли, характерным оборотам.

Его первые труды посвящены отечественной социал-демократии, а кандидатская диссертация – возникновению социал-демократических организаций в Сибири. Открытость и аргументированность позиции, нетерпимость к халтуре, конъюнктурщине и хлуйству сразу же разделили коллег Николая Васильевича на его друзей и неприятелей. Крестьянское трудолюбие, помноженное на работоспособность спортсмена, помогло Н.В. Блинову совершить марафон по государственным и партийным архивам Сибири и столиц страны, собрать и систематизировать гигантский по объему материал, который частью не использован им до сих пор. Николаю Васильевичу посчастливилось знать участников революционных событий, героев его статей и книг – Валентина Евгеньевича Воложанина, Григория Иннокентьевича Крамольникова, Михаила Кузьмича Ветошкина, Николая Николаевича Баранского.

Труды Н.В. Блинова по истории социал-демократических организаций в Сибири стали новым словом в историко-партийных исследованиях, они органично включили историю партийных организаций в историю общественной жизни края. Не случайно, что из большого числа преподавателей кафедр общественных наук Сибири именно Н.В. Блинову редколлегия «Истории Сибири» доверила подготовку глав по истории социал-демократического движения за Уралом. Это явилось признанием научной значимости его исследований.

Организаторский дар Н.В. Блинова не раз привлекал внимание партийных органов, однако он не стал делать партийную карьеру. Наука для него стала не просто средством для существования, а смыслом жизни. Когда в конце 60-х гг. развернулась работа над другим фундаментальным проектом по истории рабочего класса и крестьянства Сибири, доценту Н.В. Блинову главная редколлегия «Истории рабочего класса Сибири» поручила подготовку первого тома труда, который должен был освещать историю дооктябрьско-

го периода. К этому времени Николай Васильевич перешел работать на кафедру истории СССР досоветского периода, заведовала которой З.Я. Бояршинова. Такое решение было естественным и принципиальным, потому что Н.В. Блинов, как и его учителя И.М. Разгон и А.П. Бородавкин, всегда считал историю Коммунистической партии не отдельной исторической дисциплиной, а частью отечественной истории. Не в этом ли причина того, что в Сибири только томская областная партийная организация так и не имеет своих очерков истории?

Напряженная работа над новыми курсами «История Сибири» и «История СССР периода капитализма» совпала с руководством группой аспирантов и научных сотрудников сектора «Рабочий класс» Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, который был создан для подготовки книги по истории дореволюционного рабочего класса Сибири. Это были в основном выпускники 1971 г. из спецсеминаров Н.В. Блинова и А.А. Говоркова.

Николаю Васильевичу предстояло не просто координировать работу опытных специалистов, таких как Г.Х. Рабинович, А.А. Мухин, О.Н. Вилков, Д.И. Копылов, А.Т. Коняев, Д.М. Зольников и др., взаимодействовать с редактором издания, директором Института истории СО АН СССР академиком А.П. Окладниковым и заведующим сектором истории капитализма института профессором Л.М. Горюшкиным, но и воспитывать из вчерашних студентов историков-исследователей. Это было самое сложное. Консультации превратились в многочасовые сидения. Положение спасал постоянно действующий семинар, на котором обсуждались сначала доклады сотрудников и аспирантов, затем – статьи, наконец – диссертации. Там же обсуждались проблемы свободы исторических исследований, репрессии, обрушившиеся на историков в 1930-е и в 1970-е гг.

В процессе подготовки книги по истории рабочего класса изучались также экономика Сибири, буржуазия, общественное движение в целом. Были выпущены ряд сборников, библиографический справочник, хроника стачечной борьбы. Ежегодно проводились конференции в Новосибирске, Томске, Барнауле, где мы имели возможность познакомиться с историками всей Сибири.

В основу изучения социально-экономических и политических процессов, происходивших в дореволюционной Сибири, были по-

ложены статистические методы. Н.В. Блинов – один из тех историков, которые выкорчевывали иллюстративный метод, удобный для аргументации любых априорных положений. Воюя с историческими мифами, Николай Васильевич прививал нам уважение к историческим фактам, учил читать труды классиков марксизма не как хранилище бесспорных истин, а как плод человеческой мысли, ограниченной и несовершенной, рожденной в определенной исторической ситуации. В условиях, когда подгонять факты под цитаты классиков было обычной практикой в среде историков, такого рода наука многого стоила. Сам постоянно ходивший на грани идеологического фола, Н.В. Блинов способствовал расширению творческого поля историков.

Большая часть текста «Истории рабочего класса Сибири в дооктябрьский период» была написана сотрудниками сектора «Рабочий класс» Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете. Этой лабораторией Н.В. Блинов руководил в 1979–1981 гг. Он мог определять направление дальнейшей работы группы историков, подготовивших книгу. Новой коллективной темой стала хроника рабочего движения в Сибири. Подобная работа разворачивалась в академических центрах страны. Сибирь стала зоной ответственности Томского университета.

Н.В. Блинов принял самое активное участие в разработке методики составления хроники и статистики рабочего и социал-демократического движения в России. Тогда же (в 1981 г.) по семейным обстоятельствам он переехал в Москву и стал сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Принимая участие в подготовке обобщающих изданий по истории революционного движения в России, он не забывал и сибирские исследования. Заметным было его участие в трехтомной «Хронике рабочего движения в Сибири», инициатором подготовки которой он являлся, в работе над новым проектом «Хроника общественного движения в Сибири». Под его руководством продолжали защищаться в Томском университете кандидатские диссертации, готовиться докторские диссертации.

В начале 1990-х гг. наступил некоторый перерыв в научном творчестве Н.В. Блинова, долгое время он не мог найти работу по душе, пока не стал преподавателем юридического факультета Российского университета дружбы народов в 1994 г. Сейчас он читает

лекции по истории государства и права России, вновь публикует статьи по истории общественного движения, общественной мысли, историографии, методологии истории.

Круг научных интересов Н.В. Блинова по-прежнему широк, как и круг научного общения. Индивидуально и в соавторстве он опубликовал 8 монографий общим объемом свыше 250 печ. листов, свыше 100 научных статей по проблемам истории, историографии, источниковедения социал-демократии, рабочего класса Сибири и России, политической истории России, археографии, государствоведения. Под руководством Н.В. Блинова защитили докторские диссертации более 20 человек, четверо написали докторские диссертации.

Перемены, происшедшие в обществе, не могли повлиять кардинальным образом на его образ мышления как историка. Безусловно, какие-то коррективы в оценках событий им были внесены, однако ему нет надобности каяться, в чем преуспели многие историки, особенно бывшие историки партии. Всегда мысливший автономно от идеологических догм, он и сейчас от них свободен. Николаю Васильевичу, как и ранее, претит конъюнктура, внешние атрибуты научного успеха. Среди же знатоков отечественной истории мнение его по-прежнему авторитетно. Николаю Васильевичу Блинову есть что еще сказать студентам и коллегам, он полон идей и замыслов.

Архив Музея истории ТГУ. Машинопись.

В.П. Румянцев

О НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА М.Я. ПЕЛИПАСЯ

Всю свою научную и педагогическую деятельность М.Я. Пелипась связал с Томским госуниверситетом. Сюда он поступил учиться на историко-филологический факультет в 1965 г., приехав в Томск из казахского города Петропавловска, где он родился 25 мая 1947 г. Окончив университет, М.Я. Пелипась стал работать на кафедре новой и новейшей истории ТГУ. Впоследствии Михаил Яковлевич отмечал, что то, что он прошел все «ступеньки» кафедральных должностей – от ассистента до заведующего кафедрой – значительно помогло ему в руководстве кафедрой, поскольку он на основании собственного опыта знал особенности работы всего штата сотрудников кафедры.

Научная деятельность М.Я. Пелипася неразрывно связана с именем профессора С.С. Григорцевича. Под его руководством Михаил Яковлевич защищал дипломную работу. С.С. Григорцевич стал научным руководителем М.Я. Пелипася при написании и защите в 1975 г. кандидатской диссертации «Политика правящих кругов США в связи с подготовкой и ратификацией агрессивного Североатлантического договора (1948–1949 гг.)». За цикл работ по истории создания Североатлантического договора М.Я. Пелипась получил премию ТГУ для молодых ученых.

Позже Михаил Яковлевич переключил свое внимание с трансатлантических отношений на ближневосточную проблематику. В 1989 г. была опубликована монография М.Я. Пелипася «Экспансионистская политика США и Англии на Ближнем и Среднем Восто-

ке в 1947–1952 гг.». Не уходя в докторантуру и продолжая выполнять учебные нагрузки на кафедре, М.Я. Пелипась подготовил, а в 1990 г. защитил докторскую диссертацию «Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке в 1947–1955 гг.». Научным консультантом при написании этой диссертации был С.С. Григорцевич. Докторская диссертация М.Я. Пелипася стала первым в отечественной историографии комплексным исследованием международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке в первое десятилетие после окончания Второй мировой войны, основанным на только что появившихся тогда рассекреченных материалах американских и британских архивов. В это первое послевоенное десятилетие сформировались многие основные узлы противоречий Ближневосточного региона, сохранившие остроту и актуальность до сих пор. Многие методы американской внешней политики, применявшиеся в последнее время, в частности, концепция конфликтов низкой интенсивности, имели корни, в том числе и в политике США на Ближнем и Среднем Востоке в 1947–1955 гг.

Михаил Яковлевич продолжал исследование ближневосточной политики Соединенных Штатов и Великобритании и после защиты докторской диссертации. Результатом его работы стала серия статей, а потом и монография, вышедшая в 2003 г. «Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг.». Расширив хронологические рамки своего исследования, М.Я. Пелипась основательно и подробно осветил эволюцию политики США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке от окончания Второй мировой войны до Суэцкого кризиса 1956 г.

Характерной особенностью исследования Михаила Яковлевича стало выявление попыток не только соперничества, но сотрудничества США и СССР в Ближневосточном регионе, при формировании новой мировой системы международных отношений в условиях «сползания» мира к «холодной войне». Как напоминал в своей монографии М.Я. Пелипась, Ялтинско-Потсдамская система международных отношений создавалась во имя сотрудничества великих держав, которые должны стремиться к пониманию и учету интересов друг друга, созданию обстановки взаимной предсказуемости действий. Попытки же игнорирования императивов времени будут приводить только к обострению международной обстановки. Выявившиеся разногласия между великими державами по ряду проблем ближневосточной политики, как отмечал М. Я. Пелипась, так

и не позволили, к сожалению, решить узловые проблемы региона, в частности – проблему палестинских беженцев. Провал ближневосточного мирного процесса, как оценивал томский исследователь, показывал, что время для его успешного развития либо было безвозвратно упущено в конце 1940-х гг., либо еще не наступило.

Значительное внимание в своих исследованиях М.Я. Пелипась уделял трансформации американско-британских отношений на Ближнем и Среднем Востоке в первое послевоенное десятилетие. Объективно Великобритания не могла в силу прежде всего экономических причин сохранять свое присутствие в Ближневосточном регионе в прежнем виде. Процесс превращения Великобритании из глобальной в региональную державу требовал пересмотра внешнеполитических установок официального Лондона. «Уход» Англии из региона, который, как казалось, открывал широкую перспективу для усиления позиций Соединенных Штатов, на деле оборачивался для американской дипломатии большими сложностями, требовавшими разнообразия тактических и стратегических действий.

Монография, написанная М.Я. Пелипасем четыре года назад, была высоко оценена отечественными и зарубежными историками. Эта монография как бы подвела итог более чем 20-летнему периоду его научного творчества, посвященного Ближнему и Среднему Востоку. Сам М.Я. Пелипась неоднократно говорил, что сложная специфика Ближневосточного региона, где причудливо переплетаются политические, исторические, экономические, этнические и религиозные конфликты и интересы государств региона и крупнейших мировых держав, требует отдыха от ближневосточных сюжетов.

В последние годы Михаил Яковлевич все чаще и чаще в своих научных изысканиях возвращался к тому, с чего начиналась его карьера ученого, – к трансатлантическим отношениям в конце 1940–1950-х гг. В замыслах исследователя осталась коллективная монография по американско-западноевропейским отношениям во второй половине 1940–1960-х гг., к написанию которой М.Я. Пелипась планировал привлечь своих учеников, защищавших кандидатские диссертации под его руководством. В последние годы М.Я. Пелипась взял хороший «разбег» в подготовке специалистов в области всеобщей истории. Только в 2007 г. защитились четыре аспиранта Михаила Яковлевича, а сам ученый планировал расширить и территориально и хронологически круг проблем, предлагае-

мых им своим аспирантам для исследования, оставаясь тем не менее верным направлению, заложенному на кафедре новой и новейшей истории ТГУ еще в 1970-е гг. – истории «холодной войны». Как в шуточной форме говорил сам профессор М.Я. Пелипась: «Я прочно засел в окопах «холодной войны».

Определенным признанием научных заслуг профессора Пелипася стало приглашение томского ученого принять участие в работе 87-го съезда Организации американских историков, проходившего в 1994 г. в г. Атланте (штат Джорджия, США). В 1999 г. М.Я. Пелипась стал выпускником программы Фулбрайта, по праву гордившись званием фулбрайтовского профессора – наивысшей награды любого специалиста в области американских исследований.

Талант ученого сочетался в Михаиле Яковлевиче с даром преподавателя. Долгое время М.Я. Пелипась руководил кафедральным научным студенческим кружком, порой собственноручно изготавливая грамоты для того, чтобы отметить того или иного студента, поощряя самостоятельную аналитическую работу студентов. М.Я. Пелипась читал также и лекционные курсы по истории южных и западных славян, а когда С.С. Григорцевич отошел от активной преподавательской деятельности, Михаил Яковлевич стал читать курс, читавшийся его учителем – Новейшую историю стран Европы и США (часть I).

Лекции М.Я. Пелипася отличались фундаментальностью, четким построением материала, концептуальностью, легкостью изложения. При этом у Михаила Яковлевича всегда было собственное видение материала. Информацию, которую он озвучивал на лекциях, порой было невозможно встретить в учебниках, это был, что называется, «эксклюзивный материал». Сам М.Я. Пелипась нередко говорил о том, что чтение лекций помогало ему в научной деятельности, поскольку часто необходимые и порой неожиданные мысли о той или иной исследуемой им проблеме приходили ему на ум как раз во время чтения лекций.

Нельзя не отметить организаторские способности М.Я. Пелипася. Им была создана в середине 1990-х гг. Сибирская ассоциация американистов. Начиная с 1994 г. М.Я. Пелипась был неизменным организатором всех проводившихся кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений ТГУ научных конференций. Михаил Яковлевич всегда старался привлечь к участию в конфе-

ренциях иностранных специалистов, для которых проезд в Томск, оставшийся в советские времена закрытым городом, до 1990 г. был под запретом. Одним из первых американских ученых, принявших участие в научных чтениях, проходивших в Томском государственном университете, стал тогдашний президент Ассоциации американских исследований США профессор Пол Лаутер, приехавший в Томск по приглашению М.Я. Пелипаса. Именно в беседах с П. Лаутером вырисовалась идея проведения сравнительных исследований проблем освоения и развития Сибири и Соединенных Штатов Америки. Эта идея многие годы интересовала М.Я. Пелипаса и послужила основанием проведения в Томске ряда международных и всероссийских конференций по проблемам американского и сибирского фронтиров.

М.Я. Пелипаса по праву можно считать одним из «пионеров» в отечественной науке фронтирной тематики, связанной с изучением особого психологического и социально-экономического феномена «пограничного человека». По инициативе М.Я. Пелипаса в 1996 г. в Томском государственном университете состоялась международная научная конференция «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)». Данная конференция вызвала широкий научный и общественный резонанс. Общепризнано, что проведение сравнительных исследований требует от ученых солидного багажа знаний как по отечественной, так и по зарубежной истории. Обобщая спустя 8 лет после проведения этой конференции опыт использования идеи фронта в гуманитарных исследованиях ученых Сибири, М.Я. Пелипась настаивал на необходимости продолжения сравнительно-исторических исследований по проблеме: американский Запад – Сибирь, несмотря на всю сложность этой проблематики. Как считал М.Я. Пелипась, необходимо инициировать в региональных научных центрах дискуссии, уточняя терминологию, накапливая эмпирический материал, используя отечественный и зарубежный опыт изучения проблемы границ как в историческом аспекте, так и в политико-юридическом, да и в самом широком плане.

Особенностью подхода М.Я. Пелипаса к проведению научных конференций по тематике фронта стал отказ от узкоспециализированного взгляда на проблему. Михаил Яковлевич настаивал на привлечении к фронтирным исследованиям филологов, лингвистов, культурологов и психологов. Крайне продуктивным в этом отно-

шении стало сотрудничество сибирских историков с филологами и лингвистами. Сотрудничество с ними выявило универсальность проблемы фронта, позволило по-новому взглянуть на проблему, носившую, на первый взгляд, сугубо исторический характер. Данный междисциплинарный подход позволял, по мнению профессора Пелипаса, преодолеть утрату российскими университетами комплексности гуманитарного обучения и знания, которая обеспечивалась в свое время историко-филологическими факультетами.

Уход из жизни замечательного ученого М.Я. Пелипаса – это серьезная утрата для отечественной науки, для американистики как области научных исследований специалистов по зарубежной истории.

Архив Музея истории ТГУ. Машинопись.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Деканы и заместители деканов историко-филологического (с 1974 г. исторического) факультета

Деканы

1917–1921 гг.

А.Д. Григорьев с 1 июля 1917 г. по 11 октября 1919 г.
С.И. Гессен и.о. декана с 20 октября 1919 по август 1921 г.

1940–2007 гг.

Г.В. Васильев с 15 июля 1940 г. по 24 июня 1941 г.
З.Я. Бояршинова с 24 июня 1941 г. по 20 февраля 1947 г.;
с 20 октября 1952 г. по 1 ноября 1955 г.;
с 18 сентября 1959 г. по 1 сентября 1962 г.

А.А. Скворцова с 20 февраля 1947 г. по 15 августа 1949 г.
А.И. Данилов с 15 августа 1949 г. по 5 сентября 1951 г.
Н.Ф. Бабушкин с 5 сентября 1951 г. по 20 октября 1952 г.
Ф.З. Канунова и.о. декана с 1 ноября 1955 г. по 1 февраля 1956 г.

Н.А. Гуляев с 1 февраля 1956 г. по 13 сентября 1959 г.
Н.Н. Киселев с 1 сентября 1962 г. по 16 ноября 1963 г.
А.П. Бородавкин с 16 ноября 1963 г. по 9 апреля 1965 г.
А.А. Говорков с 9 апреля 1965 г. по 1 июня 1968 г.
Б.Г. Могильницкий с 1 июня 1968 г. по 16 октября 1972 г.;
с 10 сентября 1974 г. по 17 февраля 1981 г.

О.М. Соколов с 16 октября 1972 г. по 10 сентября 1974 г.
Б.С. Жигалов с 17 февраля 1981 г. по 18 сентября 1986 г.
Б.П. Тренин с 18 сентября 1986 г. по 20 июня 1993 г.
А.Т. Топчий с 20 июня 1993 г. по 26 февраля 2004 г.
В.П. Зиновьев с 26 февраля 2004 г. по настоящее время

Заместители деканов

А.А. Гвоздев	с 1 июля 1917 г. по 1 июня 1921 г.
А.Л. Пинчук	с 1 июня 1946 г. по 1 сентября 1947 г.
А.И. Данилов	с 1 сентября 1947 г. по 20 декабря 1948 г.
Н.А. Гуляев	с 20 декабря 1948 г. по 8 сентября 1949 г.
З.Я. Бояршинова	с 8 сентября 1949 г. по 1 декабря 1950 г.
А.П. Бородавкин	с 15 января 1956 г. по 1 сентября 1958 г.
Р.М. Мечникова	с 1 сентября 1958 г. по 1 сентября 1959 г.
И.А. Воробьева	с 1 сентября 1959 г. по 5 октября 1959 г.
В.В. Палагина	с 6 октября 1959 г. по 1 марта 1961 г.
Н.Н. Киселев	с 1 марта 1961 г. по 1 сентября 1962 г.
Г.П. Шатрова	с 1 сентября 1962 г. по 1 ноября 1963 г.
Б.Г. Могильницкий	с 1 ноября 1963 г. по 1 января 1965 г.
О.М. Соколов	с 4 января 1965 г. по 7 марта 1966 г.
Е.М. Пантелеева	с 7 марта 1966 г. по 1 октября 1969 г.
Г.М. Шатров	с 1 октября 1969 г. по 17 апреля 1972 г.
Б.С. Жигалов	с 17 апреля 1972 г. по 15 мая 1976 г.
С.Ф. Фоминых	с 15 мая 1976 г. по 1 сентября 1984 г.
А.Н. Котляров	с 1 сентября 1984 г. по 4 сентября 1989 г.
А.Н. Попов	с 4 сентября 1989 г. по настоящее время

Составитель С.А. Некрылов

**Заведующие кафедрами историко-филологического
(с 1974 г. исторического) факультета**

1917–1921 гг.

Кафедра русской истории:

П.Г. Любомиров с 1 июля 1917 г. по 1920 г.

Кафедра всеобщей истории:

С.И. Протасова с 1 июля 1917 по 1921 г.

1940–2007 гг.

Кафедра истории народов СССР (с 1950 г. – истории СССР):

Г.В. Васильев с 1 сентября 1940 г. по 24 июня 1941 г.

З.Я. Бояршинова и.о. зав. каф. с 24 июня по 15 сентября 1941 г.;
зав. каф. с 16 ноября 1942 г. по 1 сентября 1944 г.

Э.Н. Ярошевский с 15 сентября 1941 г. по 16 ноября 1942 г.

В.Ю. Гессен с 1 сентября 1944 г. по 1 сентября 1948 г.

И.В. Кузнецов с 1 сентября 1948 г. по 5 ноября 1949 г.

И.М. Разгон с 5 ноября 1949 г. по 1 сентября 1956 г.;

с 1 мая 1958 г. по 1 сентября 1966 г.

А.П. Бородавкин и.о. зав. каф. с 1 сентября 1956 г. по 1 мая 1958 г.

С 1 сентября 1966 г. кафедра истории СССР была разделена на две: истории СССР советского периода и истории СССР досоветского периода.

**Кафедра истории СССР досоветского периода
(с 1992 г. – отечественной истории дооктябрьского периода,
с 2001 г. – отечественной истории):**

З.Я. Бояршинова	с 1 сентября 1966 г. по 1 сентября 1985 г.
А.А. Говорков	с 1 ноября 1985 г. по 1 октября 1996 г.
А.Н. Котляров	с 1 октября 1996 г. по 1 сентября 2001 г.
А.Г. Жеравина	с 1 сентября 2001 г. по 1 сентября 2002 г.
В.П. Зиновьев	с 1 сентября 2002 г. по настоящее время

**Кафедра истории СССР советского периода
(с 1992 г. – современной отечественной истории):**

И.М. Разгон	с 1 сентября 1966 г. по 3 декабря 1986 г.
М.Е. Плотникова	с 3 декабря 1986 г. по 2 сентября 1991 г.
С.Ф. Фоминых	с 2 сентября 1991 г. по настоящее время

**Кафедра древней истории (с 1948 г. –
истории древнего мира и средних веков, с 1951 г.,
после слияния ее в том же году с кафедрой новой истории,
получила название кафедры всеобщей истории):**

К.Э. Гриневич	с 1 сентября 1940 г. по 1 ноября 1948 г.
А.И. Данилов	с 1 ноября 1948 г. по 1 сентября 1954 г.
И.Г. Коломиец	с 1 сентября 1954 г. по 1 января 1959 г.
С.С. Григорцевич	с 1 января 1959 г. по 1 сентября 1961 г.

Кафедра истории средних веков:

А.И. Неусыхин	с 10 ноября 1941 г. по 1 октября 1942 г.
----------------------	--

**Кафедра новой истории
(в 1951 г. была слита с кафедрой истории древнего мира
и истории средних веков):**

Ф.А. Хейфец с 1 ноября 1941 г. по июнь 1944 г.
Р.Е. Кугель с июня 1944 г. по 1951 г.

С 1 сентября 1961 г. кафедра всеобщей истории была разделена на две: истории древнего мира и средних веков и новой и новейшей истории.

**Кафедра истории древнего мира и средних веков
(с 2000 г. – истории древнего мира, средних веков
и методологии истории):**

А.И. Данилов с 1 сентября 1961 г. по апрель 1967 г.
Б.Г. Могильницкий с апреля 1967 г. по настоящее время

**Кафедра новой и новейшей истории
(с 1993 г. – новой, новейшей истории
и международных отношений):**

С.С. Григорцевич с 1 сентября 1961 г. по 1 июля 1993 г.
М.Я. Пелипась с 1 июля 1993 г. по февраль 2007 г.
В.П. Румянцев с февраля 2007 г. по настоящее время

**Кафедра археологии, этнографии и истории Сибири
(существовала в 1962–1965 гг.):**

З.Я. Бояршинова с 11 марта 1962 г. по 1 ноября 1965 г.

**Кафедра истории России,
с 1 сентября 1993 г. в составе исторического факультета
(с 1998 г. – истории России и документоведения)**

Ю.В. Куперт с 1 сентября 1993 г. по 1 сентября 2001 г.
Н.С. Ларьков с 1 сентября 2001 г. по настоящее время

Кафедра археологии и исторического краеведения:

А.Т. Топчий с 1 августа 1991 г. по настоящее время

**Кафедра теории международных отношений и организации
внешнеполитической деятельности
(с 2003 г. – кафедра мировой политики):**

А.Г. Тимошенко с 1 сентября 1996 г. по настоящее время

Кафедра европейских языков

И.А. Ильяшенко с 1 октября 2006 г. по настоящее время

Составитель Д.В. Хаминов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бельтюкова Екатерина Петровна (1923 г.р.). Окончила историко-филологический факультет ТГУ. Кандидат исторических наук, доцент кафедры марксизма-ленинизма ТГУ. Преподавала в вузах Кемерово и Томска

Бояршинова Зоя Яковлевна (1909–1986). Окончила Томский педагогический институт. Доктор исторических наук, профессор ТГУ. В 1962–1965 гг. заведовала кафедрой археологии, этнографии и истории Сибири, с 1966 г. – кафедрой истории СССР дооктябрьского периода. В 1941–1947, 1952–1955, 1959–1963 гг. – декан историко-филологического факультета. Награждена орденом Трудового Красного Знамени (1971), медалями «За трудовую доблесть» (1953), «За трудовое отличие» (1955), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946) и др.

Вольфсон Савелий Владимирович (1931 г.р.). Окончил историко-филологический факультет ТГУ. Кандидат исторических наук, доцент. Основатель отделения международных отношений исторического факультета ТГУ (1993 г.). Заместитель декана исторического факультета по отделению международных отношений

Гессен Сергей Иосифович (1887–1950). Окончил философское отделение в Гейдельбергском университете, обучался в различных университетах Германии. Получил магистерскую степень в Санкт-Петербургском университете. Ординарный профессор по кафедре философии и логики Томского университета, с октября 1919 г. по август 1921 г. – исполняющий обязанности декана историко-филологического факультета. В 1921 г. был профессором кафедры педагогики историко-филологического факультета Петроградского

университета. В 1922 г. эмигрировал из Советской России и преподавал в различных европейских университетах

Голишева Любовь Александровна (1929–2005). Окончила историко-филологический факультет ТГУ. Кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета ТГУ

Гутнова Евгения Владимировна (1914–1992). Окончила исторический факультет МГУ. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета. В Великую Отечественную войну некоторое время была в Томске в эвакуации. Преподавала на историко-филологическом факультете. В совете Томского университета защитила кандидатскую диссертацию, посвященную английскому историку, мыслителю и публицисту Т. Карлейлю

Евсеев Михаил Павлович (1921–2002). Окончил историко-филологический факультет ТГУ. Доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой истории экономических учений ТГУ. С 1970–1989 гг. – декан экономического факультета ТГУ

Жеравина Аниса Нурлгаяновна (1932 г.р.). Окончила историко-филологический факультет ТГУ. Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории дооктябрьского периода (до 1992 г. – дооктябрьского, после 1992 г. – досоветского периода) исторического факультета ТГУ

Жигалов Борис Степанович (1932 г.р.). Окончил историко-филологический факультет ТГУ. Кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений. В 1981–1986 гг. – декан исторического факультета ТГУ

Зиновьев Василий Павлович (1949 г.р.). Окончил историко-филологический факультет ТГУ. Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории. С 2004 г. – декан исторического факультета ТГУ

Зольников Дмитрий Маркович (1919 г.р.). Окончил историко-филологический факультет ТГУ. Прошел Великую Отечественную войну. Преподавал на кафедре истории КПСС ТГУ. Затем работал на гуманитарном факультете НГУ. Доктор исторических наук, профессор

Канунова Фаина Зиновьевна (1922 г.р.). Окончила филологический факультет Ленинградского университета. Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета ТГУ, в 1959–1991 гг. – зав. кафедрой русской и зарубежной литературы, в 1955–1956 гг. – исполняющая обязанности декана историко-филологического факультета. Лауреат Государственной премии РСФСР в области науки и техники (1991)

Куперт Юрий Васильевич (1931 г.р.). Окончил историко-филологический факультет ТГУ. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения. С 1987 г. – зав. кафедрой истории КПСС гуманитарных факультетов (с 1991 г. – кафедра политической истории гуманитарных факультетов), с 1993 г. – зав. кафедрой истории России (с 1998 г. кафедра истории и документоведения) исторического факультета ТГУ. Заслуженный работник высшей школы РФ, академик Академии гуманитарных наук. Член-корреспондент Международной академии высшей школы, Председатель президиума Томского отделения Академии гуманитарных наук

Могильницкий Борис Георгиевич (1929 г.р.). Окончил историко-филологический факультет ТГУ. Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета ТГУ. Декан историко-филологического факультета ТГУ в 1968–1972 гг., исторического – в 1974–1981 гг. Заслуженный деятель науки РФ

Молчанова Мария Михайловна (1926 г.р.). Во время Великой Отечественной войны училась на историко-филологическом факультете. После окончания университета уже много лет работает в Научной библиотеке Томского университета

Палагина Вера Владимировна (1922–1994). Окончила историко-филологический факультет ТГУ. Доктор филологических наук, профессор. В 1957–1989 гг. заведовала кафедрой русского языка ТГУ. Лауреат Государственной премии РФ (1997 г., посмертно). Награждена медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»

Петухова (Кондратенко) Валентина Викторовна (1903–1986). Обучалась на историко-филологическом факультете Томского университета. Артистка, педагог, начавшая свою деятельность в театре еще в 1920-е гг. Работала в Томске в гоструппе под руководством

А.Э. Рошковского, Х.В. Хрисанфова, М.Ф. Кирикова и Азагаровой. Выезжала на гастроли в Бийск, Кизил, Ишим и др. В 1930-е гг. работала в драмгруппе Западно-Сибирского краевого радио в качестве артистки, чтеца, режиссера. С 1937 по 1971 г. – театрально-педагогическая работа. В.В. Петухова – организатор 1-й Сибирской театральной студии при Ленинградском театральном институте. Она директор и преподаватель актерского мастерства. В 1950–1960-е гг. директор областного Дома народного творчества. В числе ее воспитанников есть и профессиональные актеры: народная артистка РСФСР Инна Макарова и народная артистка СССР Нина Мамаева

Румянцев Владимир Петрович (1975 г.р.). Окончил исторический факультет ТГУ. Кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений. С 2007 г. – зав. кафедрой новой и новейшей истории

Селиванов Федор Андреевич (1928 г.р.). Окончил отделение логики, психологии и русского языка историко-филологического факультета ТГУ. Доктор философских наук, профессор. Работал доцентом на кафедре философии Томского университета, затем в 1966–1990 гг. – профессор, заведующий кафедрой философии в Тюменском индустриальном институте. С 1990 г. – заведующий кафедрой философии в Тюменском институте искусств и культуры. Академик Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки РФ

Соловьева Валентина Александровна (1922–2004). Окончила историко-филологический факультет ТГУ. Многие годы преподавала на историко-филологическом (с 1974 г. – историческом) факультете ТГУ. Заслуженный работник РФ, заслуженный ветеран труда ТГУ. Награждена медалью «Ветеран труда»

Сухотина Людмила Григорьевна (1930 г.р.). Окончила историко-филологический факультет ТГУ. Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории исторического факультета ТГУ

Топчий Анатолий Тихонович (1939 г.р.). Окончил историко-филологический факультет ТГУ. Доктор исторических наук, профессор, с 1991 г. – зав. кафедрой археологии, этнографии и исторического краеведения, в 1993–2004 гг. – декан исторического факультета ТГУ. В 1972–1979 гг. – зав. ПНИЛ ИАЭС

Чиндина Людмила Александровна (1937 г.р.). Окончила историко-филологический факультет ТГУ. Доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения исторического факультета ТГУ

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В СИБИРИ 90 ЛЕТ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ

Редакторы *В.Г. Лихачева, А.И. Корчуганова*
Оригинал-макет *Д.М. Кижнер*

Подписано в печать 20.04.2008.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 16,4; усл. печ. л. 15,2; уч.-изд. л. 15,7. Тираж 500. Заказ №

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ОАО «ИД Экс Либрис», г. Томск, ул. Высоцкого, 28, корп. 7